

Елена Самойлова Путешественница

Текст предоставлен издательством <http://litres.ru/>
«Путешественница»: Армада, Альфа-книга; М.: 2005
ISBN 5-93556-475-0

Аннотация

Нет, разве справедливо – во всех историях только добро и побеждает? А мы – служители зла – может быть, мало работаем? Просто раньше нам не везло. Ну, сами посудите: что судьба нашла в этой Ллине – нынешней Путешественнице по мирам? Почему ей постоянно везет? Ничего, пусть теперь отправляется в это, казалось бы, рядовое путешествие – за Печатью Серафима. Я уже подготовила ей парочку неприятных сюрпризов. Обещаю, что это станет ее последним походом, не будь я Ва... Впрочем, вы меня не видели, ни о чем не слышали. Познакомиться мы с вами еще успеем...

Елена Самойлова Путешественница

Глава 1 ВАМПИРСКАЯ ВОЙНА

Приветствую. Я – Путешественница. На самом деле это не имя, даже не прозвище. Это – работа. Если угодно – призвание. Вообще-то я не всегда была ею. Когда-то у меня была своя, вполне размеренная жизнь, текущая по принципу «учеба – дом – друзья – дом – учеба», со временем обещавшая превратиться в традиционную схему: «работа – дом – работа». Но случилось непредвиденное – меня ПРИЗВАЛИ. Самое смешное, я до сих пор не знаю имени своего так называемого «работодателя». Просто в один прекрасный день я очутилась в Зеркальном зале...

...Я обалдело глазела по сторонам, не в силах сообразить, что же случилось, – вокруг был гигантский бело-голубой зал. Огромное помещение освещалось только сиянием,

преломляемым тысячью зеркал, ровными рядами запленившими все стены. Одни зеркала сияли ровным светло-зеленым светом, другие – бирюзово-голубым, но большая часть освещала зал фиолетовым сиянием, погружая его в зловещие сумерки. А потом раздался голос:

– Ну здравствуй, Путешественница...

Я завертела головой в попытке обнаружить обладателя голоса. Это мне не удалось, поэтому я, досчитав в уме в обратном порядке до десяти, ущипнула себя повыше локтя. Взвизгнула и осознала, что я все-таки не сплю. Значит, это глюки. Я представила, как меня, упакованную в смиренную рубашку, несут двое дюжих санитаров, а я, брызгая слюной, кричу, что была в огромном зале, где разговаривала с Голосом, причем в зал я попала прямо из собственной квартиры. Картинка выходила настолько реалистичной, что я тихонечко взвыла и уселась прямо на пол.

Голос раздался снова:

– Ну чего ты испугалась? Могу заверить, что тебе это не кажется.

Ага, успокоил, блин. И что мне теперь делать?

– Вообще-то я перенес тебя сюда, в Зеркальную галерею миров, чтобы предложить работу.

– Работу? – переспросила я, заинтересовавшись. Что ни говори, а это все могло вылиться в довольно занимательное приключение. А уж приключения-то я с детства обожала... Поэтому уточнила: – А что за работа?

Вот тут я пожалела, что спросила: мне предлагали должность Путешественницы – наблюдателя, шастающего по мирам, появляющегося в критические для того или иного народа времена, чтобы вполне гармонично развитая цивилизация не скатилась по наклонной к полной деградации и угасанию. Каждое зеркало в зале – «окно» в такой мир. Светившиеся зеленым светом вмешательства не требовали – это были либо уже «исправленные» миры, либо те, которым до критической отметки еще ой как далеко. Голос не замедлил ехидно добавить, что в случае моего согласия я смогу путешествовать по таким мирам так же легко, как переходить из комнаты в комнату.

«А заодно и проводить отпуск», – подумала я.

Зеркала голубого цвета принадлежат тем цивилизациям, помощь которым может понадобиться через какое-то время. То есть критический момент в них еще не настал, но он не за горами. И наконец, фиолетовый цвет – критическая эпоха там уже наступила, что срочно требует вмешательства Корректировщика судеб (читай – Путешественницы). Оглядев окружающее пространство, я пришла к выводу, что корректировки требуют эдак процентов семьдесят всех миров.

– Э-э-э... А у меня вопрос.

– Да?

– Вообще-то тут зеркал не одна тысяча. У меня жизни не хватит на то, чтобы хотя бы обойти!

Голос одарил меня ехидным смешком и выдал:

– А это привилегия Путешественницы. Ей даруется бессмертие.

Наверное, глазки у меня нехорошо загорелись, потому что он тут же добавил:

– Но это бессмертие не абсолютное. Убить Путешественницу хотя и трудно, но можно. Как ты верно заметила, Корректировщику просто необходима архидлинная жизнь, чтобы исправлять судьбы миров таким образом, чтобы история в них шла не КАК ПОЛУЧИТСЯ, а КАК НАДО. Для того же Путешественница наделяется и высокой способностью к регенерации – ведь Корректировщика часто заносит в самую гущу боевых действий...

Услышав последнюю фразу, я резко погрузилась и уже собиралась было отказаться, но Голос успокоил меня репликой следующего содержания:

– Но Корректировщик – слишком ценный кадр. Поэтому ему помимо всего прочего дается весьма приличный презент – управление всеми шестью мировыми стихиями. В общем, если ты согласишься, то через какую-то пару сотен лет станешь практически

неуязвимой, так как твоя магия будет совершенствоваться вместе с тобой.

В конце концов Голос меня почти убедил, но, когда он сказал, что все миры находятся примерно в одной эпохе (как впоследствии выяснилось, у каждой эпохи Корректировщик был свой), а именно временах меча и магии, я возмутилась:

– Что? Проводить жизнь в Средневековье без тампаксов, зубной пасты и туалетной бумаги?! Не-е-ет, я на это не согласна. Я же без элементарных средств гигиены помру!

На что Голос фыркнул и, выдав пару непечатных слов (все правильно, я и святого могу довести до белого каления), популярно, без пафоса, объяснил мне, что магия, которой меня одарят, будет способна не только на боевые и защитные действия, но и на создание одежды, продуктов, пресловутых «предметов гигиены» и вообще всего, чего я захочу. После такого заявления я сдалась и согласилась.

– Отлично! – воскликнул Голос, и тут же зал осветился золотистым светом, который окутал меня коконом и слегка приподнял над полом.

Мое левое запястье с тыльной стороны невыносимо защипало, сквозь кожу проступали непонятные золотистые символы, застывая в виде татуировки. Через несколько секунд сияние погасло, а меня плавно опустило на пол. Татуировка на запястье погасла и казалась уже обычной, цвета светло-коричневой хны.

Я подняла взгляд и как-то по-новому взглянула на Зал. Краски стали ярче, предметы объемней, а зеркала уже не выглядели светящимися кусками стекла – теперь это были овальные окна, расплывающиеся по краям, сквозь каждое из которых я видела кусочек чужого мира. И тут же у меня возник еще один вопрос:

– А как же мои родные? Моя жизнь?

– Ты в любой момент можешь вернуться в свой мир. Однако есть одно «но».

Естественно, везде есть по крайней мере одно «НО».

– В своем мире у тебя исчезнут все способности, кроме той, которая позволит тебе открыть переход сюда, в этот Зал. Здесь твои способности автоматически восстановятся, как и долголетие.

– То есть в своем мире я буду стариться, как обычно.

– В общем-то, да.

– Офигеть.

Нет, определенно надо было еще немного подумать. Выходит, мне придется жить в своем мире крайне редко... Хотя... С учетом того, что я практически не буду меняться с течением времени, то это в принципе возможно... Только вот насчет татуировки... Хотя ладно. Всегда смогу сказать, что она временная. А могу и ничего не говорить. Кто знает, сколько лет будет проходить у меня между сегодня и завтра в родном мире...

– Ладно. Какое у меня первое задание?

– Вообще-то, все в твоих руках. Твоя задача – чтобы фиолетовых окон было как можно меньше. При переходе из Зала в любой мир тебе сообщат об основных этапах, которые надо предотвратить или изменить. То есть первое видение – то, что должно случиться БЕЗ твоего вмешательства, а второе – то, КАК это должно быть на самом деле. А уж как этого добиваться – твоя проблема. К тому же при переходе тебе будет дароваться знание языков всех разумных существ в том мире, куда ты отправляешься. В общем и целом, выбираешь мир, какой хочешь, и делаешь там, что хочешь, лишь бы это привело к нужному результату. После проведения основной корректировки можешь даже пожить в понравившемся мире, но не больше нескольких лет. Можно также вернуться в Зал и устроить себе отпуск в приглянувшемся мире, не требуя вмешательства... Короче, живи и работай в свое удовольствие. Нужен будет совет или консультация – вернись в Зал, позови меня. Вопросы есть?

Я помотала головой.

– Ну и ладушки. Тогда – удачи тебе, Путешественница...

Вот так я и стала Путешественницей. Я взяла себе другое имя – Ллина. Свое настоящее

я оставила в родном мире, в который время от времени навещаю. Но случилось, что меня почему-то переименовывали: в одном мире называли Кэлэбель, в другом – Калимдор, в третьем – настолько длинно и запутанно, что я только дивилась, как же такое можно выговорить, а тем более запомнить.

Вообще-то к настоящему моменту я уже лет сто мотаюсь по мирам и, что удивительно, действительно не меняюсь. Я принципиально не стала менять свою внешность – как была среднего роста девушкой с голубыми глазами и золотисто-русыми волосами, так ею и осталась. Единственное, что я позволила себе изменить – длину волос. Теперь они ниспадают гораздо ниже талии. Не знаю, зачем это надо было, но я еще с розового детства мечтала о длинных волосах...

Недавно я заскакивала в свой мир на выходные, а теперь стояла перед очередным окном, сияющим неровным фиолетовым светом, одетая в бледно-голубой джинсовый плащ, такие же брюки, на ногах – кроссовки... сколько путешествую по мирам, никак не могу привыкнуть к местной одежде... Особенно к нижнему белью. Белье – это вообще большая для меня тема, потому что иногда я попросту вынуждена переодеваться стопроцентно в местную одежду...

С такими мыслями я, глубоко вздохнув, уже привычно шагнула в гостеприимно распахнутое окно следующего мира...

Что-о-о?

...Мать моя женщина, что эти белобрысые жулики наверху удумали?! Еще могу понять, когда пришлось корректировать ход войны человечества с вампирами, но чтобы вампиров от ЛЮДЕЙ спасти?..

Сидя на покрытом обгоревшей травой холмике, чинно возвышавшемся над чадающим поселением вампиров, я впервые задумалась о том, что у моих «работодателей» не все дома. Это мягко говоря. Совсем чокнулись, мотыльки белобрысые!!! За добрую сотню лет, что работаю Корректировщиком, я делала многое: втихую воровала важные бумаги, подробные карты местности и колдовские книги из-под носа опьяненных своей силой и безграничной жаждой власти некромантов и магов, занималась в отряд наемников, идущих войной на вконец распоясавшихся диких орков и троллей, помогала эльфам покинуть Западные Земли, когда их уже совсем достали люди, и прочее и прочее...

А теперь мне предлагали спасти вампиров.

От людей.

Чудны дела твои, Господи...

Я еще раз окинула взглядом вампирий городок и глубоко вздохнула, дабы привести мысли и чувства в порядок. Ладно, в конце концов, Ему виднее... Кто знает, может, в этом мире все наоборот: люди – кровожадные существа, а вампиры... так, мирные и безобидные создания. В любом случае, как говорил Голос: если не знаешь, что делать – поговори с местным населением. С легким вздохом я нехотя направилась в город...

Зря я это сделала...

Глядя на вампиров, злобно щеривших клыки и потрясавших перед моим носом каким-то странным оружием – гибридом деревянной трости и узкого волнистого лезвия, я думала, что идея спуститься в поселение вампиров в образе человека, когда война с людьми в разгаре, была одной из самых идиотских за все девяносто шесть лет моих странствий по мирам. Откровенно говоря, первые пятнадцать – двадцать лет я усиленно училась на своих промахах, нередко вываливаясь из очередного окна в полумертвом состоянии, но это было давно.

Даже слишком давно.

По человеческим меркам.

Для Корректировщика я была совсем юной. Поэтому такие ляпсусы могли сходить мне с рук. В конце концов, я все еще учусь быть настоящей Путешественницей.

Вампиры по-прежнему скалились, поводя из стороны в сторону широкими

нетопыринными крыльями, но шинковать меня в салат почему-то не торопились. По-моему, ждали чего-то. Или кого-то.

И, по всей видимости, дождались.

Сквозь толпу вампиров шел Мастер.

Вновь прибывший отличался белоснежным цветом волос, фиолетово-серыми суровыми глазами и величественной осанкой. Судя по тому, как «рядовые» вампиры почтительно уступали ему дорогу, я пришла к выводу, что беловолосый здесь главный. И не ошиблась. Мастер мрачно оглядел меня с головы до ног, и я ощутила, как он буквально проникает в мое сознание с помощью телепатии. Наверное, я слишком долго не сталкивалась с такими мощными природными телепатами, поэтому заблокировать мысли мне удалось только секунды через полторы, а за это время вампир вполне мог успеть уловить размышления, «плавающие на поверхности». Что, судя по его удивленному лицу, он и сделал. По мере того как до вампира доходила полученная информация, его брови ползли все выше, а нижняя челюсть слегка отвисала, показав кончики клыков. Окружавшие меня вампиры смутились и опустили оружие, впрочем, убрать его они не спешили.

Наконец телепат справился с изумлением и жестом приказал убрать оружие.

Вампиры стушевались, но подчинились, негромко обмениваясь мнениями на гортанном языке. Наивные, думали, что я их не понимаю!

– И чего Мастер возится с этой человечницей?

– Вообще непонятно, как она в город попала...

– Так ведь Стражи на передовой...

– Тогда тем более пройти не могла...

– Может, люди какой-то проход нашли?

– Надо выпытать из нее всю информацию, а потом поступить так же, как они с нашими пленными...

Я заинтересовалась последней фразой и спросила у произнесшего его вампира на том же самом гортанном языке:

– И как люди поступают с вашими пленными?

Вампир шарахнулся от меня как от моровой язвы и, выхватив свое оружие, ткнул лезвием мне в лицо. Я не ожидала такой подленькой атаки и стояла перед ним без оружия, да еще и в тесноте, поэтому отреагировала чисто инстинктивно: выбросила вперед руку в защитном жесте, одновременно вызывая малый щит стихии Огня. Щит полыхнул красноватым отблеском при соприкосновении с волнистым лезвием, и в руке вампира осталась обугленная деревяшка. Вампир вторично шарахнулся от меня, а кольцо его собратьев начало сжиматься.

Спас меня беловолосый вампир. Он сделал шаг в мою сторону и заслонил от своих соплеменников. Представители вампирьей расы смутились и отступили, попрятав оружие.

Беловолосый повернулся ко мне и, глядя в глаза, коротко бросил на своем родном языке:

– Иди за мной.

После чего гордо развернулся и пошел по пыльной дороге между покосившимися и обгоревшими домами.

Я, пожав плечами, последовала за ним...

Да... Скажу честно, меня по-разному встречали, но ТАКОЙ неприкрытой ненависти я не видела нигде и никогда. Встречные вампиры, в подавляющем большинстве своем смуглые, с темными волосам, что было крайне нехарактерно для нежити, встречавшейся мне ранее, при виде меня судорожно сжимали пальцы на эфесах мечей или своим странным оружием, скалили клыки и прожигали ненавидящими взглядами, но вслух никто ничего не произносил. В человеческих городах меня бы уже давно напихивали стрелами или закидали камнями. Но, по счастью, здесь слишком любили и уважали своего Мастера, чтобы нападать на того, кто идет рядом с ним, пусть даже на смертельного врага – человека...

В гробовом молчании мы дошли до слегка покосившегося просторного дома. Мастер

открыл противно заскрипевшую дверь и, пропустив меня вперед, плотно прикрыл ее за собой.

Мы оказались в большой полутемной комнате. Вампир пересек ее и, устроившись на одном из стульев, стоявших за широким овальным столом, жестом пригласил меня присесть. Я выпендриваться не стала и уселась за стол переговоров. Мастер спросил в лоб:

– Откуда ты знаешь сентарен?

– В смысле ваш родной язык? – Вампир кивнул. – Ну, с учетом того, что какую-то интересную информацию ты уже получил из моего сознания, зачем вопросы?

– Поня-а-атно... – Протянул вампир. И тут же впился глазами в мое лицо. – Странно, – задумчиво произнес он после тщательного осмотра моей недовольной физиономии. – Я смотрю на тебя и чувствую, что никаких омолаживающих заклинаний на тебе нет, но тем не менее ощущаю, что тебе больше лет, чем кажется.

– Знаешь, я тоже смотрю на тебя, и на вампиров, виденных мною раньше, ты похож не больше, чем я на тролля. Солнца не боитесь, на людей почти не кидаются...

– Только, если совсем уж доведут, – усмехнулся Мастер. – Кровь мы, кстати, пьем только в тех случаях, когда нас серьезно ранят. И все-таки ты не ответила.

– На самом деле мне около ста пятнадцати лет. Точнее, сто шестнадцать.

– Получается, что ты не человек! Но я ощущаю тебя как человека! Ничего не понимаю...

Я грустно улыбнулась:

– Вообще-то я уже не совсем человек. У меня работа такая...

– Интересная работа...

– Уж какая есть. – Я невесело пожала плечами. – Ты здесь главный, поэтому должна кое-что тебе сказать. Меня направили, чтобы помочь вам выиграть войну.

Это невозможно.

– Что? – Видимо, я его не так поняла. Не может быть, чтобы Мастер так ошибался... или... Может, наоборот, – не строил никаких иллюзий.

– Мы не сможем победить людей. Их слишком много. А нас осталось слишком мало. Рано или поздно они вырежут всех нас... Мне жаль только одного...

– Жену и сына?

Он вскинул на меня глаза.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. – Я действительно знала. Его сын ДОЛЖЕН был выжить. Несмотря ни на что. И уж если здесь появилась я, то выживет. Но... ни жены Мастера, ни его самого я не ощущала в своих видениях... возможно, это означает, что их судьба не так важна. А может, их просто не будет... – Я помогу вам, – заверила я вампира.

– Как? – Мастер отозвался горестным смешком. – Только если ты перетянешь на сторону вампиров все расы, включая людей. Тогда, быть может, война будет остановлена.

– А что, это идея!

Я вскочила с места и, не обращая внимания на Мастера, зашагала по комнате. Вот оно, решение! Надо попросту вовлечь в войну остальные расы таким образом, чтобы они прямо или косвенно поддерживали вампиров. Против всех люди не рискнут выступить – сил не хватит. Но прежде всего надо склонить на сторону вампиров самих людей, как бы парадоксально это ни звучало.

Вампир, некоторое время наблюдавший, как я с выражением глубочайшего раздумья увлеченно протаптываю тропинку посреди чудом уцелевшего пышного ковра, попытался привлечь мое внимание. Результатом его усилий стало то, что я соизволила искоса взглянуть на него и, отмахнувшись, как от порядком поднадоевшей мухи, продолжила великое дело порчи казенного ковра. Мастер, изнывая от любопытства, все-таки подключился к моему сознанию, я это дело быстренько просекла, но выгонять обнаглевшего вампира не спешила, оставив его слушать мои внутренние рассуждения, но не пуская дальше...

Хм, я отвлеклась...

В общем, что мы имеем? Наверняка среди людей есть умные и трезво мыслящие существа (Мастер презрительно фыркнул, но я метнула на него испепеляющий взгляд – мол, хочешь слушать мои раздумья, сиди тихо и не мешай. Вампир пожал плечами, но от дальнейших комментариев воздержался). Обычно такими существами бывают ученые или маги. Ученые нам не нужны, а вот маги... Наверняка им самим не по душе зверства, учиняемые над вампирами простыми солдатами и наемниками. У магов совесть либо есть, либо нет совсем... Будем надеяться, что она есть. Отсюда вывод – если дать людям (читай – магам) понять, что еще кто-то не одобряет тотальное уничтожение вампиров, то появляется очень большой шанс, что они, то есть маги, вообще откажутся сражаться против вампиров, встанут по другую сторону барьера...

Значит, будем отталкиваться от этого.

Вывод...

– Эй, Мастер, какая в вашем мире самая большая и влиятельная раса?

– Многочисленные – гномы, но у эльфов большее влияние на Риону.

– Значит, отправлюсь вначале к эльфам. Буду подбивать их на бунт против родного человечества.

Я усмехнулась, а вампир серьезно посмотрел на меня:

– Слушай... как тебя там...

– Ллина. Меня зовут Ллина.

– Так вот, Ллина. Почему ты помогаешь НАМ? Ведь по логике вещей ты должна находиться на стороне людей, стремиться истребить «злых кровососов».

Я ехидно улыбнулась, подошла к Мастеру и, глядя ему прямо в глаза, тихо сказала:

– Мне случалось вести людей на войну против вампиров. Но то были *действительно* кровососы. Жестокие человекоподобные звери, не знающие ничего, кроме ненависти и жажды крови. Вот ИХ я помогала уничтожать. А ВЫ – разумные и вполне самостоятельные существа, у которых просто есть клыки и крылья. – Я выпрямилась и немного нагловатым тоном закончила: – И вообще – нравитесь вы мне больше, чем мои сородичи. Не такие жадные.

Вампир поперхнулся смешком, а я, уже подойдя к двери, остановилась и, обернувшись, спросила:

– А как называется ваш город?

– Вира-Нейн.

– Вира-Нейн, – повторила я. – Ну что же, Мастер. Постарайся сделать так, чтобы твой народ дожил до того момента, когда я соберу на вашей стороне баррикад все расы Рионы.

С этими словами я вышла на улицу. Солнечный свет ударил по глазам, и в голове у меня мелькнула пессимистическая мысль: а выполнимо ли то, что я так опрометчиво пообещала Мастеру Вира-Нейн?..

Я с отчаянием взглянула на ярко-голубое небо, на котором не было ни единого облачка, и в который раз тихо выругалась. Жара стояла невыносимая. Телепортировавшись поближе к человеческому населенному пункту с труднопроизносимым названием, я уже с полчаса бодренькой походкой вышагивала к виднеющимся впереди городским стенам. Я давно превратила свой джинсовый комплект в светло-голубое ситцевое платье до щиколоток, с коротким рукавом и глубоким вырезом, а кроссовки теперь стали миленькими светло-бежевыми туфлями без каблуков. Длинные волосы я заплела в косу. Таким образом, у меня был вид безобидной селянской девушки-пастушки, если б не два «но». Во-первых, глаза у «наивной пастушки» были уже далеко не наивными, как-никак недавно исполнилось сто шестнадцать лет, а во-вторых, шла «пастушка» по направлению от осажденной двойным кольцом и обложенной со всех сторон Вира-Нейн. Как я миновала оцепление, об этом можно написать целый рассказ.

Начать с того, что я, покрыв себя Воздушной сферой, которая делала меня не просто невидимой, а еще и неосязаемой, внаглую пошла напролом сквозь лагерь наемников. Обходя

солдат, горланивших очередную похабную песенку или хваставшихся тем, сколько вампиров они отправили в ад, я внезапно натолкнулась на прямой взгляд мага с темно-русой бородой, в которой уже пробивались первые нити серебряной седины. Маг смотрел прямо на меня умными и понимающими серыми глазами, а потом он развернулся и быстро скрылся в ближайшей палатке. У меня возникло предположение, что он все-таки умудрился меня увидеть. Вот только как? Подумав, я решила напрямую спросить это у самого мага. Поэтому, применив стихию Воздуха, попросту просочилась сквозь полог шатра. Маг меня ждал.

– Вы можете показаться. Сюда никто не войдет.

– Значит, вы меня не видите? – спросила я, развеивая заклинание невидимости. Маг вздрогнул от неожиданности, но страха в его глазах не было. Только любопытство. – Как же тогда вы узнали, что я здесь?

Маг улыбнулся и тихо сказал:

– Вообще-то я увидел не вас, а вашу... э-э-э... магию, что ли... Не знаю, как объяснить. Просто почувствовал, что вы стоите передо мной.

– Ясно... И чего же вы хотите?

– Вообще-то я собирался задать вам тот же вопрос. Чего хотите ВЫ? Кстати, мы не представились. Я – Викентий, маг второй категории.

– Ллина. Путешественница.

– Путешественница? Это имя или звание?

– Скорее должность. – Я улыбнулась. – Теперь, когда мы познакомились, хотелось бы объяснить цель своего прибытия.

Я непринужденно уселась на одеяло, расстеленное на полу. Викентий устроился напротив меня, изучающе глядя мне в глаза. Я вздохнула и одним духом выпалила:

– Скажем так, я хочу спасти вампиров от тотального уничтожения.

Видимо, он никак не ожидал такой откровенности, потому что буквально подскочил на месте, сделал несколько пассивов, от которых полотняные стены палатки покрылись зеленоватой пылью (защита от не в меру любопытных ушей), и, глядя на меня выпученными, как у головастика, глазами, тихо прошипел:

– Вы что, с ума сошли! Нельзя ли потише? – С этими словами он еще пару раз обошел палатку по кругу, чем здорово напомнил мне хомячка. Как-то раз в глубоком детстве я постучала пальцем по стеклу банки, где несчастное животное обитало. У грызуна было такое же изумленное состояние... Правда, носился он по дну банки не в пример быстрее...

Наконец маг прекратил нарезать круги и, заложив руки за спину, ненавязчиво поинтересовался:

– А если я прямо сейчас выйду и крикну солдатам, что здесь сидит защитница вампиров?

– Вы не станете так поступать, – спокойно ответила я.

– Это еще почему?

– Потому что вы это могли сделать еще до того, как я вошла сюда. Но вы предпочли поговорить. – Я немного поерзала на жестком одеяле, устраиваясь поудобнее, и добавила: – К тому же мне кажется, что вам самому не нравится эта война.

– Вы правы... – Викентий уселся напротив и со вздохом признался: – Не только меня настораживает ситуация с вампирами. Многих магов это не устраивает, но мы ничего не можем поделать. – Он развел руками. – Если перейдем на сторону вампиров открыто, нас сметут вместе с ними.

– А если на сторону вампиров встанут остальные расы?

– Смотря какие...

– Скажем, гномы, эльфы и прочие? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– В таком случае... – Викентий ненадолго задумался. – Тогда большая часть магов без страха присоединится к вампирам или просто добровольно выйдет из игры...

– А люди останутся без магической поддержки против остальных рас и отступят, – закончила я.

– Да... Скорее всего, так и будет... Но... – Он удивленно посмотрел на меня. – Как же вы сможете договориться со ВСЕМИ в Рионе?

Я пожала плечами:

– Да никак. Поговорю с эльфами, друидами и, пожалуй, гномами. А уж они сами найдут общий язык друг с другом. Хотя, думаю, достаточно будет, если на стороне вампиров выступят только они. А там и вы подоспеете.

– Как-то все легко у вас получается... А вы уверены, что убедите эльфов? Если сумеете договориться с ними, то с другими будет проще – за Перворожденными потянутся все остальные.

– Да... – Я задумчиво почесала подбородок. – Скажите, Викентий, а вы сможете убедить магов выступить на противоположной стороне или хотя бы дезертировать в случае, если к вампирам присоединятся эльфы и гномы?

– Я думаю, да.

– Отлично. – Я поднялась. – Тогда будьте готовы.

– Но как мы узнаем, что они согласились помочь?

– Вы поймете. – С этими словами я окуталась сферой невидимости и уже собиралась выйти из палатки, как голос мага остановил меня.

– Ллина... Вы выглядите как юная девушка, но рассуждаете слишком разумно для такого возраста. Чар на вас тоже нет, я бы почувствовал... Сколько вам лет на самом деле?

– Вообще-то женщинам не принято задавать такие вопросы, но вам я отвечу. Мне чуть больше ста.

– Но... как же... Ведь так не бывает?..

– Я – Путешественница, Викентий. И этим все сказано.

Теперь я клянусь себе за то, что не отправилась в Златодрестье – государство эльфов – путем непосредственной телепортации в нужное место. Но для этого нужно было иметь хотя бы карту местности. Поэтому я обреченно топала по тракту к человеческому «форпосту», чьи башенки возвышались впереди. Подойдя к воротам, я вновь напустила на себя невидимость, и, миновав таким образом стадию взимания пошлины, выловила первое же попавшееся на моей дороге чумазое чадо. Сунув ему в качестве мзды за информацию большой сладкий пряник, я спросила, где тут лавка ближайшего картографа. Малыш, уже вцепившийся обеими руками и двадцатью с чем-то зубами в пряник, невнятно пробормотал адрес. Ответ меня не устроил, и после моего фирменного взгляда с парой искорок в зрачках ребенок сделал титаническое усилие, проглотив непрожеванный кусок, и подробно, с перечислением всех улиц, поворотов и ближайших лавок указал-таки требуемое направление. После чего подорвался с места и в мгновение ока скрылся в ближайшем переулке.

Через полчаса я все-таки попала туда, куда мне было нужно, а еще через пять минут обзавелась плохонькой, но все-таки довольно подробной картой Рионы и прилегающих к ней государств. Осталось только найти укромный переулок и незаметно телепортироваться в государство эльфов, что я незамедлительно и сделала...

Оказалась я посреди леса, в котором росли такие деревья, что столетние дубы по сравнению с ними казались зелеными росточками. Нижние ветви этих исполинов начинались на высоте десяти – пятнадцати метров, а уж полную высоту деревьев мой глазомер напрочь отказывался определять, сославшись на невозможность выполнения поставленной задачи. Кроны великанов почти полностью закрывали небо над головой, так что вокруг царил прохладный сумрак, разбиваемый лишь отдельными столбами солнечного света, проникавшего в просветы между листвой. Станным было то, что несмотря на очевидную нехватку света, трава и прочая растительность произрастала вокруг весьма густо.

Так бы я, наверное, и стояла, любуясь лесом, но тут услышала, нет, скорее, даже почувствовала, что ко мне кто-то приближается. Я сразу окутала себя невидимостью и

плавно воспарила к кроне гигантского дерева, при ближайшем рассмотрении – ясеня. Оказавшись на уровне нижних веток, я подумала и, поднявшись еще выше, засела, аки партизан, на высоте двадцати метров, поближе к стволу.

И явилось зрелище!

Ко мне направлялись эльфы.

Передвигались они совершенно потрясающе. Дело в том, что в каждом мире эльфы разные, и объединяют их только остроконечные уши и миндалевидные глаза. Все остальное, начиная от внешности и заканчивая характером и традициями, разное. Приблизившиеся эльфы были воинами. Это сразу было понятно по тому, как осторожно, по-кошачьи, они двигались, при этом не издавая ни малейшего звука. К тому же все они были вооружены короткими изящными луками и метательными ножами, а одежда позволяла им надежно скрываться в листве...

Эльфы перемещались по деревьям.

Они совершали невероятные прыжки, делая сальто в воздухе, пробегая по веткам, не шевеля ни единого листочка. Менее чем через полторы минуты группа Перворожденных с луками наготове уже заняла позиции вокруг того места, где я стояла буквально пять минут назад. Я же, сидя в своем укрытии, едва сдерживалась, чтобы не захихикать, глядя на то, как воины сосредоточенно оглядывают буквально каждый сантиметр. Самое интересное, что они наверняка ощущали меня, но увидеть или услышать никак не могли.

Ветки справа едва ощутимо спружинили, и метра на три ниже меня появился эльф с луком в руках. Пока новоприбывший напряженно осматривался, я не менее увлеченно разглядывала его. Итак, аккуратные остренькие ушки на месте, длинные бледно-золотистые волосы рассыпаны по плечам, тонкие изящные пальцы лежат на тетиве, придерживая стрелу. Напряжение в воздухе висело – не передать. Минут пять эльфы еще прочесывали взглядами пространство, а потом, вроде бы расслабившись, опустили оружие. Эльф подо мной тоже успокоился – я видела, как плечи его опустились, и тут я совершила очень большую глупость.

Мне захотелось над ним пошутить.

Я тихонько свесилась с ветки вниз головой и громко спросила, одновременно снимая с себя невидимость:

– Кого ищем?

Лучше бы я этого не делала!

Эльф подскочил, как подстреленный в самое чувствительное и неожиданное место пониже спины, и свалился со своего «наседа». В падении он умудрился сначала выстрелить в меня, а уж потом, извернувшись в воздухе, словно кошка, приземлиться на ноги. Я взвизгнула, ставя щит, отразивший стрелу, и тут же мне пришлось срочно отцепляться от ветки, дабы уберечь свою шкуру от десятка стрел, полетевших в меня. Благодаря магии и элементарной везучести ни одна из них в меня не попала. Я же, чудом умудрившись схватиться за нижнюю ветку, подтянулась, оседлала ее и только после этого рискнула встретить озлобленные и недовольные взгляды эльфов, целившихся в меня.

Ну почему в этом мире везде так неприветливо встречают незнакомцев?!

Я непринужденно поерзала, устраиваясь поудобней, при этом старалась не слишком светить бельем, особенно тому эльфу, который благодаря мне сверзился с ясеня, и приготовилась к ведению переговоров. Но разговора не получилось.

Эльф, стоявший подо мной на земле, махнул рукой, и тут же в меня полетело еще как минимум два десятка стрел. Чертыхнувшись, я отцепилась от ветки, в полете телепортировавшись на ближайшее дерево. Не успела перевести дыхание, как в нору облюбованного мною ясеня впились несколько стрел, причем одна из них намертво пришила подол моего платья к стволу. Выругавшись еще раз, я пожелала укоротить платье до бедер, одновременно призывая стихию Ветра, которая позволяла мне двигаться быстрее выпущенных стрел. Выскочив из-за ствола, я с новообретенной скоростью и ловкостью пробежала по ветвям ясеня, на ходу выудив прямо из ниоткуда сияющий клинок,

который казался сотканным из отблесков пламени. Эльфы осыпали меня градом стрел, но я с легкостью отбивала их так, что на землю попадали уже обугленные палочки.

Я размахивала клинком, превратившимся в тонкую полосу, и на ходу перерубала луки ближайших эльфов, когда что-то с силой ударило мне по кисти, и меч, сверкнув, исчез в траве. Я оглядела и увидела, что эльфы, оставшиеся при оружии, продолжают целиться прямо в меня.

Нет, это не эльфы. Это маньяки какие-то!

Словно прочитав мои мысли, «маньяки» синхронно выстрелили.

Я не двинулась с места – просто призвала стихию Ветра, и все стрелы, окутавшись сеткой электрических разрядов, зависли в воздухе. Я со злостью обвела притихших лучников взглядом, не сулившим ничего хорошего, и тотчас все оружие в их руках запылало белым огнем. Нужно было сделать это с самого начала.

Эльфы с возмущенными криками побросали загоревшиеся луки, а я, соскочив на землю, материализовала в ладонях ослепительно-белую шаровую молнию, от которой во все стороны сыпались голубоватые искры, и зловеще произнесла:

– Ну что, разумная раса, будем вести конструктивный диалог или как?

В ответ со всех сторон посыпались пожелания на эльфийском языке пойти в места не столь отдаленные, а общий фон шума сводился к тому, что в гробу они видали какие бы то ни было переговоры с представителями низшей расы. Дав лучникам выговориться, я тихо сказала на эльфийском:

– Теперь понимаю, почему вампиры не смогли уговорить вас помочь им. Интересно, вы всех причисляете к «низшим» или только людей и вампиров? Ах, да. Я забыла гномов, троллей и орков... Кто у нас еще есть? Дриады... Ладно, они ближе к вам...

Эльфы, услышав из уст человека безупречную родную речь, слегка призадумались. Потом один из них, тот самый, которого я своей неуместной шуточкой сбила на землю, пристально посмотрел на меня изумрудно-зелеными, как у кошки, глазами и тихо спросил уже на общепринятом диалекте, на котором в Рионе говорили все – от людей до гоблинов:

– Ты что, от вампиров пришла?

– Вообще-то да. Утром говорила с Мастером Вира-Нейн. Вампиры просят о помощи у Первородженных, а я согласилась провести переговоры от их лица.

– Та-а-ак... – Эльф потер виски и устало взглянул на меня: – Но ты же человек. Люди первыми напали на вампиров. Почему же ты перешла на сторону Вира-Нейн?

– Так сложились обстоятельства, – пафосно продекламировала я, а потом добавила нормальным тоном: – Вообще-то не одной мне не нравятся действия людей. Я уже говорила с человеческими магами – они гарантируют, что, если другие разумные расы присоединятся к вампирам, то чародеи либо уйдут с поля боя, либо присоединятся к большинству. Так что слово за эльфами.

– Вообще-то в таком случае тебе надо поговорить с нашим Властителем. Я думаю, он выслушает тебя. Кстати, – эльф виновато посмотрел на меня, – извини, что обстреляли. Просто в Златодревье уже приходили люди, предложившие нам выступить против вампиров, в противном случае они грозили, что следующей расой, подвергнутой уничтожению, будем мы сами.

– Вы не согласились?!

Эльф взглянул на меня как на умалишенную и с возмущением в голосе ответил:

– Нет, конечно! За кого ты нас принимаешь?

«За маньяков», – мрачно подумала я, возвращая своему наряду первоначальный вид. Зеленоглазый эльф с сожалением во взгляде покосился на мое резко удлинившееся платье, но ни слова не сказал. Мы прошли немного по тропинке, ведущей в глубь леса, потом я вспомнила, что так и не представилась. Я решила исправить сие досадное упущение:

– Кстати, я – Ллина.

– Элланон, – церемонно склонил златоволосую голову эльф.

– А остальные?..

Я обернулась и вздрогнула, обнаружив, что мы остались вдвоем. Когда эльфы успели разбежаться – ума не приложу. Элланон снисходительно улыбнулся:

– Человек не может ощутить уход эльфа, если тот сам этого не захочет.

– А приход? – язвительно отозвалась я.

Элланон, видимо, вспомнил, как коварно я подстерегла его на ветке, и смутился. Некоторое время мы шли молча, а потом эльф спросил:

– Слушай, Ллина, а как ты очутилась в Лесу?

– В смысле? – не поняла я. – Телепортировалась, как же еще?

– Да? Странно... – задумался он.

– Что именно?

– Вообще-то этот Лес – творение эльфов. В него нельзя проникнуть незаметно. А уж как Лес расправляется с незваными гостями, да еще и вооруженными, – тебе лучше не знать. Скажу только, что останков мародеров не находили даже эльфы и дриады.

– Дык... – Я споткнулась на ровном месте.

Все-таки Путешественники изначально рождаются в рубашке. Я ведь смотрела на карту, где на общем диалекте четко все было написано: «Лес эльфов», а снизу маленькая сноска – «людям БЕЗ эльфов категорически НЕ рекомендуется туда лезть». Я же, по простоте душевной, решила, что понятие «человек» некоторое время назад перестало относиться ко мне в прямом смысле. Поэтому нарочно телепортировалась в Лес...

Элланон сочувственно посмотрел на мое ошарашенное лицо, но деликатно промолчал. Тем более что мы вышли на небольшой луг. Открывшаяся нашему взору картина поразила меня до глубины души.

Луг находился на небольшом пригорке, взобравшись на который я увидела море зелени, пересыпанной яркими пятнами цветов. «Море» колыхалось и танцевало, ветер играл травой, порождая серебристо-зеленую рябь, а за всем этим великолепием виднелась стена высоченных деревьев, на каждом из которых я разглядела по небольшому домику. Сзади неслышно подошел Элланон – я ощутила его присутствие по колебанию ауры – энергии, окружающей каждое живое существо во всех мирах. Он не без гордости произнес:

– Это – Златодреве.

– А? – Я, все еще находясь в прострации, в которую меня погрузило созерцание изумительного пейзажа, медленно повернула голову на звук и с трудом сфокусировала взгляд на Элланоне. Его изумрудные глаза смотрели на меня с некоторой настороженностью.

– Ллина?

– Да-а?... – томно выдохнула я.

Эльф страдальчески закатил глаза к небу и слегка потряс меня за плечи. Я очнулась от полугипнотического состояния, в которое меня повергло созерцание травяного «моря», и взглянула на Элланона уже более осмысленно:

– Не тряси меня, пожалуйста. И вообще, я что, не имею права вдохновенно созерцать природную красоту?

– Ты вроде бы хотела с Властителем поговорить? – ехидно осведомился Элланон.

– И что, пять минут отдыха помешает этому?! – Накинулась я на своего провожатого, а потом, гордо отвернувшись, тихо пробормотала себе под нос с таким расчетом, чтобы Элланон услышал каждое слово: – Жлобы несчастные эти эльфы! Сами, поди, часами любуются на всякое природное зрелище, а как обычная человеческая девушка попытается просветиться – фиг вам, сразу прерывают все мечтания! И как с такими эгоистами ужиться...

Как я и рассчитывала, Элланон, услышав мои бормотания, устыдился своего недостойного для просветленного Перворожденного поведения и предложил посидеть на так приглянувшемся мне пригорке. Он даже попытался реабилитировать себя тем, что предложил свое общество, но я с гордым видом честной пионерки отказалась со словами: «Пусть это останется на твоей совести». Элланон ответил, что у эльфийской совести гораздо более высокая миссия, так что на мелочи вроде испорченного вдохновения человека она внимания не обращает.

Я тяжело вздохнула, обозвала его «остроухим интриганом» и начала спуск с косогора в сторону деревьев с домиками в кроне. Элланон на «интригана» не обиделся, только ухмыльнулся и, вспомнив, что это он должен мне указывать направление движения, а не наоборот, поспешил за мной.

В город мы вошли, сопровождаемые недоуменными и даже рассерженными взглядами местных жителей. Элланон велел мне идти за ним. На вопрос «почему?» популярно объяснил, что, поскольку в данный момент люди проявляют себя с далеко не лучшей стороны, то шаг влево, шаг вправо будут расценены как побег и, если я не хочу закончить свою жизнь прямо сейчас, мне придется идти рядом. Я скептически хмыкнула, тем самым выразив свое отношение к потенциальной возможности эльфов отправить на тот свет Путешественницу, уже прошедшую к тому времени огонь, воду, медные трубы и сто метров канализации, но вслух высказывать свои соображения не стала. В конце концов, я прибыла сюда, чтобы склонить эльфов на сторону вампиров, а не для насильственного уменьшения их численности.

Я ступала за Элланоном, что называется, шаг в шаг, однако смотрела по сторонам с удвоенным энтузиазмом. Не каждый день видишь домики на деревьях в таком количестве, да еще настолько красивые! Я уж не говорю об ажурных мостиках, соединяющих дома так, что снизу казалось, будто над головой натянута ажурная паутина. Пока Элланон вел меня к центру города, я кожей ощущала напряженные взгляды эльфов, а когда мы подошли к дому Властителя, любопытство (или подозрительность) достигло своего апогея и самые нетерпеливые начали ментальную бомбардировку моего сознания. Пока шла атака по мелочи, я только посмеивалась над попытками пробить мою защиту, но вот когда эльфы, объединившись, открыли пальбу «снарядами крупного калибра», мне стало совсем невесело. Ни один человеческий маг не пробьет мою защиту. По правде говоря, НИКТО в одиночку не сможет это сделать, даже Мастер вампиров, но вот выстоять против десятка мощных эльфийских магов уже проблематично. Наложить заклинание Ментального щита стихии Воды я не могла – любую магию эльфы расценили бы как враждебные действия, и тогда прости-прощай дипломатическая миссия и надежда на мирные переговоры. Поэтому мне оставалось только морщиться от все нарастающего давления на сознание и надеяться, что мы очень скоро окажемся в доме Властителя.

Напряжение росло, от желающих прочесть мои мысли голова уже гудела, как пудовый колокол, когда внезапно давление исчезло. От облегчения я пошатнулась, готовая прилечь от усталости прямо там, где стояла, но меня вовремя поймали за локоть. Я подняла глаза и столкнулась с взглядом, в котором проглядывала мудрость многих веков. Элланон, выглянувший из-за плеча поддерживавшего меня эльфа, представил:

– Миродиэль, Властитель Златодревья.

– Здас-сте, – единственное, что сумела выдавить я. После чего плавно откатилась в глубокий обморок...

Очнувшись я от тихих переругиваний у меня над ухом.

– Элдариэн, у тебя хоть мало-мальская совесть есть? – Это был Элланон. Похоже, мой приятель не в духе.

– Нет, а что? – последовал ответ незнакомого мне эльфа.

Комментарии, последовавшие после этого, я приводить не стану, потому что таких мудреных ругательств раньше даже слышать не приходилось. Не открывая глаз, я тихо попросила:

– Многоуважаемые эльфы, а не соблаговолите ли вы заткнуться или хотя бы сбавить громкость ваших эмоциональных высказываний, а? У меня вообще-то голова все еще раскалывается из-за неумеренного любопытства ваших сородичей...

С этими словами я повернулась на другой бок и сделала вид, что заснула. Минуту длилась тишина, а потом разборки возобновились, правда, значительно тише.

– Ну совсем люди обнаглели! Мало того, что вампирам жить не дают, да еще нам

угрожают и хамят!

– Элдариэн, в чем-то она, вообще-то, права. Мы и в самом деле встретили ее... неласково.

– Еще чего!

– Нет, я не об этом. Ведь сама она ни в чем не виновата. Ее послал Мастер Вира-Нейн, потому что вампирам нужна наша помощь. Она пришла, а вместо того чтобы выслушать, мы сначала обстреляли из луков, а в довершение еще и вы со своей телепатией...

– Погоди, погоди, Элланон. Что значит «мы ее обстреляли из луков»? Вы что, не попали в нее? НИ ОДИН?

– Как видишь...

– Кого ты взял с собой? Гномов-лучников?

– Вообще-то отряд Стражников.

– И не попали ни разу? В девчонку? К тому же человека? Нет слов...

– Это хорошо, что нет.

– Вообще-то они есть, но приличными из них будут только предлоги и знаки препинания.

И так далее в том же духе. Минут через пять мне это окончательно надоело, и я решила все-таки заявить миру о своем присутствии. Проще говоря, я встала. Эльфы, слаженно переругивавшиеся у двери, затихли и не менее синхронно посмотрели на меня недовольными взглядами.

Я ответила им тем же, а потом стала их разглядывать.

Итак, Элланона я уже знала, а вот черноволосый эльф с карими с прозеленью глазами был мне незнаком.

Я отвесила немного издевательский поклон и представилась:

– Ллина.

Эльф слегка склонил голову в ответном поклоне:

– Элдариэн.

Я обратилась к Элланону:

– Мне нужно к Властителю. Срочно. Когда я покидала Вира-Нейн, люди уже вплотную подошлись к городу. Еще немного, и они прорвут первую линию обороны, тогда вампирам хана. Времени нет совсем!

– С чего такая забота о вампирах?

Нет, похоже этот Элдариэн решил довести меня до белого каления своими вопросиками. Я развернулась на месте и, заставив свои зрачки засиять золотистым светом, медленно, четко выделяя каждое слово, ответила:

– Потому что я не позволю погибнуть уникальной расе, обладающей разумом. Вопросы есть?

Элдариэн медленно покачал головой и, поклонившись, вышел из комнаты. Элланон пристально посмотрел на меня:

– Ллина, а ты вообще-то человек?

Я печально посмотрела в его изумрудные глаза, на миг позволив эльфу увидеть в моих зрачках знание сотни лет, а потом вышла вслед за Элдариэном.

Просто я сама не знала точный ответ.

Властитель Миродиэль пристально смотрел на меня. Я подробно изложила ему ситуацию в Вира-Нейн, не забыв упомянуть о том, что человеческие маги сами не прочь перейти на сторону вампиров.

– Короче, – завершила я объяснения, – необходимо дать людям понять, что вы не одобряете их действий.

Властитель вздохнул:

– Ллина, люди без того прекрасно знают нашу позицию в этой войне, но им это абсолютно не мешает.

– Позицию? Вы имеете в виду вооруженный нейтралитет?

Властитель кивнул.

– Ну, этого мало, – возразила я.

– Тогда чего вы хотите?

– Мне нужны два или три отряда эльфийских стрелков.

– И все? – ехидно осведомился Властитель. – Вам не кажется, что этого маловато?

– Нет, если у них в руках будет гномье оружие, заговоренное друидами. Я перенесу их всех в Вира-Нейн, где мы будем вести партизанскую войну. В городе вампиров имеется сеть маленьких порталов. Я не знаю, кто их построил – то ли сами местные жители, то ли горожане пришли уже на все готовое... Главное – мы сможем незаметно перемещаться по Вира-Нейн и прилегающей территории. Найдем проводников из местных и будем методично отстреливать человеческих наемников, пользуясь искаженным пространством. Единственное, что нам будет необходимо, – стабильные поставки стрел.

– Вы хоть понимаете, на что нас толкаете? – Властитель посмотрел мне прямо в глаза. – Вы просите эльфов рисковать своей жизнью ради вас?

– Не ради меня, а ради вампиров. Ради прекращения войны. К тому же, я буду с ними.

– Боюсь, что этого будет мало.

– Поверьте мне, Властитель, одной Путешественницы вполне достаточно, чтобы переломить ход любой, даже почти проигранной войны.

– Вы так уверены в себе? Эльфы вынуждены будут не просто поставить на кон свою жизнь, а рискнуть БЕССМЕРТИЕМ.

Я посмотрела в глаза Властителя Миродиэля и тихо произнесла:

– Поверьте. Я рискую тем же...

В конце концов Властитель согласился со мной. Он приказал телепортировать в Керрин, гномье царство, того самого скептически настроенного эльфа, то биш, Элдариэна. Когда же я выразила свое сомнение относительно его дипломатических способностей, мне ответили, что за три с половиной сотни лет эльф может научиться многому, а такой талантливый маг, как Элдариэн, и подавно. Моей же задачей теперь было направиться в чащу эльфийского Леса, где проживали друиды, чтобы «комплект скорой помощи для рода вампирского» стал полным. Глядя на Властителя, увлеченно расписывавшего «красоты» Живого Леса, мне становилось жутковато. А после того как Элланон вызвался сопровождать меня, мотивируя тем, что опасается за мою жизнь, стало совсем не по себе. После того как мне удалось спастись от стрел целого отряда эльфийских лучников, мечтавших сделать из меня подобие подушечки для иголок, Элланон почему-то решил, что на меня наложено какое-то заклинание неуязвимости, а уж если он, учитывая это, за меня беспокоится... Честно говоря, не хотелось бы мне знать, что за чудеса творятся в эльфийском Лесу и какие «милые зверюшки» там обитают...

– Ллина, пойдем завтра, на рассвете.

– А зачем так рано?

– Потому что ночью в чащу Леса не пойдет даже эльф. – Элланон ехидно посмотрел на меня и, понизив голос до зловещего шепота, сообщил: – Потому что Лес создавался по принципу сторожевого пса – злобного, не знающего жалости и способного укусить даже хозяина. Лес прекрасен, он считает эльфов частью природы, как и всех других живых существ. Тебе лучше не знать, КАКИЕ редкие и вымирающие виды нашли там себе пристанище.

С этими словами Элланон развернулся и, весело насвистывая, отправился в сторону торговых рядов по ему одному известным делам. Я же осталась стоять с открытым ртом, не в силах понять, правда ли то, что только что сообщил этот остроухий интриган, или же эльф так оригинально развлекается, подшучивая над наивными человеческими девушками.

Но что делать? Пробормотав вслед эльфу парочку фраз на орочьем языке, я с чувством выполненного долга отправилась готовиться к очередному турпоходу в неизвестность.

Рассвет я встретила с недовольной физиономией и припухшими от бессонницы глазами. Словно специально для контраста Элланон выглядел до неприличия свежим и отдохнувшим. Когда в четыре утра он вежливо постучал в дверь комнаты, которую я за небольшую мзду сняла на ночь в ближайшей корчме, то я, честно говоря, сочла, что весь этот кошмар с последующим пробуждением мне просто-напросто снится. Окончательно же пробудиться я изволила только тогда, когда дверь затряслась от ударов, судя по грохоту, производимых ногами.

Нехотя встав с уютной и теплой постели, я отозвалась.

Удары немедленно прекратились.

Открыв дверь, я узрела слегка взвинченного Элланона, поэтому вежливо поинтересовалась:

– Как идет процесс апробирования приемов рукопашного боя?

Эльф скривился и пристально оглядел меня с головы до ног. Увиденное потрясло его до глубины души: видимо, он еще не сталкивался с Путешественницами во время неурочной побудки. Его золотистые брови поползли куда-то в район темечка, а зеленые глаза достигли размеров царского пятака. Да, я могла с гордостью сказать, что произвела воистину неизгладимое впечатление: растрепанные волосы только что торчком не стояли, заспанное и слегка опухшее лицо, и довершала картину ярко-красная футболка на восемь размеров больше, чем нужно, служившая мне ночнушкой. Когда Элланон все-таки нашел в себе силы, дабы подтянуть отпавшую челюсть и вернуть глазам нормальный размер, я, повернувшись к нему спиной, пошла к кровати за вещами.

Из коридора послышался вначале захлебывающийся, а потом немного нервный смехок...

Я вам не говорила, что всему белью на свете предпочитаю стринги?

Даже по ночам.

Я покраснела и, подчинившись резкому взмаху моей руки, дверь захлопнулась прямо перед хихикающим и посвистывающим эльфом. Из коридора послышался его веселый голос:

– Эй, Ллина! Я жду тебя внизу, в зале! Ты завтракать будешь?

– Да! – рывкнула я во всю мощь своей натренированной глотки.

– Ну, тогда поторопись, а то останешься голодной!

Насвистывая какую-то веселую песенку, он удалился. Я села на кровать и, обхватив голову руками, впервые задумалась: ну почему все время умудряюсь попадать в такие дурацкие ситуации?..

Вниз я спустилась минут через пятнадцать, одетая в тот самый джинсовый комплект, в котором меня угораздило попасть в этот мир. При моем появлении смешки и разговоры поутихли, но потом возобновились снова. Элланона я увидела еще с лестницы, подошла к нему, лавируя между столами, и уселась напротив. Разносчица тотчас подбежала и почти сразу удалилась, оставив после себя аромат дриадских духов и тарелку с аппетитно пахнущей яичницей. Я немедленно набросилась на завтрак, и меньше чем через пять минут от него не осталось даже воспоминания. Я откинулась на спинку стула, соображая, чего же мне в этой жизни не хватает? Оказалось, кофе. Настоящего, сваренного по всем правилам, с двумя ложками сахара и сливками.

Воровато оглянувшись, я опустила ладони, сложенные горстью, под столешницу, и через минуту в них оказалась обжигающая пальцы чашка с настоящим турецким кофе. Чертыхнувшись, я быстренько поставила ее на стол и тут же принялась дуть на слегка обожженные ладони.

Аромат кофе плавно расплылся по корчме, посетители начали коситься в мою сторону, даже Элланон, нетерпеливо дожидавшийся окончания трапезы, заинтересованно поглаживал то на меня, то на чашку, стоящую передо мной. Только природная гордость не позволила эльфу попросить у меня отведать сего доселе не виданного им напитка. Я усмехнулась, и через минуту перед Элланоном стояла точно такая же чашка. Мой спутник, нахмурившись, покосился на угощение, потом осторожно поднес напиток к губам и опять недоверчиво

уставился на меня. Я пожала плечами – мол, не хочешь – не пробуй – и с удовольствием приступила к своему кофе. Элланон еще раз посмотрел на меня, но потом все-таки решился.

Судя по выражению его лица, ему ОЧЕНЬ понравилось.

Эльф смаковал чашечку минут двадцать. После чего, стеснительно улыбнувшись, попросил еще. Я не отказала...

Ох, зря...

Через пять минут после того, как я наколдовала приятелю вторую чашку, с подобной просьбой ко мне потянулись все посетители корчмы. А еще через полчаса, когда все завсегдатаи потянулись за добавкой, я заявила, что бесплатно – только первая чашка...

Из корчмы мы с Элланом буквально выбегали. Просьбы о третьем колдовстве «на бис» мы дожидаться не стали, к тому же эльф «внезапно» вспомнил, что нам давно уже пора идти в Лес. Поэтому мы тихо-тихо, по стеночке добрались до двери, а когда уже приоткрывали ее, какой-то особо глазастый гном завопил:

– Эй, а ведьма-то уходит!

Проблему удовлетворения потребностей посетителей мы решили оставить хозяину корчмы, поэтому рванули дверь на себя и на всех парах вылетели на улицу. От любителей кофе убежать пришлось почти полверсты – отстали они только у границы жилых домов. Я плюхнулась на землю, и меня разобрал хохот.

– Мрак! Нет, в Рионе тонирующие напитки надо запретить под страхом смерти...

– Н-да... Твой номер вызвал фурор! – Эльф весело смотрел на меня. – Но больше так не делай, по крайней мере, при таком скоплении народа.

К опушке Леса мы подошли довольно быстро. Элланон сразу как-то посерьезнел, но, тем не менее, в Лес ступил без колебаний. Пройдя невидимую черту, отделявшую ближайшие раскидистые кусты с красноватыми листьями от луга, поросшего серебристо-зеленой травой, эльф сразу перестал даже отдаленно походить на человека – заостренные уши постоянно подрагивали, улавливая малейший звук, ноздри слегка раздувались да и походка совершенно изменилась – теперь мой провожатый передвигался неслышным скольльзящим шагом. Казалось, что он не идет, а плавно скользит над землей, не издавая ни единого звука. Мне до такого сочетания текучей грации и затаенной силы было ох как далеко, поэтому я просто шла, как обычно, стараясь по возможности поменьше шуметь. Получалось это у меня не успешнее, чем у слона в посудной лавке. Поэтому, глядя на спину эльфа, маячившую передо мной, я думала, что за сто с лишним лет толком ничему и не научилась – так, слегка поднаторела в магии... Вслед за этой мыслью ко мне в голову настойчиво постучалась другая. Я подумала и решила ее впустить. Мысль оказалась простой до невозможности – объединить стихии Воды и Земли, в итоге получив возможность не только двигаться, как Элланон, но и слышать, как он. Как впоследствии оказалось, идея эта была далеко не самой удачной: не успела я создать вокруг себя водную сферу, наполовину уходящую в землю, как вдруг в Лесу ощутимо потемнело, а над головами раздался жуткий полувопль-полушипение.

Элланон дернулся и побледнел...

– Ллина, ты что, колдовать пыталась?! – свистящим шепотом спросил он.

В ответ я только кивнула.

– Ну все. Звездец нам.

Отвратительная какофония звуков раздалась значительно ближе.

– Бежим! – Эльф дернул меня за руку, и мы что есть духу рванули по едва виднеющейся в траве тропке.

Неизвестный крикун издал еще один вопль, прерываемый вибрирующими всхлипами, и уже не таясь, треща ветками, бросился в погоню за нами.

– Что это... за фигня такая? – спросила я на бегу.

– Вистерен.

– Чего? Не проверяй мои знания по мистической зоологии!

– Гибрид виверны и паука! Плотоядный и вечно голодный! – прокричал Элланон, продолжая тянуть меня в самую чащу. – Еще вопросы есть?

– Есть! – отозвалась я. – Что это такое небольшое с длинным хвостом и острыми зубами увязалось за нами?

– Где? – Элланон оглянулся и, смачно выругавшись по-орочьи, ускорил бег.

Я же, и без того болтавшаяся в намертво стиснутой ладони эльфа, как белье на прищепке, теперь уже не бежала, а просто подпрыгивала в воздухе, а сила, с которой Элланон тащил меня за собой, делала все остальное.

Очередная зубастая тварюга, покрытая ядовито-зеленой чешуей, мимо которой мы пробежали, увидев мой столь оригинальный метод передвижения (прыжки, как у блохи на буксире), приоткрыла пасть, выпав в такой глубокий ступор, что даже не делала попытки погнаться за нами. Но нас это уже мало интересовало.

– Элланон... – прохрипела я, чувствуя, что вот-вот упаду, и плевать мне на разномастную погоню. – Я так больше не могу...

– Хорош-шо... – прошипел приятель сквозь зубы и остановился, задумчиво посмотрев на приближающуюся шипящую, рычащую и визжащую ватагу разнокалиберных монстров, а затем спокойно выудил из-за спины короткий лук.

Тренькнула тетива, и первый зверь, слегка напоминавший сплющенного по бокам волка, замертво рухнул на землю. Такая же участь постигла еще двоих наиболее настырных и шустрых преследователей.

Стая призадумалась, перейдя с бега на шаг, а потом и вообще остановилась. На нас смотрели два десятка внимательных глаз, словно осуждая за что-то. В кроне деревьев раздался возмущенный вопль, и на землю прыгнул вистерен. Н-да, в конкурсе на самого оригинального монстра он занял бы первое место. Чешуйчатая морда твари напоминала сильно удивленного василиска, а длинные паучьи лапы заканчивались внушительными когтями. Не знаю, как Элланон, но я при виде этого гибрида ощутила желание закопаться на два метра в землю или залезть на самое высокое в этом лесу дерево. Пока я обдумывала план поспешного отступления, вистерен, не делая никаких попыток напасть на нас, подошел к трем тварям, которых уложил эльф, потыкал их неожиданно мягким носом, шумно вздохнул и обратился к нам на общепринятом диалекте:

– Ну, и зачем вы их убили?

Сказать, что мы были удивлены, – значит не сказать ровным счетом ничего. Элланон в замешательстве опустил лук, я же с вытаращенными глазами уставилась на внезапно заговорившую тварь, которая продолжала нас совестить голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

– В Лесу есть закон – кровь за кровь. Вы пролили кровь троих обитателей Леса, поэтому один из вас должен умереть.

– Но они первыми начали! – возмутилась я.

– Ну и что, подумаешь, поиграли с вами в салочки! На вас хоть одна царапина есть?!

– Есть! – гордо ответила я, демонстрируя расцарапанную веткой ладонь, но вистерен отмахнулся от меня когтистой лапой.

Элланон же стоял опустив голову.

– Так что же? – не унимался вистерен. – Кто из вас отдаст свою жизнь во искупление пролитой крови?

– Если я отдам долг, – тихо спросил Элланон, подняв златоволосую голову и смотря на вистерена, – то она будет свободна?

– Слово Хранителя Леса.

Эльф положил лук на землю и, сделав несколько шагов, подошел к вистерену, опустил на одно колено и склонил голову.

Когтистая лапа уже взлетела, но я, не в силах смотреть на сей произвол, рванулась к ним, загородив собой Элланона и сверля чудовище разъяренным взглядом.

– Ллина, уйди! – попросил Элланон.

– Фиг тебе! Я за тебя перед Властителем отвечаю!

– Что? – Эльф возмущенно уставился на меня, но продолжить перепалку нам не дали.

Вистерен издал свой фирменный, леденящий душу вопль, и мы недовольно посмотрели на него. Оглядев нас пронзительным взглядом, Хранитель Леса предложил альтернативное решение:

– Вы можете попытаться их вылечить.

– Чего? – Я возмущенно подскочила на месте. – Так они живы?

Зверюга неопределенно пожал тем, что у него можно было принять за плечи.

– Вообще-то они все равно уже не жилицы...

– Но мы можем попытаться! Элланон, за мной!

Мы подошли к расprostертым на земле телам. Н-да, эльф, конечно, постарался. Но то ли он устал от беготни, то ли я его под локоть толкнула – но все три твари оказались действительно живы. Двоим стрелы угодили между ребер, по чистой случайности не попав в сердце, а вот третьей – гибриду волка с мантихорой – повезло меньше. Стрела вонзилась несчастной твари прямо в пасть, застряв в глотке настолько глубоко, что вытащить ее, не порвав горло, попросту не представлялось возможным.

– Ну, что тут? – Элланон присел рядом со мной.

– Не знаю, что делать. Меткость у тебя приличная...

– Уж что имеем...

– То и пропьем! – язвительно закончила я за него. – Ты сможешь исцелить тех двоих?

– Да. Стрелы вошли неглубоко, а лечить своей энергией я умею.

– Тогда займись ими, а я поколдую здесь.

Элланон отошел в сторону, а я стала размышлять, что же мне делать. Раньше я исцеляла свои раны, даже смертельные, но это все было не то. Лечить себя было намного проще – меня спасала татуировка, которая, собственно, и отвечала за мою способность к регенерации – при ранении она начинала светиться золотистым светом, исцеляя меня. Но я еще НИ РАЗУ не лечила смертельные раны других. Для того чтобы исцелить такую рану, нужно было прибегнуть к стихии Жизни, которая возникла только при соединении остальных пяти стихий. А я-то за раз могла соединять не больше трех! И вот сейчас наши с Элланоном жизни зависели от того, смогу ли я сделать раньше не получавшееся.

Я погладила зверя по голове. На меня взглянули замутненные болью золотисто-янтарные глаза...

Я осторожно взялась за стрелу. Призвав стихию Ветра, стала медленно растворять ее в воздухе. Я уже пользовалась этой магией. Очень эффективный, быстрый и безболезненный способ.

За спиной что-то нараспев читал эльф, я же полностью была сосредоточена на том, чтобы довести стрелу до состояния полупрозрачной дымки. Наконец у меня это вышло, и «растворенная» стрела очутилась в моей ладони.

Животное выгнулось дугой и забилося в агонии.

– Элланон! Держи ее!

Эльф возник у меня за спиной почти мгновенно и тут же прижал агонизирующего зверя к земле, пока я, залитая чужой кровью, трясущимися руками чертила в воздухе прямую пентаграмму. Голос мне когда-то говорил, что объединить все пять стихий в одну – стихию Жизни – можно, только объединив их все в пентаграмму, где каждая линия – стихия. Соединившись в звезду, через вершины которой проходит Круг Жизни, пять стихий становятся единым целым. Сделать это очень сложно, обычно Путешественники научаются этому спустя лет двести после своего Призвания... Некоторые никогда не объединяют стихии, предпочитая оттачивать пользование одной-двумя до совершенства...

Поток фонтанирующей крови начал слабеть, да и тварь уже почти не дергалась.

– Ллина, что бы ты там ни делала, но заканчивай это скорее! Она умирает!

– Знаю я, знаю...

Итак...

«Смерть есть начало и конец...»

Черная нить спустилась вслед за моим пальцем, оставляя в воздухе наклонную линию...

«Земля дарит силу всему...»

Росчерк светло-зеленого цвета, идущий от черного направо и вверх...

«Воздух дает дыхание...»

Бледно-золотистая горизонтальная полоса, идущая справа налево...

«Огонь дарит смелость и порывы...»

Ярко-алая линия прочертила воздух над умирающей тварью вниз и направо...

«Вода питает кровь...»

Сапфировый росчерк завершил пентаграмму. Теперь она висела в воздухе, ожидая момента, когда я проведу через ее вершины Круга Жизни. Я подняла дрожащую руку, по локоть залитую кровью...

«Круг Жизни объединит их».

Пентаграмма засияла бело-голубым светом и начала медленно опускаться на тело умирающего зверя.

– Элланон... – прохрипела я, – отойди.

Эльф сразу же повиновался, сверкающая пентаграмма засияла еще ярче, погрузив в свое сияние и меня, и тварь...

На какое-то мгновение я стала ею.

Я чувствовала, что гортань мою захлестывает кровь, что мне нечем дышать. Пентаграмма засияла еще ярче, боль усилилась, а я упала на колени.

Изо рта у меня хлынула кровь.

На этот раз уже моя.

На миг я испугалась, что вместо того, чтобы вылечить чудовище, я сейчас отправлю нас обоих на тот свет, и рисунок тут же начал бледнеть... Связь ослабела, и я внезапно поняла, что если сейчас отступлю, то ничего у меня не получится. Поэтому я собрала остатки сил и направила всю свою энергию на исцеление.

Пентаграмма взорвалась белым светом, боль резко усилилась, а потом внезапно пропала. Вместе с сиянием.

Я мешком повалилась на траву, все еще ощущая во рту солоноватый привкус крови.

– Элланон... – Эльф тотчас появился в поле моего зрения. – Как эта... тварюшка?

Он оглянулся, а потом ответил:

– Вроде жива. Уже хвостом машет.

– Ну и хорошо.

С этими словами я плавно откатилась в глубокий обморок.

Первая мысль по пробуждении у меня была о том, что я слишком часто стала падать в обмороки. Вот вернусь в Зеркальную галерею – устрою себе длительный отпуск. Затем закопошилась мысль вторая: а где это, собственно, я?

Ответ пришел почти сразу.

Вернее, вошел. Я вольготно расположилась на довольно жесткой постели в комнате, больше смахивавшей на келью, а в дверях стоял друид. Это я определила по длинной белой хламиде, напоминавшей наряд монахов, и толстому посоху, вызывавшему ассоциации со здоровенным дрыном, вывороченным из ближайшего частокола во время народного гулянья с выпивкой и мордобоем. Особенно удивляло сочетание тяжеленного «дрына» и худощавого, если не сказать тщедушного, тельца владельца – благообразного дедушки с белой бородой до пояса и на диво молодыми ярко-голубыми глазами, хитро сверкавшими из-под кустистых бровей.

Друид оглядел меня с головы до ног и произнес приятным, ничуть не старым голосом:

– Как чувствуете себя? Я тут вам одежду принес – ваша безвозвратно испорчена. – С этими словами он протянул мне простую белую хламиду, сшитую из довольно плотного, но

мягкого на ощупь полотна.

К наряду прилагался витой шнур в качестве пояса и легкие кожаные сандалии. Принимая сей дар, я поблагодарила незнакомца, который вышел за дверь, при этом заявив, что будет искренне рад проводить меня до места, где меня уже ждут.

Естественно. Меня все, кто мог, уже ждали...

С этой мыслью я натянула на себя хламиду...

Минут через пятнадцать я, одетая в друидский балахон, с расчесанными волосами (предусмотрительный дедушка вложил в сверток простой деревянный гребень, которым я, немного помучившись, все-таки расчесалась) и почти прекрасным настроением направлялась на место встречи. Дедуля шел впереди так быстро, что я насилу за ним поспевала. С учетом того, что в руках он таскал неизменный дрын, весивший, наверное, килограммов десять, старикан, видимо, мог дать фору любому молодому в скорости передвижения по пересеченной местности с препятствиями, коей являлась обитель друидов. А я постоянно спотыкалась о выглядывавшие из земли толстенные корни, оббивала ноги и тихо ругалась сквозь зубы. Друид же этих кореньев, камней и прочих препятствий словно и не замечал, шел не сбавляя скорости...

Долго ли, коротко, а мы пришли туда, «где меня ждали». Не знаю, как обозвать чудо архитектурной мысли, сваявшей столь оригинальную постройку... В общем, Зал друидов располагался под открытым небом. Судя по всему, в свое время заказчик дал строителю средства, которые тот благополучно пропил, после чего с ужасом вспомнил, что объект сдавать-таки надо, вот бред резко протрезвевшего строителя воплотился в данном помещении. Весь Зал составлял огромный круглый каменный стол с непонятными значками и рисунками, вокруг которого, опять-таки на каменные глыбах, восседали друиды в компании с Элланом, который активно им что-то втолковывал. Пол заменяла коротко подстриженная трава (я хихикнула, представив, как друиды, ползая на карачках и ругаясь, раз в две недели подстригают ее с помощью ритуальных серпов). Вместо стен стояли гигантские камни, образующие двенадцать ворот. Я наклонилась к уху стоявшего рядом со мной друида и тихонечко спросила:

– Сэкономить на строительстве хотели?

Друид, гордо выпрямившись, сообщил, что это де традиция. Но потом тихонько добавил:

– И экономия, кстати, приличная.

Я захихикала, но наше веселье было прервано Элланом, вставшим со своего места и рывкнувшим так, что я вздрогнула, а старик, с которым мы беседовали, отшатнулся.

– То есть как – не ваше дело?!

Сидевший напротив Эллана высокий статный друид с безупречной осанкой поднялся и ответил в таком же тоне, разве что чуть потише:

– Я сказал – мы не будем вмешиваться в войну вампиров и людей!

– Как это? – подала голос я, обратив на себя внимание всех сидевших за столом. – Неужели вы не хотите им помочь?

Собеседник эльфа обернулся, прожигая меня взглядом ярко-зеленых глаз.

– Это не наша война. Мы не станем в нее вмешиваться – судьбы людей и вампиров нас не касаются.

– Как?... – ошеломленно произнесла я. – Но...

– Дитя... – Терпеливо, словно маленькому ребенку, начал объяснять друид. – Мы живем в гармонии с природой, мы – отшельники. Дела других рас нас не интересуют...

– Вот как! – взвилась я. – Не интересуют, говорите?! Сейчас посмотрим!

С этими словами я шагнула вперед и, схватив его за руку, призвала стихию Ветра для перемещения в пространстве. Старик попытался выдернуть руку, но моя хватка была крепче клеща.

Заклинание переноса окутало нас сеткой голубоватых разрядов, и мы исчезли... для того, чтобы появиться на косогоре перед вампирским городом.

Магия растаяла, а я дернула друида за рукав, заставляя его подняться на вершину холма, с которого я совсем недавно рассматривала Вира-Нейн. Он подчинился, и через секунду до меня донесся сдавленный взглас. Чувя неладное, я рванула наверх и в ужасе застыла перед увиденной картиной.

– Господи Боже... – глухо произнесла я. – Мы опоздали...

Город вампиров была в огне...

Я оцепенело уставилась на то, что всего несколько дней назад было хоть и слегка опаленным, но вполне жизнеспособным поселением. Сейчас же лесной массив, занимавший примерно треть Вира-Нейн, был охвачен пламенем.

Впервые за мою девяностолетнюю практику я опоздала...

Друид стоял рядом со мной с каменным лицом, на котором, казалось, жили только яркие молодые глаза, стремительно наполнявшиеся гневом.

Я сложила ладони лодочкой и, призвав стихию Воды, создала небольшой водяной шарик, который уютно устроился в моих руках. Миг – и он отразил в своей глубине многократно приближенное изображение улиц города.

Увиденное заставило меня еще раз содрогнуться.

Люди подошли к самой границе поселения. Было видно, что от домов, в которых скрывались раненые вампиры, их дети и старики, неприятелей отделяет последняя линия обороны – баррикады, наскоро возводимые горожанами на улицах.

Вира-Нейн почти пал.

Я повела ладонями, и изображение сместилось, перескочив на лагерь людей. Наемники вовсю готовились к финальному сражению, но магов среди них видно не было. Все они собрались в палатке на отшибе и, судя по всему, лезть в драку не планировали.

Отлично.

Стоит мне сейчас привести хотя бы один отряд эльфов, и чародеи восстанут, а мы защитим если не весь Вира-Нейн, то хотя бы то, что от него осталось. Спасем жителей, а город потом восстановят. Эльфы умеют возрождать землю. Я тоже останусь и буду помогать... Но это все после.

Вначале надо выиграть войну.

Я повернулась к друиду, от ярости которого только что трава не дымилась, и сказала:

– Ну так как? Поможете вампирам?

Старик вздохнул и резко, немного отрывисто кивнул.

Я взяла его за руку, и мы очутились на том же месте, с которого телепортировались. Элланон тревожно взглянул на меня потемневшими от волнения ярко-зелеными глазами, потом перевел взгляд на друида. Я обвела взглядом притихшее собрание и твердо произнесла:

– Вира-Нейн почти разрушен, люди уже у самого города. Элланон, эльфам выступать надо сегодня же. Иначе спасти будет некого. Этой ночью люди прорвут последнюю линию обороны, и тогда можно будет уже не торопиться.

Эльф кивнул и подошел ко мне. Я перевела взгляд на друида:

– Нам нужны те, кто сможет заговорить стрелы для эльфов. Я прямо сейчас телепортирую их в Златодревье, потому что боеприпасы из Керрина придут сегодня к вечеру.

– Это если Элдариэн сумеет уговорить гномов, – осторожно напомнил мне Элланон.

– Он ДОЛЖЕН это сделать. Иначе вампирам не жить. – С этими словами я вышла из каменного круга – для телепортации нескольких человек требовалось много свободного пространства.

Отойдя на несколько шагов от Зала друидов, я оказалась на небольшой поляне. Землю здесь укрывал толстый ковер из прошлогодних сосновых игл, который чуть слышно хрустел под ногами. Я встала в центре поляны и сосредоточилась, накапливая энергию. Сейчас я ощущала себя столбом света, который сжимается до размеров тончайшей нити, накапливая и

сгущая энергию для того, чтобы выбросить ее одним движением.

Рядом со мной слышались легкие шаги. Я с трудом открыла глаза, и их яркий золотистый отблеск лег на лицо Элланона, сделав эльфа похожим на золотую статую со сверкающими изумрудами глаз. Он протянул ко мне руку, но я покачала головой – если б Элланон меня коснулся, то получил бы сильный энергетический удар. Эльф меня понял.

Сквозь шум крови в ушах я разобрала его слова:

– Мы готовы к телепортации. Со мной три друида. Они отправятся с нами в Златодревье.

Я кивнула и выпустила энергию на волю.

Золотистый свет вырвался из меня сверкающим облаком, которое моментально превратилось в столб света, ударившего в небо. Волшебство окутало меня, эльфа, друидов и тотчас погасло, унеся нас в Златодревье...

Перед нами моментально возникли ярко-зеленая трава и высоченные ясени. Я моргнула несколько раз, чтобы вернуть глазам обычный вид. Все-таки не хотелось нервировать окружающих оригинальным цветом своей сияющей радужки. Элланон осмотрелся и подвел итог:

– Ну что ж, мы на месте. Что дальше?

Я взглянула на небо. Солнце только-только подобралось к зениту, следовательно, время у нас есть. Я приосанилась и начала раздавать команды:

– Элланон, собирай эльфов. Нам нужен отряд из двадцати лучников. Пусть экипируются должным образом, возьмут оружие и ждут нас на центральной площади. Теперь вы. – Я обернулась к друидам. – Скоро должны прислать стрелы из Керрина. Элдариэн будет их телепортировать прямо в оружейную, где вам нужно их заговорить. Мы отбудем в Вира-Нейн на закате. – Еще раз оглядев вытянувшиеся лица почтенных друидов и гордого эльфа, не ожидавших от меня такой ошеломительной наглости, я улыбнулась и добавила: – Все понимаю, для вас подчиниться человеку хуже смерти, уничительно и все прочее... Но... – я сделала паузу, – у нас нет времени на сантименты. Если кто-то предложит лучший план, чем мой, буду только рада. Предложения есть? Нет?.. Тогда давайте действовать. После того как мы отобьем раз и навсегда Вира-Нейн от загребущих рук людского племени, можете высказать все свои претензии по поводу того, какой из меня паршивый руководитель, а еще лучше – предоставить в письменном виде. Адрес – Зеркальная галерея миров, Путешественнице Ллине с пометкой «до востребования». Вопросы есть? Вопросов нет. Действуйте, господа, и Родина вас не забудет!

С этими словами я бодрой походкой направилась в корчму – каждый раз после масштабной телепортации меня одолевал волчий аппетит. Некоторое время мою нахально удалявшуюся спину буравили четыре возмущенных взгляда, но потом «долг перед Родиной», видимо, взял свое, и они, тихо ворча и возмущаясь, разбрелись в указанных направлениях.

Я отдыхала после трудов праведных, сидя в корчме и скромненько объедаясь спелой черешней. По самым приблизительным подсчетам, ее оставалось еще килограмма три, когда ко мне ввалился злой и упарившийся до невозможности Элланон. Я понимающе покосилась в его сторону и пододвинула к нему полуведерный жбан с ягодами. Эльф ограничился благодарным взглядом, хлопнулся рядом со мной на соседний стул.

– Телепортационное «окно» ты в оружейной ставила?

Я, чувствуя подвох, неуверенно кивнула.

– Ясно.

Эльф потянулся ко мне с явным желанием поскорее меня придушить. Я инстинктивно отодвинулась, отгородившись жбаном. Мой приятель подумал и решил экзекуцию оставить на потом, сорвав злость на безвинных ягодах. Я расслабилась и уселась поудобней.

– Элланон, а что там не так с «окошком»? Не открывается, что ли?

Тот мрачно взглянул на меня:

– Да все с ним нормально. Только ты его установила слишком высоко – на уровне потолка. Думаешь, друиды шибко обрадовались, когда им на головы свалилось полсотни колчанов первоклассных керринских стрел? Сейчас они их заговаривают, попутно вспоминая выражения на орочьем языке, и костерят тебя так, что по идее уши твои давно должны вспыхнуть и отвалиться.

Я хихикнула, представив лица стариков.

– Не смешно, – мрачно буркнул эльф. – Друиды провозятся еще час, а за это время надо тебя экипировать.

С этими словами Элланон, не слушая моих вначале робких, а потом возмущенных протестов, потянул меня в направлении оружейной. Лично я упиралась, как могла, но моего приятеля это ничуть не смутило. И вот когда я наконец-то всерьез задумалась о том, чтобы превратить высокого и атлетично сложенного эльфа во что-нибудь маленькое и зеленое, улица резко оборвалась и передо мной предстала оружейная.

Дом как дом, вполне обычный – четыре стены, дверь и окна. Но не созерцание этого склада оружия заставило меня прекратить сопротивление и начать гордо вышагивать рядом с Элланоном.

Причиной резкой смены моего настроения были эльфы.

Ударный отряд Стражников насчитывал двадцать рыл, простите, эльфов, среди которых я заметила и тех, которые так неласково меня встречали. Все были как на подбор – высокие (выше метра восьмидесяти), блондинистые и донельзя красивые. И все, как один, смотрели на меня неприязненно. Когда мы приблизились, эльфы стали навтыжку, как солдаты на параде. Глядя на них, стоявших по стойке «смирно» и выставивших перед собой длинные резные луки, я подумала, что людям крупно не повезло – два десятка эльфов стоили, пожалуй, двух полков человеческих мародеров, принятых в регулярную рионскую армию в качестве наемников.

Элланон отпустил мою руку и, встав перед соотечественниками, негромко произнес короткую прочувствованную речь о «необходимости помощи братьям по разуму». Наконец он выговорился и, сделав в мою сторону широкий жест, произнес слова, от которых у меня волосы встали на затылке:

– Это Ллина, Путешественница. Она перенесет нас в Вира-Нейн, где поможет нам своей магией. Как ваш командир, я воспользуюсь своим правом передачи командования. – Еще один величественный жест в мою сторону. – На то время, пока мы будем в Вира-Нейн, нашим командиром будет она.

С этими словами Элланон отошел в сторону и, почтительно склонив голову, предоставил мне выпутываться дальше самой. Заметить затаенное злорадство в его глазах от предвкушения этого зрелища смогла только я. Понимая, что это своего рода маленькая месть за «окно» под потолком (у меня невольно мелькнула мысль: а только ли друиды попали под «колчаный» дождь), я глубоко вздохнула... И тотчас столкнулась со скептическим взглядами мрачно молчавших эльфов.

Я бросила затравленный взгляд в сторону Элланона, который уже в открытую скалился во все тридцать два зуба, предвкушая реванш. Подозрение, что Элланону тоже досталось от внезапно открывшегося в потолке «окна», переросло в уверенность. Но выкручиваться было необходимо, поэтому я на несколько секунд прикрыла веки, а затем резко распахнула глаза, золотистый свет которых осветил стоявших передо мной воинов.

Скептические взгляды сменились на удивленные.

Повисла тишина, и в ней раздался мой голос, преобразованный с помощью магии в нечто более объемное, глубокое и совершенное...

– Перворожденные. Волею судьбы мы оказались сведенными вместе, для того чтобы помочь вампирам. Я поведу вас на их защиту, но подчиняться мне не прошу. Нужно, чтобы мы все сражались как единое существо. Элланон останется вашим командиром, я буду просто направлять его. Когда вампиры будут спасены, я покину вас, и вряд ли мы еще когда-нибудь увидимся... – Я расслабилась, и свет, льющийся из моих глаз, потух, а голос стал

обычным. – Так что, чем скорее мы спасем вампиров, тем скорее вы от меня избавитесь.

Лучники тоже расслабились, а Элланон только сверкнул глазами и, подойдя ко мне, потащил в оружейную. Пока он, скрывшись из виду, шарил где-то на полках, я скромно стояла у входа, не рискуя лезть в лабиринт стоек для оружия, полок для походной одежды и доспехов. Минут через десять я откровенно заскучала и решила напомнить о себе:

– Эй, Элланон, ты где там застрял? Заблудился, что ли?

– Нет. – Эльф вынырнул из-за ближайшей стойки с длинными эльфийскими луками. – Я тебе искал кольчугу по размеру, а заодно и к друидам заглянул.

– Ну, как они там?

– Справляются, – неохотно бросил он. – Скоро сможем отправляться. Надевай.

Я с сомнением оглядела принесенную вещь. Сколько ни путешествую, никогда не могла заставить себя надеть кольчугу. Доспехами я воспользовалась лишь один раз – когда мне пришлось вступать в ряды наемников. Тогда вороненая кольчуга с рубиново-красным плащом была своего рода формой, и отказаться натянуть ее не представлялось возможным. На всю жизнь я запомнила пятикилограммовый вес стальной рубашки, натирившей плечи и царапавшей шею. Поэтому, посмотрев в зеленые глаза Элланона, сказала:

– Я это не надену.

– Наденешь, – с металлом в голосе ответил он. – Я не хочу мучиться, копая тебе могилу.

– И отчего же мучиться-то? – спросила я в надежде услышать нечто типа «мне тебя будет не хватать» или что-то в этом роде. Ответ меня разочаровал до глубины души:

– А ты пробовала копать могилу без лопаты?

Я обиженно фыркнула и развернулась. Но не тут-то было! Эльф стальной хваткой вцепился в мой дурацкий балахон, удерживая на месте.

– И в чем же ты планируешь сражаться? В друидском балахоне?

– Подол укорочу! – огрызнулась я. – А если серьезно, то сейчас я буду готова. Отойди, пожалуйста.

Он с сомнением покосился на меня, но отступил. А я, закрыв глаза, приступила к привычной процедуре трансформации одежды...

Друидов, сгибавшихся под тяжестью ящика с заговоренными стрелами, мы встретили уже во всеоружии. Я «переоделась» в темно-зеленую свободную куртку и такие же широкие штаны. Сандалии превратились в невысокие мягкие сапоги из черной кожи. Оружия я принципиально не взяла, хотя Элланон настаивал. Но после того как я прямо из воздуха создала сверкающий огненный меч, все вопросы отпали автоматически.

В общем, минут через десять мы были готовы к отправке. Эльфы моментально разобрали стрелы – кто взял по два колчана, кто по три. Мы с Элланоном уже стояли в центре нарисованного мною круга. Когда процесс подготовки и экипировки был завершен, лучники встали в круг, а я привычно сосредоточилась на перемещении...

Полыхнула золотая вспышка, и следующую секунду мы встретили уже на чудом уцелевшем лесу близ города вампиров.

Первое, что мы увидели, – это была отчаянно верещащая вампирша. То ли она сама испугалась, то ли нас решила устроить таким оригинальным способом, но добилась лишь того, что Элланон сгреб ее в охапку и слегка потряс, приводя в чувство. Горожанка немного успокоилась и посмотрела на нас уже более осмысленным взглядом. На эльфов ее реакция была вполне адекватной, а вот стоило ей взглянуть в мою сторону, как она зашипела, показав клыки, а зрачки расширились, почти полностью закрыв карие радужки глаз. Она рванулась ко мне с явным намерением прикончить на месте, но Элланон держал ее мертвой хваткой, что-то успокаивающе шепча на ухо. Наконец вампирша перестала вырываться, и эльф отпустил ее.

Она подошла ко мне, глядя прямо в глаза. Мне пришлось отступить на шаг, иначе смотреть ей в лицо было бы очень проблематично – девушка была выше меня на полголовы,

при этом обладала довольно изящным телосложением. Ее густые черные волосы были собраны в хвост, а сама вампирша создавала бы впечатление чего-то эфемерного и неземного, если б не была увешана оружием – начиная от десятка эльфийских «пчелок», закрепленных специальным ремнем на правом бедре, и заканчивая двумя гномьими кинжалами сантиметров сорок длиной, которые можно было с одинаковым успехом как метать, так и использовать в ближнем бою. Кинжалы прятались в ножнах, прикрепленных к высоким сапогам вампирши, а когда она как бы ненароком провела ладонью по запястью, то я увидела, что у нее чуть выше кистей выглядывают еще две маленькие вороненые рукоятки метательных ножей. Девушка пристально взглянула на меня и произнесла неожиданно мягким и приятным голосом:

– Добро пожаловать в Вира-Нейн. Вернее, в то, что от него осталось... – Вампирша горько усмехнулась, глядя на меня. – Странно, что ты решила нам помочь... Вот уж не ожидала, что подкрепление приведет человек....

– Всякое в жизни бывает... – Ответила я, мягко улыбаясь. – И сама не ведала, что когда-нибудь стану спасать вампиров.

– Много ты о жизни знаешь в твои-то годы! – насмешливо фыркнула вампирша.

– Ну, за свои сто шестнадцать лет я узнала достаточно. – Ответила я в том же тоне.

Горожанка округлила глаза, на миг став похожей на саму себя, а не на нечто холодное и чужеродное.

– Врешь!

– Спроси у Элланона.

Она не постеснялась. После утвердительного ответа озадачилась еще больше и поглядела на меня уже не столько с подозрением, сколько с любопытством.

– Ну ладно, – произнесла наконец вампирша. – Меня зовут Ниита.

Я представилась и протянула руку. Ниита секунду смотрела на нее, а потом все-таки немного неуверенно пожала.

Приблизился эльф и, улыбаясь своей фирменной улыбкой, галантно поцеловал ладонь слегка зардевшейся вампирши.

– Элланон. Счастлив встретить вас.

Девушка вспыхнула, но ладонь выдергивать не стала. Я, хихикая про себя, слегка подергала эльфа за рукав:

– Элланон, я все понимаю, Ниита девушка красивая и все такое, но времени у нас нет совсем. Вношу предложение – мы спасаем Вира-Нейн, а потом вы с новой знакомой ищите взаимные интересы. Ладно?

Они синхронно кивнули и нацепили маски полной серьезности и сосредоточенности. Но глаза их все равно выдавали.

Я тяжело вздохнула и спросила:

– Ниита, где сейчас люди?

Красивое лицо девушки перекосилось гримасой ненависти, и она сквозь зубы прошипела:

– Эти сволочи уже у самой границы города. Я случайно попала в лес – проскочила не в тот коридор. Собиралась обратно, а тут вы появились.

– А ты сможешь нас вывести через смычки искаженного пространства в тыл людей?

Девушка на несколько секунд задумалась, а потом кивнула.

– Отлично. Тогда води.

Ниита, сделав знак следовать за ней, исчезла в ближайшей «перемычке». До людей мы добрались часа за два быстрой ходьбы. Вампирша нырнула в следующее «окошко», но тотчас скользнула обратно с побледневшим от ярости лицом.

– Там... человеческие наемники...

– Они видели тебя?

– Нет... Им... не до меня было...

– Хорошо... – Я задумалась. – Элланон!

Эльф, как всегда, был рядом.

– Мне нужно пять добровольцев. Остальные должны занять позицию с противоположной от людей стороны. Нужно создать впечатление, что нас не просто много, а ОЧЕНЬ много. Ниита, здесь есть обход?

Девушка, не задумываясь, ответила:

– Рядом. Минут за десять доберемся.

– Отлично. Элланон, бери с собой основную часть отряда и уходите вместе с Ниитой. Через десять минут мы начнем обстрел. Постарайтесь не опоздать, ладно? – Я ободряюще улыбнулась.

Элланон кивнул, и они скрылись в пространственной перемычке. Мы же с оставшимися пятью Стражниками выждали положенные десять минут, а потом тихо прошли через «смычку». И очутились в зарослях орешника в двадцати шагах от человеческого лагеря.

Кусты с противоположной стороны поляны едва заметно шевельнулись. Эльф сзади осторожно тронул меня за плечо, давая понять, что Элланон на месте.

Как будто я этого не знала.

Я глубоко вздохнула, призывая стихию Огня, и в моих руках оказался лук, сотканный из языков пламени.

Выпрямившись во весь рост, я сделала движение, будто бы натягивая тетиву лука, и тотчас он в моих руках выгнулся, порождая стрелу из длинного и тонкого языка пламени. Я разжала пальцы, и первая оранжево-золотистая стрела улетела в сторону лагеря людей, подпалив волосы на голове самого большого, горластого и немытого наемника, бывшего, судя по всему, командиром. Наемник взвыл дурным голосом, и тотчас с противоположной стороны на лагерь прилетело как минимум два десятка стрел.

Что-что, а с луками эльфы обращаться умеют – ни одна стрела не ушла в «молоко». Через несколько секунд мы повторили залп, и вот тут-то люди всполошились. Часть стала бестолково метаться по лагерю, где их неизменно находили черные эльфийские стрелы, на совесть заговоренные друидами, часть собиралась скрыться в лесу, а некоторые даже пытались оказать сопротивление, стреляя в ответ по кустам.

Но далеко, ох как далеко было людям до эльфов-стражей во владении луком!

Вскоре весь лагерь опустел, и мы вышли из укрытия.

Надо сказать, эльфы не зря извели на наемников треть запаса стрел – сотня мародеров и убийц прекратила свое существование. Я шла вместе с ними, стараясь не смотреть на перекошенные лица людей, переставших быть разумными и превратившихся в алчных до крови и насилия животных. Наша группа воссоединилась посреди разрушенного лагеря.

Ниита смотрела на меня, и в ее взгляде не было прежней ненависти. Месть людям свершилась, и это частично успокоило ее. Конечно, пройдут годы, прежде чем она окончательно научится жить в мире с собой, но первый шаг к исцелению сделан...

Я подняла глаза и посмотрела на небо, в котором расплывались сизые клубы дыма, складывающиеся в слова: «Маги сделали свой выбор, Путешественница».

Слова растаяли так же быстро, как и появились, но с этого момента мы все знали, что вампиры теперь не останутся без магической поддержки.

Первая и самая трудная часть пути к победе уже пройдена, и мы сделали это все вместе...

Где-то вдалеке послышались крики. Элланон скомандовал отход, и эльфы вслед за Ниитой растворились в очередной «складке» искаженного пространства. Я уходила последней, готовая, в случае чего, прикрыть эльфов с помощью магии, но все обошлось. Девушка вывела нас в центр Вира-Нейн, совсем рядом с чертой города. Перед нами мелькнуло меняющееся пространство, и мы совершенно неожиданно для себя оказались в огненном аду! Город полыхал, черный дым клубами поднимался к вечернему небу, почти сливаясь с ним. Вампирша, увидев пожар, взвыла и рванулась туда, где ревели пламя и слышались крики.

Элланон едва успел перехватить ее.

– Ниита, стой! Одна ты их не спасешь!

– Пусти меня! Там моя семья! Пусти-и-и!!!

Крик перешел в какой-то странный, вибрирующий вопль. Я подскочила к девушке и влепила одну за другой две пощечины.

Крик стих, и Ниита посмотрела на меня уже более осмысленным взглядом, в котором читалось неприкрытое отчаяние. Но успокаивать я никогда не умела. Как и утешать. Поэтому ограничилась тем, что оставила плачущую девушку на попечении Элланона, а сама повернулась к эльфам.

– Дружным строем идем спасать Вира-Нейн. Если кто откажется, винить не буду. Сама туда не хочу. Но есть такое донельзя противное слово «надо», причем появляется оно тогда, когда его меньше всего хочется слышать. – Я глубоко вздохнула и материализовала в руке короткий узкий меч, по лезвию которого пробегали бело-голубые искры. – В общем, если кто хочет помочь вампирам – за мной! А я лично это безобразие терпеть больше не намерена! – С этими словами я призвала стихию Ветра, увеличив в несколько раз свою скорость и ловкость, и во весь дух побежала к горящему городу.

И почти сразу натолкнулась на мощную магию. Рядом кто-то весьма активно проводил обряд некромантии.

Я резко затормозила, словно врезалась в стену.

Следовавшие за мной эльфы тоже остановились. Я, не оборачиваясь, махнула им рукой:

– Спасайте вампиров! Где-то неподалеку довольно мощный некромант. Я разберусь с ним, а вы пока помогите отстоять Вира-Нейн!

К моему удивлению, лучники подчинились беспрекословно. Со мной остались только Элланон и еще почему-то Ниита. Я благодарно взглянула на оставшихся.

– Вы со мной? – Они переглянулись и синхронно кивнули. Я посмотрела на них и резюмировала: – Ну и дураки...

– Уж какие есть, – беззлобно ответил эльф. – Если что, оставишь мне свой меч? На память, так сказать...

– Фиг тебе!

– Жлобьяра! – отозвался эльф.

– А вот и неправда! – возмутилась я. – Просто «если что», то он исчезнет вместе со мной!

– Ну вот... – притворно сокрушился Элланон. – Ты разбила мои невинные и чистые мечты...

– Девичьи? – уточнила я.

– Нет... – выдал эльф после того, как ненароком заглянул себе в вырез рубахи, проверяясь на наличие «девичьих прелестей».

– Элланон. Ты не там смотришь, – съязвила Ниита, после чего мы дружно залились веселым, но немного нервным смехом. Все-таки сказывалась обстановка.

– Ладно, народ, разговорчики в строю! – шутливо скомандовала я. – Идем бить злобного некроманта!

– А если он нас побьет? – пессимистично отозвалась Ниита.

– Попрошу без паники. Нас все равно больше.

– А...

– А вот на это нет времени. За мной.

Я направилась на север, ориентируясь по пульсации силы, исходящей от некроманта. Силы было много, очень много. По правде говоря, у меня на миг возникло сомнение: что за некромант это такой, если по выбросу энергии почти что равен Путешественнице? Размышления пришлось затолкать в самые далекие и пыльные закрома сознания, чтобы продолжить движение.

Наконец мы выскочили на лесную поляну, каким-то чудом не тронутую огнем,

спалившим почти все вампирские леса, и в изумлении остановились.

Поляна была залита неровным бордовым светом, шедшим от огромной пентаграммы, вычерченной прямо на земле, в центре которой находился некромант с воздетыми к небу руками и плавным речитативом читавший заклинание вызова.

Человек.

Женщина.

Я вздрогнула от ощущения силы, веявшей от некромантки. Сила была явно чужая, какая-то грозная и непонятная, с едва слышимым ощущением едкого дыма и пламени. Я призвала стихию Воды и, сплетя ярко-голубую энергию в длинный сверкающий жгут, выбросила руку в сторону пентаграммы, намереваясь сломать ее.

Пентаграмма дрогнула, прогнулась, заискрив жгучими алыми искрами, но устояла.

Некромантка опустила руки, взглянув на меня из-за алой завесы.

У нее были холодные карие глаза, которые не раз уже смотрели по ту сторону жизни, густая копна каштановых волос, узкое, бледное лицо, носившее печать особой жесткости, и тонкие, словно поджатые губы, растянувшиеся при виде меня в ледяную змеиную ухмылку.

– Что тебе здесь надо, Путешественница?

Я чуть не упала от изумления. Откуда обычная, пусть даже очень сильная некромантка знает, кто я? Судя по всему, мои друзья подумали точно так же, потому что удивление прописалось на их лицах заглавными буквами. Некромантка, все еще оставаясь в центре пентаграммы, расхохоталась колючим, словно январский ветер, смехом:

– Ломаешь голову, откуда я тебя знаю?

– Да нет, мне в принципе без разницы. Но если ты так хочешь сообщить мне это, то вперед. Так и быть, выслушаю. – Я скрестила руки на груди и приняла максимально независимую позу.

Некромантка подбоченилась и взглянула на меня более заинтересованно.

– После того как я выстроила здесь пентаграмму, настроенную на сбор душ, павших в Вира-Нейн, я слышу все... – Она прикрыла глаза. – Мертвые этой земли говорят со мной... Они вышептывают мне все самое сокровенное... В моей ловушке много душ... И вот совсем недавно в нее угодила одна очень необычная... Душа самого Мастера... – Ниита издала сдавленный всхлип. Некромантка открыла глаза и посмотрела на меня затуманенным взглядом. – Душа рассказала мне очень много интересного. О тебе, о том, что ты приходишь из ниоткуда и уходишь в никуда. Что ты Ллина, Путешественница... В тебе есть огромная сила, пожалуй, ее даже больше, чем у моей Хозяйки. Но сила дремлет в тебе уже долго, очень долго... Когда ты умрешь, она станет моей, и вот тогда я смогу уйти от Хозяйки и стать свободной... – Взгляд некромантки в один миг из расслабленно-мечтательного стал острым и ледяным. – Меня зовут Ирадда. Запомни это, Путешественница, потому что оно станет именем твоей смерти! – С этими словами она воздела руки к небесам, и пентаграмма, вспыхнув ослепительным алым огнем, рассыпалась на сотни сверкающих бордовых осколков, которые, падая на землю, словно впитывались в нее.

Менее чем через минуту от сияния не осталось и следа, только слегка дымящиеся пятна на земле указывали места падения осколков. Я не удержалась и фыркнула:

– И это все?

Ирадда едко улыбнулась и ответила:

– Нет. Это только начало.

Внезапно земля в тех местах, где падали осколки, начала вспучиваться, словно что-то рвалось из нее. Мы, не сговариваясь, развернулись спиной к спине.

– Что это такое? – Озвучила наше общее недоумение Ниита.

– Не знаю, – ответила я. – Но у меня очень нехорошее предчувствие.

– И оно тебя не подводит! – отозвалась некромантка.

А из-под земли лезли мертвяки. Мертвые, оросившие своей кровью землю здесь, в Вира-Нейн. Среди них были и люди, и вампиры.

Ниита икнула, эльф стиснул челюсти и слегка побледнел, а я же, судя по внутренним

ощущениям, немногим отличалась по внешнему виду от лезущих отовсюду покойничков.

– Ребята, запомните получше мое лицо.

– Зачем? – Удивление было выражено единогласно.

– Чтобы отличать меня от них! – ответила я, вонзая огненный меч в грудь ближайшего ко мне мертвяка, выдергивая лезвие с поворотом так, что оно проделало в трупě приличную дыру на месте сердца.

Секунду в дыре мерцало бордовое пламя, а потом оно с тихим звуком потухло. Мертвяк уставился на меня, подумал и бесшумно обвалился на землю кучкой черного пепла. Мы переглянулись, а затем врубались в нестройные ряды ходячих трупов, целя в сердце.

Мне везло больше всех – мертвяков от прикосновения меча, сотканного из пламени, буквально испепеляло, и они осыпались ровными кучками. Элланону тоже ничего не стоило с помощью заговоренных стрел убедить ожившие трупы держаться от него на весьма приличном расстоянии, а вот Ниите пришлось туго – быстро истратив весь запас метательных ножей, вампирша отбивалась только с помощью двух длинных кинжалов. Покойники наседали на нее, девушка крутилась на месте с бешеной скоростью, поражая врагов, но их было слишком много.

Ирадда смотрела на нас с затаенным любопытством, как за каким-то новым и очень захватывающим экспериментом. Будто вся эта драка затевалась только для того, чтобы проверить, на что мы способны...

За моей спиной истошно закричала Ниита. Я обернулась и увидела, что мертвяки уже почти задавили ее. Я протянула раскрытую ладонь в их сторону, и к ожившим трупам полетела струя ярко-синего огня, испепелившая мертвых, но не тронувшая Нииту. Вампирша отсалютовала мне кинжалом и вновь принялась возвращать мертвяков на тот свет.

Увлеченная битвой, я не сразу ощутила за спиной чье-то присутствие, а когда обернулась, то столкнулась взглядом с карими глазами некромантки.

В следующую секунду в грудь мне вонзился длинный, чуть изогнутый кинжал...

Резкая боль в груди сменилась знакомым уже ощущением некой оцепенелости. Татуировка на левом запястье нагрелась, обжигая кожу, и от нее по телу поплыло яркое золотистое сияние. Моя способность к регенерации имела свои особенности – смертельные раны затягивались за считанные секунды, а вот ерундовая царапина заживала дня четыре. Получалось, что чем сильнее повреждение, тем скорее оно затягивалось. Не скажу, что это доставляло мне много приятных минут. Хорошо, что хоть кровь при порезах останавливалась мгновенно...

Ирадда довольно улыбнулась, глядя на то, как моя кровь из раны на груди заливает ее руки. Перед глазами все плыло, и, когда некромантка выдернула кинжал, я рухнула на колени, мечтая о том, чтобы рана поскорее затянулась. Где-то далеко кричал Элланон, но его я слышала уже словно через вату.

Некромантка подняла кинжал и нанесла еще один удар, на этот раз по горлу...

Я захрипела и, захлебываясь, покати́лась по земле...

Пейзаж вокруг меня мелькнул смазанной полосой и тут же изменился.

Совершенно случайно я угодила в пространственное «окошко», и теперь меня отделяло от поля битвы черт знает какое расстояние. Обе раны уже закрылись, и теперь о них напоминали только некрасивые рубцы, которые исчезнут через день-два. Я с трудом поднялась на ноги и чуть не упала от нахлынувшей дурноты – хоть я и исцелилась, но потеряла много крови. К сожалению, времени отлеживаться у меня не было, поэтому, скрипнув зубами, я пошла обратно к пространственной «смычке», твердо намереваясь поквитаться с Ираддой.

Поляна встретила меня настораживающим молчанием. На месте мертвяков всюду сиротливо валялось оружие, присыпанное кучками пепла, а Элланон с Ниитой медленно наступали на некромантку. Ирадда выбросила в мою сторону раскрытую ладонь с криком:

– Душа, покинувшая тело, подчинись моей воле!

Счас, разбежалась! Я с трудом выпрямилась, демонстрируя рубцы на месте

смертельных ран, и вместо ответа в моих руках появился светящийся бело-голубым светом лук.

Некромантка побелела, лихорадочно выплетая защитное заклинание. Все верно, мертвяки, зомби и прочая нежить магией не владеют. Я же подняла лук и выпустила одну-единственную стрелу, сплетенную из электрических разрядов.

Стрела достигла цели, прошив грудь противницы насквозь, и пришила некромантку к стволу близстоящего дерева. Ирадда закричала, пытаясь освободиться.

– Хозяйка! Помоги! – взывала она.

Элланон уже натягивал лук, чтобы прекратить ее мучения, как вдруг я вновь ощутила дыхание чужой враждебной силы. Некромантку окутало ярко-красное сияние, которое все больше сгущалось, а потом внезапно исчезло, унеся Ирадду с собой. Именно унеся, а не убив...

Я без сил рухнула на землю. На меня навалилась слабость, а вместе с ней удивительная легкость. Я не знала, что делали маги и эльфы в Вира-Нейн, но была уверена, что с этого момента вампиры будут в относительной безопасности. Война была окончена.

Элланон первым подбежал ко мне.

– Ллина, ты как?!

– Жить буду, – слабо улыбнулась я.

– Ты... ты уйдешь? – Голос Нииты доносился как бы издалека.

Мне необходим был отдых. Путешественница я или нет, но усталость брала свое. Сделав над собой усилие, я еле слышно пробормотала:

– Останусь, пока у вампиров не появится надежда...

Они говорили еще что-то, но я уже уснула...

Я прожила в Вира-Нейн чуть больше года. Все это время мы с Элланоном и вампирами усиленно восстанавливали разрушенный город, возрождали земли, сельские угодья и леса. Оказывается, эльфы очень хорошо разбираются в магии земли, да и моя сила пригодилась. Ниита была с нами.

Этот день начался, как и множество других. Элланон поднял меня на рассвете. Мы должны были попытаться восстановить плодородные земли к востоку от города, и к тому моменту, когда нас отыскала радостная и взбудораженная Ниита, мы уже успели оживить огромное поле.

Вампирша подбежала к нам, с разбегу кинувшись на шею к эльфу.

– Элланон, ты не представляешь, что только что произошло!!!

– И что же? – поинтересовалась я, поднимаясь с колен и глядя на девушку ехидным взглядом.

– Мастер! У нас теперь есть Мастер! Он, правда, еще маленький, но скоро вырастет! Элланон, у Вира-Нейн СНОВА ЕСТЬ НАДЕЖДА!!!

Произнеся эти слова, подруга запнулась и тревожно посмотрела на меня. Я грустно улыбнулась ей.

Все правильно.

У вампиров появилась надежда на будущее, поэтому мне пора уходить, возможно навсегда.

Эльф тоже понял, что это значит. Он мягко отстранил от себя Нииту и, подойдя, положил мне ладонь на плечо в уже знакомом жесте дружбы и поддержки.

– Ты вернешься? – тихо спросила подошедшая Ниита.

Я покачала головой:

– Не знаю. Не хочу вас обнадеживать, но... Скорее всего, мы никогда больше не увидимся...

Вампирша всхлипнула и обняла меня.

Я уткнулась носом ей в плечо, почувствовав, как к глазам подступают жгучие слезы. До этого я только один-единственный раз в жизни не хотела уходить. Но тогда у меня не было

выбора – тот, ради кого я хотела остаться, считал меня погибшей, а раскрыть то, что я Путешественница, было невозможно. Ход событий его мира мог нарушиться. Поэтому Калимдор, или, по-другому, Ллина, должна была «погибнуть»...

Я отстранила Нииту и улыбнулась ей сквозь слезы. Перевела взгляд на Элланона:

– Береги ее.

– Обязательно. – Эльф улыбнулся мне, и (готова поклясться) в его изумрудных глазах на миг блеснули слезы. – Что бы ни случилось, ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь. Неважно когда – через один год или сотню лет. Помни, здесь у тебя есть друг.

– И подруга. – Ниита улыбнулась мне, вытирая слезы.

– Спасибо. Прощайте, друзья... Хотя мне очень хочется сказать «до свидания»...

С этими словами я шагнула в раскрывшийся за моей спиной портал, ведущий в Зеркальный зал, свою Галерею. Ниита и Элланон еще миг были видны сквозь толщу миров, а потом пропали, и вокруг меня возник до боли знакомый интерьер.

Раздался до колик надоевший Голос:

– С возвращением, Путешественница. У меня для тебя спецзадание.

Естественно. Очередная проблема мирового значения...

Как же я люблю свою работу!

Я улыбнулась своим мыслям и в который раз принялась выслушивать немного нудные ЦУ моего советчика, подстраховщика и просто друга.

Глава 2 ПЕЧАТЬ СЕРАФИМА

Я мрачно сидела на теплом мраморном полу Зеркальной галереи, вполуха слушая бубнение Голоса. Тот давал, на мой взгляд, совершенно ненужные рекомендации по следующему заданию.

– Итак, тебе любой ценой нужно вступить в небольшой отряд наемников под началом Гидеона Удачливого, которые идут на юго-восток с целью найти некий артефакт для Храма Семи Дорог. С магами в их измерении крупная напряженка, поэтому твои способности придутся как нельзя кстати. Я настроил портал таким образом, что ты появишься в маленьком безлюдном переулке, и у тебя будет несколько минут на то, чтобы привести себя в порядок соответственно законам местной эпохи. Через десять минут после твоего прибытия мимо тебя будет проходить именно тот, кто тебе нужен, и...

Мне надоели пространные высказывания Голоса, поэтому я прервала его самым наглым образом:

– Короче. Что требуется от меня?

Голос тяжело вздохнул и сказал:

– Нужно, чтобы артефакт попал в руки заказчика.

– А конкретно?

– К настоящему Храму Семи Дорог.

– Так бы сразу и сказал! – бурно возразовалась я, воздевая руки к потолку.

– Я и сказал бы! – обиженно произнес он. – Только ты все время торопишься. Причем я все никак не могу уяснить зачем. Ведь даже если мы просидим тут целый год, ты все равно попадешь в нужный тебе момент времени. Вот если б ты в этом мире уже побывала... Тогда пришлось бы торопиться, поскольку в каждом мире время идет по-разному относительно Зеркальной галереи... Но даже сейчас, когда у тебя в запасе почти вечность, ты все продолжаешь куда-то бежать, спешить... Скажи, почему?

– Наверное, человеческая привычка, – улыбнулась я. – Так, ты уже готов отправить меня?

– Я всегда готов, – важно произнес Голос.

Передо мной зажглась золотистая дорожка, которая вела в глубь Зеркальной галереи. Я со вздохом поднялась и медленно пошла по ней. Пройдя несколько шагов, остановилась,

тихо произнесла:

– До скорой встречи, Голос.

– Да пребудет с тобой Божье благословение, Путешественница, – тихо отозвался он.

Вот такой у нас ритуал прощания, с которым я ухожу в очередной мир, из которого теоретически могу и не вернуться. Все девяносто восемь лет, что я брожу по мирам, я говорю Голосу именно эти слова, а он мне отвечает. Я предполагаю, что Голос – это существо свыше, но проверить свою догадку возможности не представлялось.

Пока что.

Впрочем, как заверяет Голос – у меня впереди вечность...

Дорожка уперлась в окно, горящее неровным фиолетовым огнем.

Тяжело вздохнув, я перешагнула из одного мира в другой.

Яркий дневной свет больно резанул по глазам, а в уши ввинтился гам уличной суеты. Я действительно находилась в маленьком полутемном тупике, в котором никого не было. Так, у меня десять минут на то, чтобы превратить свой современный спортивный костюм в нечто соответствующее эпохе. Я сосредоточилась, и моя одежда стала темно-синим приталенным шерстяным камзолом с широкими рукавами в три четверти и такими же свободными штанами до середины лодыжки, чуть расширявшимися книзу. Кроссовки преобразились в высокие сапоги на плоской подошве из мягкой черной кожи со шнуровкой спереди. Волосы я заплела в косу, выпустив несколько прядей на лоб и виски, а на моих плечах появился черный плащ с капюшоном. Подумав, я добавила длинные перчатки из тонкой ткани. Вот теперь я выглядела точно как странствующая ведьма. В принципе, я могла вырядиться как угодно, никто не счел бы мой наряд глупым или подозрительным. Это привилегия ведьмы – как бы она ни оделась, все сочтут ее наряд разве что экстравагантным...

Я вышла из тупика... И почти сразу натолкнулась на очень высокого худого мужчину с длинными черными волосами, скрывающими пол-лица. Одежда его была явно эльфийской работы, но какая-то неухоженная. На меня глядели холодно и пристально глаза непонятного оттенка – то ли серые, то ли серо-зеленые с примесью карего. Я скомканно извинилась и поспешила отойти в сторону. Однако все еще ощущала на себе колющий взгляд, и тут меня осенило – этот человек определенно владеет магией! Не высшей, конечно, но достаточно мощной, чтобы при желании стереть этот город с лица земли. Я хотела обернуться и проверить свою догадку, как вдруг опять с кем-то столкнулась.

– Ну что за день такой! Опять кого-то чуть не снесла! – С этими словами я перевела взгляд на того, кого едва не сбила с ног.

Мужчина улыбнулся, при этом его серые глаза остались серьезными и сосредоточенными. Правильные черты лица немного портил длинный шрам, шедший от левого уха до середины щеки, отчего лицо принимало ироничное выражение. Волнистые золотисто-каштановые волосы каскадом ниспадали на плечи, покрытые темно-бордовым плащом.

Я оглядела незнакомца с головы до ног. Под плащом легкая серебристая кольчуга – значит, он зарабатывает себе на жизнь чем-то связанным с опасностью. Предположение подтверждало то, что на левом бедре у мужчины висел меч в видавших гораздо лучшие времена потертых ножнах, а из голенища сапога выглядывала рукоятка ножа. Он обошел меня и уже собирался продолжить свой путь, но тут до меня дошло, что этот человек может быть тем, о ком говорил Голос.

– Эй, погодите! – Я пошла рядом, едва поспевая за его широким и быстрым шагом. – Вы Гидеон Удачливый?

– Да, – ответил он, как бы ненароком переложив ладонь на рукоять меча. – Чем могу быть полезен столь юной девушке?

Я слегка поморщилась. Знал бы он, что девушка старше его разика эдак в четыре...

– Слышала, что вы набираете команду в какой-то поход? Это так?

– Допустим, – осторожно ответил он, хмурясь и подозрительно оглядывая меня с

головы до ног.

– Я хотела бы пойти с вами.

– Сожалею, но это невозможно. Команда уже набрана. Извините, ничем помочь не могу.

С этими словами Гидеон быстро пошел вниз по улице. Чертыхнувшись, я побежала следом. Я догнала его и слегка дернула за плащ, привлекая внимание. Гидеон обернулся, и серые глаза вспыхнули, выказывая высшую степень раздражения.

– Милая, ну что ты прицепилась? Кто ты вообще такая? Если ищешь, кому можно продать свою любовь, то в моем отряде тебе делать нечего, по крайней мере, во время похода. Вот после – пожалуйста.

– Вы... Ты что, спятил? За кого ты меня принял???

Видимо, мои глаза говорили сами за себя.

– Сама же виновата. Лезешь в поход, а небось, кроме того, как готовить и на свидания бегать, ничего и не умеешь.

Я захлебнулась от ярости и, не говоря больше ни слова, позволила своим зрачкам загореться ослепительным золотым светом, озарившим лицо Гидеона, который при этом слегка побледнел. Потом твердо произнесла:

– Я – странствующая ведьма. И меня еще никто не рискнул оскорбить такими недвусмысленными намеками. Извинитесь, Гидеон Удачливый, иначе вы увидите, на что я способна...

– Прощу прощения, леди, за свои непотребные высказывания.

Гидеон тут же склонил передо мной голову в знак извинения. Я подумала и вернула глазам обычный вид. Как-никак, а испепелить потенциального работодателя в мои планы пока что не входило.

– Извинения приняты. И все-таки, Гидеон, что вы имеете против ведьмы в своих рядах?

– Да в принципе ничего. Заказчик сегодня после обеда пришлет мне молодого, но талантливого алхимика. Конечно, алхимия – это не магия, но лучше, чем совсем ничего...

– Так возьмите меня.

– Можно, конечно... – Он с сомнением еще раз оглядел меня с головы до ног. – А колдовать-то ты хорошо умеешь?

– Я одна из лучших, – без ложной скромности ответила я.

Действительно, в этом мире я была, вероятно, самой сильной ведьмой.

Гидеон улыбнулся и ответил:

– Что ж, будем надеяться, что ты не переоцениваешь себя. Ладно, считай, что принята. Сейчас пойдем на постоянный двор, где разместились наша команда. Там найдем тебе комнату, в которой ты сможешь отдохнуть и поесть. Завтра с утра подвезут оружие и амуницию. Лошадь у тебя есть? – Я отрицательно покачала головой. – Ладно. Найду. Как экипируемся, сразу в путь. Вопросы, возражения или предложения есть?

– Никак нет! – по-военному ответила я.

– Вот и хорошо, – засмеялся он. – Пойдем знакомиться с остальными. Отсюда до постоянного двора всего один квартал.

Гидеон вел меня, петляя по тесным улочкам. Я же шла за ним, четко понимая: одна я в этом лабиринте заблужусь раз и навсегда. Трактир «Кружка пива» возник буквально из ниоткуда. Только что мы шли по узенькому переулочку – и на тебе! Оказываемся на большой площади, с краю которой гордо высится большое двухэтажное здание.

Гидеон подошел к двери и толкнул ее.

В трактире обнаружилась куча народу, клубы табачного дыма, грязь на полу и пыль на подоконниках. Гидеон, не останавливаясь, прошествовал через весь зал и по узкой темной лестнице поднялся на второй этаж. Я последовала за ним, попутно удивляясь общей запущенности помещений. Было видно, что за трактиром не шибко-то ухаживают, но, заглянув в полуоткрытую дверь одной из комнат, я с удивлением отметила относительную чистоту белья на постели и минимум грязи на окнах. Из всего увиденного следовало, что

жить тут можно. По крайней мере, ночь протянуть мне удастся. Наконец Гидеон подошел к крайней с правой стороны коридора двери и три раза отчетливо стукнул в нее посредством правой ноги, обутой в сапог с железной пластиной на носке.

В комнате что-то прогрохотало, потом закричало, а затем громко выругалось так, что даже я покраснела.

В следующий момент дверь натужно, со скрипом приоткрылась, и в образовавшийся проем высунулась голова самого натурального патлатого тролля. Узрев моего провожатого, он одним махом распахнул дверь на всю ширину, попутно едва не сорвав ее с петель, а я наконец-то сумела разглядеть его получше.

Сказать, что тролль был большим, означало просто промолчать. Высокий – ростом больше двух метров, косая сажень в плечах, он был обладателем острых зубов и чрезвычайно развитой мускулатуры. Пропустив Гидеона, тролль преградил путь мне:

– А ты куда собралась?! Шлюхам вход воспрещен!

Ой, зря он это сказал! Я нахмурила брови и призвала стихию Ветра...

В общем, тролля буквально внесло в дверной проем, а глухой стук у противоположной стены и семиэтажный мат подсказали, что «снаряд» цели достиг. После этого я спокойно вошла в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь, и тотчас попала под шквал неприязненных взглядов. С кроватей, количеством четыре штуки, на меня смотрело соответствующее количество пар глаз, принадлежавших представителям разных рас, отличавшихся наличием определенной доли разума. С ближайшей постели таращился невысокий гном с ярко-рыжей бородой. Напротив него находился человек в серебристых доспехах, сверливший меня презрительным взглядом ярко-голубых глаз в обрамлении неожиданно густых темно-русых ресниц. На дальней койке, вытянувшись поверх покрывала, лежал стройный светловолосый эльф с необычными фиалковыми глазами. Он бросил на меня мимолетный, абсолютно равнодушный взор и вернулся к изучению трещин на потолке. А вот тролль, уже пришедший в себя после полета, закончившегося у кирпичной кладки, смотрел теперь дружелюбно, я бы даже сказала, уважительно.

Гидеон подмигнул мне и начал процесс представления:

– Всем внимание! У нас появился новый боевой товарищ. Ее зовут...

– Ллина, – шепотом подсказала я.

– Ллина, – повторил он. – Это наша магическая поддержка. В общем, прошу любить и жаловать. И желательно не обижать, а то она на расправу скорая!

Тролль и гном засмеялись, а вот человек в доспехах презрительно скривился и бросил:

– Ведьма... Гидеон, а ты не мог взять вместо нее храмовника? Или целителя? На кой нам ведьма?

– А сам-то ты кто будешь? – язвительным тоном спросила я.

Человек гордо задрал вверх подбородок с едва заметным шрамом и пафосно произнес:

– Меня зовут сэр Маркус Бельвильский. Я являюсь паладином Единой и Священной Церкви, и миссия моя состоит в том, чтобы уничтожить богомерзких созданий, уклоняющихся от истинной веры...

– Короче, сэр Маркус, – прервала его я, – вы планируете отправиться в поход без магической поддержки?

– Никакая магия не устоит супротив доброй стали и священного слова! – безапелляционно заявил он.

– Желаете проверить?

Паладин слегка стушевался, но виду не подал.

– Церковь не позволяет мне поднимать меч против потенциального союзника.

– Значит, вы готовы признать ошибочность ваших слов? – вкрадчиво поинтересовалась я.

Сэр Маркус покраснел от злости и бросил вопросительный взгляд на Гидеона. Тот пожал плечами и сложил руки на груди.

– Хорошо. Готовься, богомерзкое создание. Я преподам тебе урок!

С этими словами паладин, звеня и гроыхая доспехами, вытянул из ножен огромный двуручный меч. Я оценила размеры этой тяжелой фиговины и уважительно присвистнула, представив, каково несчастному передвигаться в железе, таская с собой десятикилограммовый меч, да еще и сражаться им.

Паладин вышел в центр комнаты, поправляя на ходу пышные складки черного плаща и помахивая в воздухе мечом. Я спокойно встала напротив. На его лице отразилось недоумение.

– Гидеон, я не могу сражаться с ней.

– Это еще почему? – возмутились мы одновременно.

– Она же без доспехов!

Меня поразила такая благородная забота о противнике.

– Сэр Маркус, я не понимаю. Вы что, собираетесь предлагать всем своим врагам надеть доспехи, может, еще соизволите обождать, пока они помолятся перед боем?

– А то как же! Честь Воина Света обязывает...

– Сэр Маркус! – прервала его я. – Я официально заявляю, что вы трус.

– Но...

– А еще мне непонятно, как с такими принципами вы умудрились дожить до вашего возраста. Так что прошу вас, сэр, к барьеру!

Паладин больше не сказал ни слова. Он просто бросился на меня. Я уклонилась и, выбросив правую руку, превратила каменный пол под его ногами в зыбучие пески.

Рыцарь немедленно погрузился в них по щиколотки, а, прежде чем он успел выдернуть ноги, я дезактивировала заклинание, и пол опять стал каменным. Ноги паладина оказались намертво замурованными в кладке.

– Вот так, сэр Маркус, ушлые ведьмы справляются с рыцарями. А еще можно превратить землю у вас под ногами в озеро лавы, и вы заживо спечетесь в своих доспехах. А маг еще может затуманить ваш разум так, что вы будете убивать своих союзников, думая, что сражаетесь с врагами.

– И ты... Так ты тоже можешь?... – прохрипел паладин.

Видимо, ему было крайне некомфортно стоять намертво застывшим в каменной кладке.

– Могу. Но никогда так не делаю.

– Почему же?

– Так я ведь честная ведьма, а не полусумасшедшая колдунья!

За спиной раздался голос Гидеона:

– Ллина, мы тебя поняли. Освободи, пожалуйста, сэра Маркуса. Ручаюсь, он больше не станет тебя оскорблять. Не правда ли?

Паладин вздохнул и убрал меч в ножны. Я улыбнулась...

После того как мы совместными усилиями вытащили паладина из каменной ловушки, Гидеон начал представлять остальных участников похода.

– Этого гнома зовут Торин, тролля – Гирдык, а вон тот эльф, который последние полчаса старательно отыскивает философский смысл в трещинах на потолке, именуется Аннимо Орве. С сэром Маркусом вы уже познакомились. Так что прошу друг друга любить и жаловать.

Я попыталась очаровательно улыбнуться, но то ли у меня это плохо получилось, то ли не хватило шарма, все старания ушли в «молоко», не задев никого из присутствующих. Только огромный тролль подвинулся, освобождая мне место поближе к нему. Я не стала выпендриваться и, сняв плащ, непринужденно плюхнулась рядом с ним. В этот момент в комнату робко постучали.

Гидеон открыл дверь, и в проем протиснулась худенькая девушка лет семнадцати с длинной черной косой до пояса, в ее кожаной сумке через плечо что-то звякало. Гидеон мрачно осмотрел девушку с ног до головы и строго спросил:

– Вы кого-то ищете?

– Да, – ответила она звонким, почти детским голосом. – Я Камилла, можно просто

Мила. Меня послал настоятель Храма Семи Дорог. Я ваш алхимик...

В повисшей тишине особенно громко прозвучал голос тролля:

– Ну, старый пень! Еще одна баба в полку!

Мы с новоприбывшей удивленно переглянулись...

– Вот мать твою, кобыла несчастная! – взвыла я, когда выделенная мне лошадка в очередной раз игриво отскочила от мощного жеребца Гирдыка, при этом вильнув задом так, что я едва не рухнула на пыльную дорогу.

Тролль захохотал густым басом, а я выдала еще одну тираду на своем родном языке, которую, к сожалению, никто не понял. Гидеон мрачно покосился в мою сторону, но ничего не сказал. Чему-либо удивляться он перестал аккуратно после того, как я отказалась от всего предложенного мне на выбор оружия, ограничившись узким небольшим кинжалом, который был годен только для того, чтобы чистить им ногти или, на крайний случай, резать колбасу во время привала. В ответ на предложение надеть хоть какую-нибудь броню я посмотрела на чересчур заботливого Гидеона так, что он махнул на меня рукой, попросив только не умирать слишком быстро – закапывать мой труп не хотелось никому.

В том смысле, что лень.

Пришлось буркнуть, что если кто и вернется из похода, то именно я.

Ответом мне был громовой хохот оказавшегося поблизости тролля, как раз натягивавшего вороненую кольчугу размера XXL. Возившаяся рядом Мила подняла голову и громким шепотом спросила у меня, не подбросить ли ей в кашу этого соратника сильнейшего слабительного? Я задумчиво посмотрела сначала на нее, потом на слегка побледневшего Гирдыка и решила пока отказаться от сего страшного оружия массового поражения, мотивируя тем, что после такой газовой атаки в поход будет идти попросту некому.

Тролль расслабился, а гном, сидевший неподалеку и любовно полировавший свой топор, неприлично загоготал и попросил у Милы «сие чудесное средство усмирения троллей». Гирдык обиделся и, вскинув на плечо здоровенную секиру на длинной ручке, тяжело потопал туда, где Гидеон распределял походные пайки. Я фыркнула и, материализовав у себя в ладонях два сочных румяных яблока, одно предложила Миле. Та недоверчиво взяла, покрутила в руках, а затем отрезала кинжалом микроскопический кусочек и капнула на него из небольшой бутылочки с прозрачной жидкостью. Кусочек стал ярко-синим, а Мила удивленно посмотрела на меня.

– А оно настоящее!

– Естественно, – ответила я, смачно хрупая яблочком. – А ты чего ожидала?

– Ну... – протянула она. – Вообще-то создание материальных предметов из чистой энергии в принципе невозможно.

– Знаешь, шмель тоже в принципе летать не может. Но он об этом не знает.

Алхимик смотрела на меня абсолютно непонимающими глазами.

– При чем здесь шмель, если мы говорим о магии?

– При том. Я тоже не знаю, что создание материи из энергии невозможно. Поэтому сейчас ты держишь в руках созданный мною абсолютно материальный фрукт, который я, кстати, посоветовала бы тебе побыстрее съесть.

– Это еще почему?

– Сюда тролль направляется.

Мила оглянулась и тут же надкусила румяное яблоко. Прожорливость Гирдыка давно уже стала притчей во языцех. Собственно, учитывая его весьма немаленькие размеры, это было неудивительно, так как большая часть съестных припасов бралась в основном из-за него. Эльф ел очень мало, глядя на него, можно было подумать, что он не обедать сел, а так, слегка перекусить. Мы с Милой тоже не отличались особым обжорством, зато тролль исправно подъедал все, что оставалось на столе после нашего ухода. Гидеон шутил, что если Гирдык дерется так же, как и ест, то мощная силовая поддержка во время похода нам

обеспечена.

И вот сейчас сие чудо природы своей неспешной тяжелой поступью двигалось по направлению к нам. Я только успела шепнуть Миле: «Не смей ему говорить, что яблоки сотворенные! Иначе он от меня до конца похода не отстанет!» Алхимик все поняла и активно закивала головой, дожевывая огрызок. Гирдык уселся рядом с нами на поваленное дерево и, страдальчески взглянув на быстро исчезающие остатки яблока, сказал:

– Собирайтесь, Гидеон сказал, что пора ехать, а то мы здесь заночуем.

Утро первого дня похода началось с побудки. Караулы, которые распределил Гидеон, были рассчитаны на бдение в течение полутора часов, а моя очередь «дежурить» выпала за полчаса до рассвета. К счастью, за девяносто восемь лет путешествий по мирам мой организм приобрел весьма интересную способность: если я засыпала под открытым небом, в пути или в походе, то просыпалась от малейшего толчка или подозрительного звука и подъем в четыре часа утра не выбивала меня из колеи. Но стоило улечься в нормальную кровать или же просто в помещении – все, пробуждение раньше девяти становилось для меня крестной мукой – я полдня зевала, и общее состояние оставалось донельзя вялым. Поэтому сейчас, когда изящная ладонь эльфа легонько коснулась моего плеча, я моментально открыла глаза и села.

– Что, моя очередь?

Он только кивнул и сразу же отошел к своему месту, где благополучно заснул, завернувшись в одеяло.

Я только покачала головой, удивляясь неприветливости здешних эльфов. В большей части миров эльфы к людям в целом, а ко мне в частности относились довольно-таки лояльно, можно даже сказать, дружелюбно. Здесь же эльфы (в лице своего представителя Аннимо Орве) на людей смотрели не то чтобы свысока... Скорее, старались их вообще не замечать.

Например, чтобы добиться у Аннимо ответа на простейший вопрос: что видно на горизонте? – требовалось отстоять рядом с ним минут десять, после чего эльф коротко бросал, что вдали ни фиги нет. Единственный, с кем Орве общался более-менее сносно, был Гидеон. Но только по делу. На остальные расспросы эльф высокомерно отмалчивался. Наконец мне надоела такая ситуация, и, после того как я с помощью водяной сферы сама осмотрела горизонт, вся команда время от времени подбегала ко мне с вполне логичной просьбой – устроить обзор территории. В отличие от эльфа я не стояла с отрешенным лицом, делая вид, что меня нет ни для кого из смертных, а попросту показывала то, что просили. Единственным недостатком моей сферы был маленький угол обзора, который при приближении очень сильно сужался. Так что процесс выискивания врагов оставили для Аннимо, а всякую мелочь типа затаившегося зайца в кустах или ручейка с пресной водой в траве поручили мне.

И вот сейчас я сидела на сотворенной для себя довольно мягкой и удобной подушке, встречая рассвет и время от времени поглядывая по сторонам. Передо мной в воздухе висела водяная сфера, и если я замечала движение, то сфера моментально настраивалась в нужную сторону и увеличивала изображение. Так я проскучала примерно с час, когда заметила, что с севера на нас надвигается лилово-черная грозовая туча.

Ну, туча и туча.

Максимум, что нам грозит, – это проливной дождь. Я неторопливо поднялась, щелчком пальцев дематериализуя подушку, и начала приводить себя в порядок, попутно поглядывая по сторонам. Туча почти закрыла собой весь горизонт, и вокруг ощутимо потемнело. Неожиданно мое внимание привлекла одна странная вещь.

Туча медленно наползала на нас, двигаясь ПРОТИВ ветра, чего в принципе не могло быть.

Встревожившись, я стала осторожно будить весь отряд.

Соратники пробуждались крайне неохотно, шумно протестуя. Речь тролля цитировать

не буду, но наиболее эмоциональные его выражения дополнили мой словарный запас.

Хмурый Гидеон недовольно приблизился ко мне.

– Слушай, что стряслось, а?

Я посмотрела на него и честно ответила:

– Не знаю. Я себя чувствую как-то... – я замялась, подыскивая правильное слово, – неуютно...

– И из-за этого ты нас всех подняла на час раньше?!

С утра командир был особенно не в духе, поэтому он уже собрался было отдавать приказ к отбою, как вдруг в дело вмешалась Мила.

– Гидеон, я думаю, что тебе следует прислушаться к Ллине. Маги воспринимают мир чуть-чуть иначе, поэтому нам нужно адекватно отреагировать на ее предупреждение. – Она подмигнула мне, а я почувствовала себя гораздо увереннее.

– Посмотрите на эту тучу, – предложила я.

Все послушно задрали головы.

– И что? Ну, гроза надвигается...

– Гидеон, туча движется ПРОТИВ ветра и прямо на НАС. Тебе это странным не кажется?

– Еще как... – И, повернувшись к остальным, уже совершенно другим голосом скомандовал: – Седлать лошадей. Всем быть готовым уходить в лес.

Я с сомнением оглядела поле, на котором мы заночевали, не рискуя идти впопыхах через лес, где полно местной нежити. Если будет гроза, то лучше остаться на открытом месте.

А воздух наполнялся грозowymi раскатами.

И только тут я поняла, что не давало мне покоя.

Туча была зачарована!

Чертыхнувшись про себя, я выпустила наружу свою силу, чтобы «прощупать» небо.

И сразу же натолкнулась на чужое присутствие. Магия, направленная на уничтожение, была вложена в облако, превратив его в грозовой вал, который запустили по нашему следу. Если бы не вмешалась магия, то природа ограничилась бы проливным дождем с ветром, но сейчас с небес на нас посыплется что-то более серьезное.

Я «увидела» мага, сделавшего это, ощутила его силу. Теперь, если он при мне применит ее еще раз, то я его непременно узнаю. Но хуже всего то, что он тоже «увидел» меня. А поняв, что его раскрыли, запустил заклинание.

Из тучи, взрыхляя землю, посыпались бледно-зеленые молнии.

Абсолютно машинально я вскинула руку, отражая летящую прямо в меня молнию. Я оглянулась – лошади уже скрылись в лесу, а прочие разумные существа рассредоточились, стараясь уйти от разрядов, сыпавшихся с неба отвесными копиями.

Усилив заклинанием свой голос, я закричала:

– Все ко мне, быстро!

На удивление они подчинились. Даже эльф, петляющий на манер зайца, путающего следы. Наконец, когда все оказались в относительной близости от меня, я подняла руки к небу, и нас накрыло полупрозрачной сферой – воздушным щитом, который не отражал, а поглощал удары молний. Электрические разряды летели все чаще и чаще, но щит спокойно выдерживал эту атаку.

А потом все резко прекратилось.

Я чувствовала, что заклинание, наложенное на тучу, выдыхается, и с ошеломляющей ясностью поняла, что сейчас будет последний, самый сильный удар, который наша защита может и не выдержать. Повернувшись к притихшей команде, я рывкнула:

– На землю! Все на землю! И пока я не разрешу, даже головы не поднимать!

Соратники слаженно рухнули ничком, словно долго репетировали синхронное падение.

Я развела руки, и между моими ладонями заплескала бело-голубая электрическая дуга, сыпавшая яркими искрами. Щит замерцал голубыми огоньками, и в этот момент я заметила,

что Аннимо не лежит на земле, а держит в руках лук с наложенной на тетиву стрелой, присев на одно колено.

– Идиот! – заорала я и, стряхнув с одной руки сияние, сильно толкнула эльфа в плечо, опрокидывая его. – Лежать! Лежать, я сказала!!!

Я ногой выбила оружие из рук Орве и надавила коленом на грудь, прижимая эльфа к земле. Он метнул на меня яростный взгляд и тихо зарычал. Я уже знала, что этого он мне не простит, но если эльф сейчас поднимется...

Додумать мне не дали. Грохотнуло так, что мне показалось, будто мир раскололся пополам, а потом на щит упала ярко-зеленая ветвистая молния толщиной с мою руку.

Я едва успела вскочить на ноги, вскидывая ладони к небу.

Сфера засияла ослепительно-белым светом и внезапно лопнула, словно мыльный пузырь, осыпавшись на землю острыми звенящими осколками...

Небо враз посветлело, и воцарилась полная тишина. Я стояла, напряженно вытянувшись в струнку, и чувствовала, что левое запястье сильно жжет. Значит, меня опять ранило.

Я скосила глаза на грудь – сюда пришлась большая часть электрического разряда – и поняла, отчего же мне так тяжело и больно дышать – в том месте, куда ударила молния, был весьма обширный дымящийся ожог. Ткань буквально припеклась к телу.

За спиной раздалось тихое, но очень отчетливое рычание, а в следующую секунду меня резко дернули за правую руку, развернув на 180 градусов. От боли я громко завопила и тотчас очутилась лицом к лицу с разъяренным эльфом. На его темно-зеленой куртке в районе груди проступал отпечаток моего сапога. Аннимо проскрипел сквозь зубы:

– Человек! Ты заплатишь за это! Еще ни одно существо не могло оскорбить эльфа и при этом уйти от возмездия!!!

Меня уже просто мутило – видимо, ожог оказался не смертельным либо был частично исцелен, но боль не проходила. Выходит, я полностью исцелюсь не раньше чем через несколько часов. Все еще глядя в глаза эльфа, от ярости принявшие лиловый оттенок, я хрипло произнесла, одновременно убирая от груди руку, закрывавшую ожог.

– Что ж, будем считать, что я уже наказана. – С этими словами я рухнула на землю у ног Орве, причем это падение отозвалось очередной очень болезненной вспышкой в груди.

Меня приподняли, под голову подложили что-то мягкое, и словно сквозь пелену пробился встревоженный голос Милы:

– Ллина, Ллина, ты меня слышишь? Тебе срочно нужно выпить это лекарство!

Я едва нашла в себе силы помотать головой. Но мне приподняли голову и попытались влить в рот какую-то безумно противную настойку.

От горечи и оттого, что лекарство попало не в то горло, я надрывно закашляла, отчего боль только усилилась, и, наверное, в следующий момент задохнулась бы, если б кто-то не додумался перевернуть меня на бок. Дышать сразу стало намного легче, и я, воспользовавшись случаем, чтобы выплюнуть остатки лекарства, снова тяжело обвалилась на спину.

Надо мной собрался целый консилиум, плавно переходивший в банальный спор. Сознание, вопреки всем моим ожиданиям, покидать меня не торопилось, заснуть при такой дикой боли я не могла, а падать в горячее забытие было еще рано. Поэтому я тихо молилась, чтобы кто-нибудь додумался прикончить меня или хотя бы придушить до потери сознания. В уши в очередной раз ввинтился высокий Милин голос:

– А я говорю, что если она это не выпьет, то, когда мы будем отдирать одежду от ожога, она умрет от болевого шока!

– Может, мне просто слегка стукнуть ее по затылку? – послышался неуверенный бас тролля.

Ну, слава богу, хоть кто-то догадался!

– Ты что? Ты ж ее убьешь!

Ну, пожалуйста, только не надо его отговаривать от этой гениальной идеи!

– Тогда что же делать?

– Может, попробовать еще раз напоить ее лекарством? – Это уже Гидеон.

Удивительно, что я еще могу различать голоса.

– Нет, лекарства осталось только на одну порцию. Она очень много разлила, а для того, чтобы приготовить новое, у меня уйдет две недели. Надо, чтобы она выпила его наверняка.

– Камилла, дай мне настойку. – Этот неестественно спокойный голос моментально оборвал все споры.

Да, эльф остался в своем репертуаре. Если бы не слабость, я б ему высказала все по поводу гордости, которая подвергает опасности всю команду.

Внезапно на мое лицо упали длинные мягкие волосы и чьи-то губы мягко, но твердо коснулись моих губ. Возмущение, охватившее меня, заставило приоткрыть рот, и тотчас мне в горло полилось то самое лекарство. Все-таки они заставили меня проглотить его! Я хотела было запустить в наглеца каким-нибудь заклинанием посерьезней, но по телу разлилась приятная сонливость, и моих сил хватило только на то, чтобы, приподняв веки, увидеть фиалковые эльфийские глаза...

Ну, Аннимо, я тебе это еще припомню!

Дай только поправиться...

С этой мыслью, значительно успокоившей мою совесть, я плавно погрузилась в пучину сна...

Проснувшись я в тишине и первое, что увидела, – встревоженное и уставшее лицо Милы. Заметив, что я очнулась, она поправила сложенное у меня под головой одеяло. Я перевела взгляд вверх и увидела, что лежу в наспех сооруженном шалаше, а постелью мне служит нарубленный в ближайшем лесу лапник, покрытый одеялом. Снова посмотрев на Милу, спросила:

– Сколько я спала?

– Ты лучше объясни, как тебе удалось выжить?! У тебя был жуткий ожог почти до костей! А спала ты часа четыре.

– Да... – Я попыталась привстать, но алхимик заставила меня лечь обратно.

Только сейчас я заметила, что валяюсь раздетая до пояса, а вся грудь – от ребер и до ключиц – замотана чистыми белыми полосками ткани.

– Это что, ожог был ТАКИМ???

– Ну, в общем-то, да. В том месте, где в тебя ударила молния, рана была очень большой. Вокруг – намного слабее, но я решила обработать все сразу.

– Отлично, отлично... – рассеянно пробормотала я. Потом огляделась в поисках своей одежды. – Мил, где мои тряпки?

– Да здесь где-то валялись. А зачем они тебе?

– Восстановить хочу.

Она на миг перестала копаться в своей сумке и вопросительно взглянула на меня:

– Ты и одежду умеешь восстанавливать?

– Да, – ответила я, пожав плечами и поморщившись от боли в груди. Но теперь было терпимо.

Алхимик еще немного покопалась в своей сумке и наконец-то извлекла оттуда мой изодранный и в некоторых местах прожженный камзол и почти целый плащ. На вопрос о рубашке она смущенно потупилась и сказала, что ее пришлось порвать на бинты. Ну и фиг с ней.

Я провела ладонью над камзолом, возвращая ему первозданный вид. А после того, как проделала подобную процедуру с плащом, Мила, немного смущаясь, протянула мне сложенную белую блузку со шнуровкой на груди.

– На, возьми. Это у меня запасная. В конце концов, это я твою порвала...

– Спасибо, – улыбнулась я и начала было одеваться, но Мила остановила меня:

– Прежде я осматрю твою грудь.

– Я думала, что ты алхимик, а не целитель.
– Да ладно, – отмахнулась она. – Каждый алхимик должен быть неплохим целителем.
– Это еще зачем?
– А кто знает, что у него в следующий раз рванет во время очередного эксперимента? – ответила вопросом на вопрос Мила.

Мы переглянулись и рассмеялись.

– Чувствуется, по опыту знаешь.

– Еще как... Ладно, давай я тебя размотаю... Нет, ну ты посмотри... – пораженно выдохнула Мила, когда, справившись наконец-то с моей «упаковкой», вместо ожога третьей степени узрела только ярко-розовый круг почти зажившей кожи. – Похоже, что перевязка тебе не нужна...

Камилла отвернулась от меня и начала быстро собирать свою сумку. Я почувствовала что-то неладное и придержала ее за плечо.

– Постой!

Девушка вырвалась, глядя на меня, как на чудовище:

– Ты не человек? Кто ты? Оборотень?

– Мила, я человек, клянусь тебе. Просто очень и очень необычный.

– Не понимаю... – Она уселась напротив, притянув колени к груди, и, глядя на меня карими глазами из-под черной челки, спросила прямо: – Кто же ты тогда?

Я глубоко вздохнула и выложила ей все. И то, что я Путешественница, и почему на мне все раны затягиваются, и прочее и прочее... Камилла слушала не перебивая, а когда я закончила, тихо уточнила:

– Получается, что у тебя есть близкие, но ты их видишь очень редко, потому что должна помогать разумным существам в разных измерениях?

– Ну, в общем-то, да...

– А твои родные знают, кто ты?

Я покачала головой:

– Нет. И вряд ли когда-нибудь узнают... Они бы этого никогда не поняли...

– Да... У меня родители такие же. Я ведь из очень известной и влиятельной семьи. Меня все детство заставляли ходить в дурацких платьях и туфлях на высоких каблуках, учиться вышивать и прочей ерунде... А потом, когда в четырнадцать лет они решили меня выдать замуж за нашего сорокалетнего соседа, мотивируя тем, что это упрочит положение нашей семьи, я попросту сбежала. Настоятель Храма Семи Дорог сделал из меня алхимика. Правда, за три года я у него переколотила сколько пробирок и всякой ерунды! Зато совершенно случайно получила смесь, которая при соприкосновении с воздухом дает эффект взорвавшегося огненного шара приличной мощности, – гордо резюмировала она.

Я представила, какими же методами проб и ошибок была получена сия чудодейственная смесь, и усмехнулась. Засмеяться в полный голос мне не позволил еще не до конца заживший ожог.

– Мила, я тебя хочу кое о чем попросить.

– Да?

– Сохрани все то, что я тебе сказала, в тайне. Пожалуйста.

– Да я-то ничего не скажу, но как мы объясним твоё чудесное исцеление остальным? Они ведь далеко не глупы и сразу сообразят, что здесь что-то нечисто...

– Да... – Я задумалась, а потом в голову пришла совершенно потрясающая идея. В том смысле, настолько она была простая. – Мил, а давай ты скажешь, что у тебя в сумке завалялся чудодейственный бальзам, который в рекордные сроки заживляет раны. Только было его у тебя очень мало – вот на меня весь и истратила...

Камилла с сомнением посмотрела на меня, прикидывая, прокатит ли такая авантюра, но в конце концов решила, что сойдет.

Из шалаша я выползла минут через двадцать – пока оделась, пока прикинула, насколько страдающей мне стоит показаться, но потом посчитала за лучшее вести себя

естественно. В итоге, когда я выглянула на свет божий, моему взору предстала оригинальная картина.

Как выяснилось, мы только переместились к самой кромке леса, но остались на том же самом поле, где я с переменным успехом отбивалась от вконец обнаглевших молний. Улечься ребятам на землю я посоветовала весьма кстати – в том месте, где был воздушный щит, все, что выступало над поверхностью больше чем на пятьдесят сантиметров, было аккуратно подровнено – скорее всего, щит настолько прогнулся, что срезал верхушки кустарника, словно косой.

Меня же не тронуло потому, что я стояла в центре.

А может, просто повезло.

Я не стала углубляться в пространные рассуждения по этому поводу, а медленно подошла к троллю, громоподобно храпевшему недалеко от шалаша, и слегка попинала его в бок. Гирдык еще пару раз всхрапнул, но все-таки открыл глаза.

И тотчас уставился на меня так, как будто увидел привидение.

– Ллина, ты что... Ты как?..

– Нормально. – Я, кряхтя и морщась, уселась прямо на землю рядом с ним. – Жить буду.

– Да? А я думал, топталки отбросишь. Ведь с утра на тебя смотреть было страшно – я уже решал, как бы тебя прикончить полегче, чтобы не мучилась.

– Ну спасибо... – Я вздрогнула, осознав, что у тролля это величайшее проявление заботы. – Только на будущее запомнил, что, как бы плохо мне ни было, не торопись отправлять меня на тот свет. Ведьмы, знаешь ли, существа живучие...

– Ладно. Но если что, не обижайся – сама просила.

– Заметано. – Я пожала огромную ладонь тролля, больше похожую на лапу, а он в ответ выщерился в жутковатом оскале, игравшем у него роль улыбки. И тут у него в животе громоподобно заурчало. Гирдык расстроено посмотрел на меня и неожиданно пожаловался:

– Вот, со вчерашнего дня не ел ничего. А Гидеон еще и в караул поставил вместо паладина – тот шагу не ступит, чтоб не забренчать своими железяками, как пустая кастрюля. Сам он с эльфом пошел дорогу разнохивать... Да еще и гнома зачем-то припасы охранять поставил, а меня к ним не подпускают...

Трольль печально вздохнул. Я же, поддавшись минутной слабости, в трезвом уме и почти твердой памяти, по собственной воле наколдовала оголодавшему приятелю приличных размеров хорошо прожаренную баранью ногу. Гирдык обрадовался ей, как встрече с родной мамочкой. Я же, понимая, что такой душевный порыв грозит мне немалым беспокойством, картинно закатила глаза и, тихо вздохнув, распласталась на земле прямо там, где сидела.

Трольль, уже всюю занятый своим поздним завтраком, невозмутимо поинтересовался:

– Эй, а что это ты?

Я же, придав своему лицу выражение крестной муки, слабо прошептала:

– Создание продуктов отнимает очень много сил... Я не могу это делать часто, иначе вы рискуете остаться совсем без ведьмы...

– Ну а хоть раз в день-то можешь?

Я прикинула, каково мне придется, и рискнула:

– Могу, но только растительную пищу и воду. А мясо – не чаще чем раз в три дня. И то понемножку.

Трольль, страдальчески вздохнув, продолжил святое дело наполнения собственного желудка, а я, полежав еще минут пять для правдоподобия, поднялась и, добредя до слабо дымящегося костра, уселась около него в ожидании развития событий, попутно соображая, кому же Гидеон успел так насолить, что на нас открыли сезон охоты.

От мыслей меня оторвали вернувшиеся из разведки соратники. Эльф прошел мимо меня, словно бы и не заметив, а Гидеон уселся рядом и спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

Я пожала плечами:

– Нормально.

– После всего, что было?

– Спасибо Миле. Она замечательный врачеватель.

– Но ни один лекарь не смог бы вылечить то, что было у тебя, к тому же за столь короткий срок.

В это момент я увидела алхимика, которая бочком пыталась прокрасться мимо нас, и громко воскликнула, радуясь возможности перевести стрелки на немедленно найденного крайнего:

– А вон она идет! Ты у нее технические подробности спроси!

Камилла, услышав мои слова, многозначительно погрозила мне кулаком. Гидеон оглянулся на нее, а потом снова повернулся ко мне.

– Хорошо, спрошу обязательно. Теперь скажи мне, когда ты сможешь сесть в седло? Сама понимаешь, времени у нас мало, и так из-за грозы задержались.

Я подумала и твердо ответила:

– Да хоть сейчас.

Командир поднялся и, серьезно глядя на меня, кивнул:

– Ладно. Тогда собирай вещи – через пятнадцать минут выезжаем.

Через пятнадцать так через пятнадцать. Я подхватила легкую дорожную сумку и направилась к своей серой в яблоках кобыле, ощущая спиной пристальный, изучающий взгляд фиалковых эльфийских глаз...

Мы быстро продвигались на юг, пользуясь тем, что Гидеон отлично знал все окрестные тропинки и дороги в радиусе ста километров, а еще потому, что я втихую зачаровала лошадей, придав им редкостную прыть. Всадники вначале только удивлялись резко возросшей передвижной способности своих рысаков, но потом, увидев, что из всей команды не ругаюсь и не возмущаюсь лишь я, «виновника» определили немедленно.

– Ллина, сделай все, как было! – гаркнул Гидеон, намекая на то, что его жеребец на высокой скорости играючи перескочил через куст орешника высотой примерно два метра.

Я пожала плечами – мол, как хотите, я ж из лучших побуждений, и деактивировала заклинание. Лошадки заметно смирнели и, словно в пику своим мучителям, поплелись едва передвигая ноги.

– Ллина!

– А что сразу Ллина? – возмутилась я, с затаенным злорадством наблюдая за тем, как каурый жеребец эльфа целенаправленно побрел к реке, вдоль русла которой мы ехали, полностью игнорируя команды и понукания наездника. – Сами ж хотели ехать побыстрее! Вот я вам и устроила скоростной пробег, благодаря которому мы до вечера наверстали упущенное из-за меня время. И вообще, я предлагаю привал устроить, пить и есть не только лошадям надо, но и всадникам. А мой выздоравливающий организм продукты питания требует с удвоенным энтузиазмом!

Гидеон одарил меня таким взглядом, что будь я лет на восемьдесят помоложе, то устыдилась бы настолько, что самолично устроила б себе публичное наказание. Но я ответила ему абсолютно индифферентным взглядом, при этом внушив его мощному вороному жеребцу невыносимую жажду. Конь всхрапнул и рванул к реке, пристраиваясь на галечном пляже бок о бок с каурым жеребцом вконец отчаявшегося совладать со своей упрямой скотиной эльфа. Аннимо и Гидеон многозначительно переглянулись и, оставив своих лошадей, направились ко мне.

Мне это не понравилось. Я подозрительно смотрела на то, как они с красноречивым выражением задумчивости на лицах приблизились ко мне.

– Ллиночка, – подозрительно ласковым голосом начал командир. – Как ты себя чувствуешь, а?

– Да ничего вроде бы, – осторожно ответила я.

– Не болит грудь? – еще ласковее спросил Гидеон.

– Да нет вроде... – еще более неуверенно ответила я, гадая, какую же страшную гадость задумали эти двое.

– Очень хорошо! – С этими словами два подлеца стянули меня с кобылы и, невзирая на мои возмущенные вопли, потащили к реке.

Я ругалась и отбивалась, как могла, но они, впервые объединившись во имя священной мести, невозмутимо перехватили меня поудобнее – один за руки, второй за ноги, и, раскачав посильнее, замутили мной вполне чистую воду реки. То ли они не рассчитали силушку молодецкую, то ли мои пятьдесят пять килограммов оказались для них двоих слишком малым весом, но я пролетела по воздуху метра три с половиной, не меньше, прежде чем со звучным плюхом погрузилась в воду. Вынырнув, я с возмущением обнаружила, что мои обидчики с донельзя довольными лицами торжественно пожимают руки, видимо удовлетворившись содеянным.

Но они явно не учли, что имеют дело с ведьмой.

Я нащупала ногами дно и встала во весь рост, благо в этом месте вода доходила мне до груди.

Нехорошо улыбнувшись, я сделала два быстрых движения, и в горделиво стоявших Гидеона и Аннимо полетела сплетенная из водяных струек толстая веревка, спеленавшая их с ног до груди. Теперь ребята могли только дышать, да и то с большим трудом. Стоя в воде и управляя веревкой, я по-прежнему ласково улыбнулась враз побледневшим соратникам, прочно примотанным друг к другу.

Моя улыбка стала еще шире, когда я резко дернула рукой на себя, тем самым отправив своих мучителей в ту же самую реку, но гораздо ближе к середине – когда эльф и человек пролетали у меня над головой, я щелкнула пальцами, и веревка осыпалась каплями воды, а обидчики приводнились уже по отдельности.

Теперь хохотала уже я, глядя на то, как мои обидчики с крайне мрачными лицами выныривают из воды метрах в двадцати от берега. Очевидно, там было достаточно глубоко, поскольку стоять они не могли, зато подплывали ко мне с мрачной целеустремленностью, явно надеясь меня утопить, а также с расчетом на то, что река сыграет роль надежной похоронной конторы.

Я взвизгнула и рванула к берегу, благо до него было недалеко.

Выбравшись из воды, я узрела стоящую с приоткрытым ртом Милу, которая наблюдала за сценой нашего совместного «купания».

– Ты чего? – Я помахала ладонью перед носом девушки, не моргая смотревшей на вылезавшего из реки в компании эльфа Гидеона. – Ну решили мы слегка освежиться, с кем не бывает?

– В одежде? – Изумлению Камиллы не было предела.

– А ты хотела, чтобы голышом?

– Нет, но...

– Так чему же ты удивляешься? – улыбнулась я, стягивая с левой ноги сапог и выливая из него воду. – Заодно и обувь помыли. Как водичка?

Аннимо, в данный момент совершавший аналогичное действие со своим правым сапогом, покосился на меня, но ничего не ответил. Гидеон же посмотрел сначала на меня, потом на эльфа и залился веселым, немного мальчишечьим смехом. Я представила, как мы все трое выгладим со стороны, и тоже засмеялась. Мила присоединилась, а эльф, как обычно, воздержался.

Из кустов высунулась голова тролля, сделавшего следующий вывод:

– Вы че, ведьму топили? А чего же меня не позвали?

Мы переглянулись еще раз и захохотали пуще прежнего. Гирдык ничего не понял, но, обозрев нас троих в мокрой одежде, захохотал густым басом.

– Народ, вношу контрпредложение – айда купаться! – отсмеявшись, сказала я.

Командир посмотрел на меня и улыбнулся:

– Ладно, только кого-нибудь на караул поставлю. Кто хочет покараулить?

Эльф открыл было рот, дабы вызваться добровольцем, но, вспомнив, что в мокрой одежде сидеть будет не очень приятно, захлопнул его. Положение спас сэр Маркус, как нельзя кстати появившийся на берегу. Услышав, что речь идет о вечернем купании, он добровольно вызвался в караул, мотивируя тем, что за время его отсутствия на драгоценные доспехи может быть совершено покушение с целью ограбления.

– Предлагаю мальчикам купаться здесь, – со смехом сказала я, – а мы, пойдем во-он за тот поворот реки. Предупреждаю, что я понаставлю магических ловушек, так что, если вдруг кто рискнет к нам сунуться – за последствия не отвечаю. Мила, за мной! – скомандовала я и босиком, держа в ру-ках мокрые сапоги, пошлепала на пляж, находившийся в маленькой бухточке, окруженной крутыми берегами, как стеной.

Алхимик сбегала к своей лошади за полотенцем неожиданно трогательного розового цвета и присоединилась ко мне. В бухточке мы с ней разделись и в одних коротеньких нижних рубашках направилась к реке.

Мила зашла в воду по шею и категорически отказалась идти дальше, объясняя тем, что совершенно не умеет плавать. Я улыбнулась и наколдовала ей пенопластовый ярко-красный спасательный круг. Девушка уцепилась за него крепче клеща и, опробовав изобретение, минут через пять уже радостно бултыхалась в месте, где глубина составляла метра два. Я же, преобразовав свою нижнюю рубашку в закрытый купальник ярко-голубого цвета с бирюзовыми разводами, распустила волосы и, набрав побольше воздуха, нырнула. Очередное заклинание стихии Воды позволило не только видеть под водой, как в плавательных очках, но и дышать, словно рыбе. Я оглянулась и, увидев Камиллу, беспечно болтавшую ногами под водой, незаметно подплыла и аккуратно пощекотала ее за пятку. Раздавшийся визг был слышен даже под водой. Испугавшись, что она со страху перевернется на круге, я вынырнула и начала ее успокаивать:

– Мил, ну чего ты верещишь, а?

– Ллина, там меня под водой что-то потрогало!!!

– Да я это была, я!

– Что? Зачем ты меня так испугала? – Алхимик возмущенно потянулась ко мне, едва не соскользнув с круга.

Вовремя осознав, чем это может грозить, она осторожно переползла в более устойчивое положение, а я, дезактивировав заклинание водного дыхания, аккуратно облокотилась на другую сторону круга.

– Ллина, можно тебе задать деликатный вопрос? – явно смущаясь, спросила Мила.

– Конечно. Только, если это не будет связано с моим возрастом, – улыбнулась я.

Мила перешла на трагический шепот:

– Ллина, а что ты почувствовала, когда тебя целовал Аннимо?

– По правде, это был самый горький поцелуй в моей жизни! – рассмеялась я. – А если честно, то тогда мне было не до этого. Слишком больно, знаешь ли.

– Да... Он тогда сказал, что эльфы так поят лекарством больных детей, ну, когда они слишком маленькие, чтобы пить из чашки. Меня б так напоили... – мечтательно произнесла Мила, и до меня наконец-то дошло.

– Тебе что, нравится Аннимо?

– А? – встрепенулась она и тут же погрузилась. – Заметно, да?

«Еще как заметно», – подумала я, вспоминая выражение Милиных глаз при взгляде на высокого статного эльфа, но вслух ответила:

– Да нет, не очень.

Девушка грустно улыбнулась и покачала головой:

– Врешь ты, Ллина. Я сама знаю, что видно... Но поделать с собой все равно ничего не могу. Он ведь такой... такой...

– Необычный, – подсказала я.

– Именно! – прищелкнула пальцами Камилла. – Он совершенно не похож на тех, с кем

я встречалась... В смысле, кого встречала в жизни.

Она замолчала, а я задумалась. Вспомнила, что когда-то мне тоже было двадцать лет, но чувствовала я себя на те же Милины семнадцать. В первый раз попав в другой мир, я смотрела на эльфов с точно таким же восторгом... Тогда я тоже влюбилась, думала, что навсегда. Но Голос, который в первые походы держал со мной ментальную связь, сообщил, что я должна умереть для того мира после выполнения своей миссии. На мой вопрос «почему?» он холодно ответил, что слишком многое поставлено на карту. Если Путешественница Ллина, или, как меня там прозвали, Калимдор – Лик Судьбы, останется в живых, то начнется масштабная война – одна сторона будет искать ее, чтобы уничтожить, а другая станет сражаться с ними, чтобы меня никогда не обнаружили. И ни те ни другие не будут знать, что меня в том мире уже нет. В сущности, битва начнется из-за того, чего уже не существует. И только моя «смерть» могла не допустить бессмысленной бойни за светлый образ, который остался только в памяти...

И я «умерла».

Причем на глазах того, ради которого хотела остаться. И того, другого, кто хотел мне отомстить. Именно он проткнул меня насквозь своими чуть изогнутыми длинными клинками. Я упала в горную реку, откуда телепортировалась в Зеркальную галерею. После этого случая я не разговаривала с Голосом почти два года, возвращалась из очередного мира и сразу же уходила в другой. Мне понадобилось много времени, чтобы перебороть себя, попытаться забыть то, что случилось тогда на горном перевале, а после того, как воспоминания потеряли свою остроту, я стала **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** Путешественницей, чей единственный дом – Зеркальная галерея миров...

Я выскользнула из вереницы воспоминаний и столкнулась с пристальным и серьезным взглядом Милы. Девушка глядела на меня так, словно и сама увидела картины не дававшего мне покоя прошлого. Показалось, что она спросит, о чем я вспомнила, но алхимик только грустно улыбнулась и слегка коснулась ладонью моей мокрой и холодной руки. Я улыбнулась в ответ, отгоняя от себя тени прошлого, и излишне беззаботным голосом сказала:

– Мил, я поныряю. Если не скоро всплыву – не волнуйся и не торопись кричать, что я утонула. У меня есть заклинание, позволяющее некоторое время дышать под водой. Хорошо?

Девушка кивнула, а я, активировав заклинание для подводного дыхания, нырнула в прохладную и немного темную глубину.

Река встретила меня ощущением необыкновенной прохлады и легкости. Серебристые пузырьки воздуха срывались с моих губ и быстро всплывали к поверхности. Наверное, сейчас я была похожа на русалку – длинные распущенные волосы, чуть мерцавшие в толще реки, ярко-синие от воздействия заклинания глаза и серебристые пузырьки выдыхаемого воздуха, ореолом кружившиеся вокруг меня в струе подводного течения. Я отдалась на его волю, легко скользя в толще воды и позволяя прохладе вымывать тревожные мысли из моей головы...

Не знаю, сколько времени я так провела, но потом все-таки подумала, что пора возвращаться. Я всплыла на поверхность, огляделась и поняла, что, замечтавшись, спустилась вниз по реке метров на сто – сто пятьдесят, а бухточка с Милой осталась за поворотом. Чертыхнувшись, снова нырнула и поплыла обратно. Бороться с течением было непросто, но я нашла небольшой «коридор», где вода почти стояла на месте, и устремилась вперед.

Через несколько минут вода посветлела, а дно стало значительно ближе – значит, я уже почти подплыла к тому месту, где осталась Мила. Я спустилась на самое дно, когда меня накрыла чья-то тень, а через секунду мимо меня, плавно скользя, проплыл эльф. Вот уж кто был похож на русалку!

Длинные светлые волосы ореолом обрамляли лицо, фиалковые глаза стали темно-лиловыми, а гибкое тело словно не ощущало сопротивления реки – так легко и

непринужденно он чувствовал себя в воде. Увидев меня, эльф плавным движением остановился, находясь в явном недоумении, как же я умудрилась тут очутиться, да еще явно не испытывая дискомфорта от отсутствия воздуха. Я нахально улыбнулась и, сделав Аннимо ручкой, штопором ввинтилась в течение. Уж что-что, а плавать за свою сотню лет я научилась отлично – из горной реки выплыву, еще и скорость разовью приличную. Я думала, что встреча с эльфом под водой закончится этой демонстрацией моего плавательного таланта, но ошиблась.

Ровно через пять секунд гибкое тело соратника мелькнуло неподалеку от меня. Я улыбнулась, принимая вызов, и, вдохнув поглубже, дезактивировала заклинание, позволяющее мне дышать под водой. Грудь сразу же сдавило, но я, не обращая на это внимания, рванула вперед. Эльф скользил рядом, напоминая арбалетный болт, выпущенный под водой. Скорость его была выше, чем у меня, но я оказалась более гибкой, поэтому мы держались почти наравне.

На поверхность мы вынырнули одновременно, перепугав Милу до очередного визга и последовавшего за этим падения в воду. Вспомнив, что девушка совершенно не умеет плавать, да еще и воды боится до полусмерти, я поплыла к ней как можно быстрее, но когда достигла места, где упала Мила, она уже скрылась под водой.

Чертыхнувшись, я нырнула за ней и с ужасом увидела, что девушка медленно скрывается в черном омуте, который неведь как оказался в этом месте. Воздуха у меня почти не осталось, а активировать заклинание для дыхания под водой можно было только на поверхности. Но пока я всплыву наверх, пока вернусь, может оказаться, что спасать будет некого. Поэтому я зажгла в ладони яркий шарик света и рванулась в глубину черного омута.

Наконец я настигла медленно опускающуюся на глубину Милу и, ухватив девушку за руку, поплыла к поверхности...

Подъем казался бесконечным, я видела наверху только яркий круг светлой воды, казалось, что поднимаюсь из подводного колодца. Перед глазами заплескали черные точки, стремительно разраставшиеся в пятна, слепившие меня, в груди было пусто-пусто, а легкие горели от желания вдохнуть хоть глоток воздуха. Я знала, что если сейчас открою рот, то в легкие хлынет вода, и вот тогда мы обе утонем, никакая магия не поможет. Татуировка на левом запястье горела огнем, я знала, что сейчас нахожусь в сознании только благодаря силе Путешественницы...

Я выкладывалась полностью, мертвой хваткой вцепившись в безвольную Милину руку, пульс в которой бился все реже и реже.

Господи, ну когда же будет поверхность?!

Рывок, еще рывок...

Пятно света над моей головой уже так близко, что при желании я, наверное, могу коснуться его рукой... Но оно оказалось таким далеким...

В тот момент, когда в легкие мне хлынула вода, я почувствовала, как мою протянутую вверх руку до боли сжала чья-то твердая ладонь.

Сжала и потянула наверх, к свету...

Но этого я уже не видела...

Сознание вернулось вместе с болью в груди. Я попыталась вдохнуть и закашлялась. Меня повернули на бок, и я минуты полторы яростно отплевывалась от воды, залившей ко мне в легкие. Наконец смогла более-менее нормально дышать и открыла глаза.

Надо мной склонилось обеспокоенное лицо, заросшее ярко-рыжей бородой.

– Как Мила?

Гном отвел глаза и посторонился, открывая мне галечный пляж и бледную, недвижимую девушку с посиневшими губами.

– Нет... – Я рывком села и, не обращая внимания на головокружение и тошноту, подползла к Миле на четвереньках:

– Мила, Милочка, ты меня слышишь?...

– Она умерла, Ллина. – Спокойный голос Аннимо Орве пробился сквозь мутную пелену головокружения.

– Нет, я не позволю! – Я захлебнулась этим воплем и, забыв о магии, сильно нажала на грудь Милы судорожно сжатыми кулаками четыре раза... Приоткрыла безвольный рот и, зажав нос, с силой вдохнула воздух ей в легкие...

Снова давя на ребра...

Раз... Два... Три... Четыре...

Еще один сильный вдох...

Дыши, Мила, дыши, не сдавайся...

Раз... Два... Три... Че...

Камилла дернулась раз, другой и тут же закашлялась, выплевывая воду.

Я быстро перевернула ее на бок и тут же почувствовала, что меня бьет крупная дрожь.

Никогда я так не боялась за чужую жизнь. Меня трясло, я поверить не могла, что за каких-то два дня эта девушка, почти еще ребенок, стала для меня таким дорогим существом.

Кто-то набросил мне на плечи теплый шерстяной плащ, но дрожь не утихала, а только усиливалась. Я стиснула зубы, дабы своим дробным звуком они не пугали окружающих, и заставила себя сделать несколько глубоких вдохов.

Помогло.

Паладин заботливо, словно ребенка, укутал в теплое одеяло все еще не совсем пришедшую в себя Милу и понес ее к костру. Я же сидела на берегу, глядя на воду, которая едва не стала для нас могилой, когда внезапно ощутила чье-то чужое присутствие.

Это был колдун, который зачаровал грозовую тучу!

Теперь я ощущала, как сила его растворяет следы своего присутствия в воде – рассеивалось заклинание, превратившее омут двухметровой глубины в бесконечный колодец. Миг – и оно исчезло, река, освобожденная от злых чар, свободно покатила свои волны дальше...

Кто-то очень могущественный хочет, чтобы мы не дошли до цели.

Эльф протянул мне руку, я, уцепившись за нее, поднялась на ноги. И тут же поняла...

– Аннимо, это ведь ты вытащил нас из того колодца?

Эльф секунду смотрел на меня, а потом коротко кивнул.

– Думаю, спрашивать «почему» бесполезно?

И тут я впервые увидела, как эльф с фиалковыми глазами улыбнулся. На миг все его лицо осветилось, превратив глаза в сверкающие в лучах заходящего солнца аметисты. Я стояла и просто смотрела на него, а улыбка Аннимо коснулась меня, как лучик солнца. Коснулась и погасла, оставив теплую искорку в его глазах. Эльф так ничего и не ответил – он только наклонил голову с потемневшими и слипшимися от воды золотистыми длинными прядями и ушел, оставив меня в компании Гидеона, тролля и гнома. Я повернулась к ним:

– Гидеон, я думаю, тебе надо кое-что нам объяснить...

Мы кружком сидели у костра, когда Гидеон частично раскрыл свои карты. По его словам, выходило, что ищем мы весьма могущественный артефакт (впрочем, я это уже знала от Голоса, чего нельзя было сказать об остальных), который необходимо поместить на хранение в Храм Семи Дорог. Настоятель храма даже выдал Гидеону некую карту, где четко было обозначено местонахождение артефакта, но имелась проблема. Артефакт относится к светлым силам, именно он поддерживает в мире равновесие добра и зла. Однако есть люди (читай, маги), заключившие договор с нечистью, по которому взамен на артефакт они получают бессмертие и силу. Немудрено, что нам пытаются помешать отыскать Печать Серафима.

Я выслушала рассказ и кратко резюмировала:

– Гидеон, ты идиот.

– Что?! – Он даже привстал от возмущения.

– Еще раз повторяю, если не понял. Ты идиот, причем идиот редкостный. Если бы ты сразу рассказал о том, что за нами ведет охоту маг, то я закрыла бы нас от его зрения. А из-за

того, что ты молчал, мы целых два дня были у него как на ладони!

Гидеон, видимо признав свою ошибку, сел на место и спросил уже нормальным голосом:

– А сейчас ты сможешь сделать так, чтобы он нас не мог увидеть.

– Запросто.

Я сложила ладони лодочкой и, сосредоточившись, призвала стихию Воздуха, создавая экранирующий щит, который не просто закрыл нашу компанию от излишнего любопытства неумного мага, но и не позволял ему накладывать какие-либо заклинания в радиусе десяти метров от нас. С ладоней плавно пролился серебристый туман, окутавший каждого, кто сидел у костра, туманным полупрозрачным коконом, который вскорости бесследно растаял.

– Вот так! – довольно улыбнулась я. – Теперь он не сможет нам сделать какую-нибудь магическую гадость.

– А немагическую? – подал голос Торин, сидевший с краю у костра и любовно полировавший свой топор, надраивая его до зеркального блеска.

– Знаешь, от подосланных наемников ни одна магия не уберезет...

– Ладно. – Гидеон оглядел нас и встал. – Сейчас всем отбой, дежури́м по часу, первый в караул Гирдык.

– Опять я! – начал было тролль, но под пристальным взглядом командира стушевался, и бунт увял, не успев толком разрастись.

– Повторяю еще раз, Гирдык – первая смена. Подъем через шесть часов, так что попрошу всех разбрестись по спальникам!

Да-а... Все-таки хороший из Гидеона командир. Вон как всех по стойке «смирно» поставил... Командный голос, отработан выше всяких похвал...

Следующие четыре дня путешествия прошли без приключений. Мы спокойно двигались вдоль русла реки, только в последние сутки сместившись на юго-восток. Постепенно деревья становились все более чахлыми, а травы, напротив, поражали буйным ростом. К вечеру четвертого дня ландшафт сменился да такой степени, что простиравшиеся перед нами бескрайние равнины можно было с полной уверенностью назвать степью.

Этой ночью на караул меня поставили часа в три. После ритуального обмена фразами типа «пост сдал – пост принял» я отправила сэра Маркуса на заслуженный отдых, а сама уселась на землю, глядя по сторонам и мечтая о чем-то своем. Наконец это мне надоело, и я решила немного попрактиковаться в вызове стихии Жизни.

Дело в том, что года два назад я совершенно случайно открыла в себе способность к вызову самой мощной из всех стихий, но на диво своенравной и не поддающейся контролю. За два года усиленных занятий мне так и не удалось использовать ее как оружие – то ли сил не хватало, то ли практики было маловато. Единственное, чего я добилась, – это умения слушать тишину. Я научилась слышать любое живое и неживое существо, все то, чего так или иначе касалась могучая сила Жизни. И вот сейчас я, усевшись в позу лотоса и положив ладони на колени, расслабилась и неспешно, одну за другой, последовательно соединяла пять стихий в одну.

Вначале глухая ночь казалась мне безмолвной, но по мере того, как стихия Жизни текла сквозь меня, я начинала слышать шепот ветра, тихие голоса трав, густые, басовитые речи деревьев и тонкие, едва различимые восклицания цветов. В принципе, я могла распознать голоса и животных, но сегодня хотела послушать только растительный мир.

Шепот ветра успокаивал как нельзя лучше...

Насчет дежурства я не беспокоилась – если кто-то приблизится на расстояние пятидесяти метров, то ветер или деревья обязательно сообщат об этом. Они всегда предупреждают, но мало кто слышит их...

И вот ночной ветер шепнул мне о чем-то присутствии...

По пению высокой колосющейся травы я поняла, что ко мне, бесшумно и аккуратно ступая, идет эльф. Странно, но травы пели только в присутствии Перворожденных. О

представителях других рас они либо тихо говорили, либо кричали во весь голос. Я на секунду прислушалась своим природным, настоящим слухом – ни шороха, ни звука. Услышать эльфа смертному было попросту невозможно, но по возрастающему пению трав я поняла, что он приближается. Наконец эльф остановился в пяти шагах за моей спиной.

Я «отпустила» стихию Жизни и вернулась к своим собственным ощущениям. Не двигаясь с места и не оборачиваясь, тихо спросила:

– Аннимо, мое дежурство уже закончилось? – С этими словами я сладко потянулась, разминая затекшие мышцы, и встала. Повернулась лицом к неподвижно застывшему эльфу, который казался прекрасно выполненной статуей – только развевающиеся на ветру длинные золотистые пряди волос говорили о том, что это живое существо.

– Ты меня услышала? – это были первые слова, которые он добровольно сказал мне.

Я хотела было съязвить по этому поводу, но передумала. Вместо этого подошла к нему и пояснила:

– Мне сообщил о тебе ветер, а потом о твоём приближении спели травы. Они всегда поют в присутствии эльфа.

В темноте я увидела недоверие и изумление, мелькнувшие в фиалковых глазах. Аннимо пристально посмотрел на меня и недоверчиво покачал головой:

– Ты хочешь сказать, что умеешь слушать ветер?

– Не только ветер, а вообще все живое. Я думала, что все Перворожденные способны слушать тишину. Разве нет?

Эльф снова покачал головой:

– Я не слышал о такой способности.

– Да? Странно...

Я уже собиралась уходить, но в голову мне пришла шальная мысль. Я развернулась на месте и окликнула эльфа. Он обернулся, а я весело спросила:

– Хочешь, я помогу тебе услышать песню ветра?

Аннимо на секунду задумался, а потом уверенно кивнул.

Я подошла к нему вплотную, одновременно отметив, что Аннимо Орве выше меня почти на целую голову, и приказала:

– Расслабься и закрой глаза.

Эльф недоверчиво посмотрел на меня, но подчинился. Я же вновь сложила стихию Жизни и, сжав виски эльфа ладонями, попыталась дать ему услышать то, что могла слышать сама.

Я ощущала Аннимо как сгусток ярко-синей энергии, прохладный и невозмутимый. Сама же я светилась ярким, пышущим жаром золотистым светом, и свет этот разбивался о синюю глубину, не соединяясь с ней в единое целое, а без этого ничего не выйдет.

Я наклонила голову эльфа и легонько коснулась ее своим лбом со словами:

– Перестань сопротивляться. Доверься мне.

На удивление, Аннимо послушался. Темно-синее сияние его ауры расступилось, пропуская золотистые лучи моей силы в глубину, туда, где играла нежно-голубая, небесного цвета сердцевина. Золотистое сияние коснулось ее, и в этот момент мир вокруг нас взорвался дивной музыкой, сплетенной из дыхания ветра, шепота трав и песни самой Жизни. Мы с эльфом стояли в центре этой круговерти звуков и голосов, а две наши ауры трепетали и переливались в унисон с песней Жизни...

Не знаю, сколько мы так простояли, наслаждаясь ощущением своей принадлежности к миру, когда вдруг тональность песни изменилась. Порывы ветра закричали об опасности, а травы зарыдали, сминаемые тяжелыми сапогами.

Я вздрогнула и вернулась в реальность.

Эльф, стоявший рядом, тоже почувствовал неладное – он напрягся и, сняв лук со спины, наложил стрелу на тетиву. Я же побежала будить отряд. Но стоило мне только рвануть к костру, как степь ожила – было ощущение, что она поднялась и двинулась к нам навстречу, воплотившись в низкие, коренастые тела. Где-то за спиной запел лук Аннимо, а я,

взмахнув руками, зажгла над нашей стоянкой яркий, почти дневной свет.

Все немедленно проснулись и, на ходу выхватывая оружие, ринулись в бой, но шум и вопли драки были немедленно прекращены мощным командным воплем Гидеона:

– Оружие в ножны! Мы должны сдаться!

– Что-о?! – взревел тролль, отмахиваясь своей алебардой от десятка невысоких существ, при ближайшем рассмотрении оказавшихся степными гоблинами – весьма похожими на человека, но ростом ниже среднего, заросшими густыми волосами до самых бровей и обладающими на редкость уродливыми физиономиями.

– Приказ не обсуждается! – рявкнул Гидеон, и я в который раз позавидовала его мощному, натренированному голосу.

Мои соратники, ворча и возмущаясь, опускали оружие, которое слегка побитые гоблины моментально увязывали в аккуратные свертки. Нас же они, несмотря на столь неласковый прием, попросту связали по рукам и ногам, даже не пытаясь побить или потыкать ножом. На ногах узлы располагались таким образом, что длины веревки хватало ровно настолько, чтобы идти не очень широким шагом, но сбежать не было никакой возможности. Нас с Милой связали настолько бережно, что веревки почти не ощущались. Я тихо спросила у Гидеона:

– Почему ты приказал сложить оружие?

Он кивнул на простирающуюся перед нами степь:

– Посмотри повнимательней.

Я присмотрелась и ахнула – гоблинов, окруживших нас, было не меньше трех сотен. И это по самым приблизительным подсчетам. Глядя на мое ошарашенное лицо, Гидеон, невесело усмехнувшись, сказал:

– Здесь целая орда. А это значит не меньше пятисот воинов.

– Но...

– Даже если бы мы каким-то образом умудрились убежать, они не отстали бы. А еще орда может договориться с соседними кланами, и тогда нам из степи живыми не выбраться.

– В таком случае, почему ты повел нас сюда?

– Потому что другого пути не было.

– И что же делать?

– Договариваться. И надеяться на то, что они отпустят нас сами.

Глядя на похотливые взгляды, которыми нас с Милой одаряли близстоящие гоблины, я думала о том, что фиг они нас отпустят...

Веревки дернули, и гоблины медленно побрели через степь. Мы поплелись за ними.

Вели нас недолго – минут двадцать. Лично у меня сложилось впечатление, что вся орда специально встала огромных размеров табором прямо у нас на дороге. Пока мы шли, я успела пять раз отговорить Милу от падения в обморок, восемь раз поругаться с Гидеоном и раз сто обзвать гоблинов нехорошими словами, которых те, к моему глубочайшему сожалению, не поняли. Наконец нас подвели к большому ярко-красному шатру, стоявшему в центре табора, и, почтительно склонившись, расступились. Один из гоблинов, согнувшись в три погибели, вполз внутрь.

– Докладывать пошел, – откомментировал Гирдык.

– Гидеон! – прошипела я сквозь стиснутые зубы. – Если они попытаются посягнуть на мою девичью честь, я сожгу всю орду к коврижьюей матери. И плевать на последствия. Живой я им не дамся!

– Не перебарщиваешь? – усомнился он.

– Ничуть, – уверенно ответствовала я, забыв добавить, что после такого мини-армагеддона в живых останусь только я одна.

– Ллина, я боюсь! – трагическим шепотом доложила Мила.

– Успокойся! – зашипела я, пытаясь отодрать ее намертво вцепившиеся в мою руку пальцы. – Я от тебя ни на шаг не отойду, обещаю. А со мной ты не пропадешь.

– Честно? – сиплым шепотом спросила Мила, едва сдерживая слезы.

Девушка мелко дрожала, и я могла понять ее – сама в возрасте Камиллы больше всего боялась, что надо мной могут совершить насилие. А потом стала Путешественницей, и страх по этому поводу ушел раз и навсегда. Поэтому я улыбнулась максимально непринужденно и ответила:

– Честно.

Вроде бы помогло – Мила выпрямилась и перестала цепляться за меня. Я мельком глянула на эльфа, вокруг которого собралась большая часть табора, шумно обсуждавшая его внешность. Аннимо держался молодцом, невозмутимостью напоминая статую, но когда какая-то гоблиниха, больше смахивающая на Бабу-ягу на последнем издыхании, особенно громко и непечатно прокомментировала тыл эльфа, даже он вздрогнул.

Наконец полы шатра зашевелились, и вся орда моментально затихла. Повисло благоговейное молчание...

Из шатра вышел... вышло НЕЧТО.

Оно обладало почти двухметровым ростом, мощной комплекцией (хотя и похлипче, чем у Гирдыка), редкостной волосатостью и на диво отвратительной и зверской рожей без проблесков разума в маленьких, глубоко посаженных глазках.

Мила наклонилась ко мне и шепнула:

– А наш-то тролль намного круче!

Я согласно кивнула – Гирдык по сравнению с этой «отрыжкой природы» смотрелся красавцем писаным. Судя по всему, на момент создания сего субъекта природа-мать мучалась жесточайшим похмельным синдромом после празднования очередного юбилея дня сотворения мира...

Да уж, правильно говорят, что кому-то природа мать, а кому-то – теща. На редкость злобная...

Существо громко рыгнуло, чем добавило своему облику еще больше неземного очарования, и сказала густым прокуренным басом:

– Я – Большой Тыр, предводитель славной орды степных гоблинов...

Я фыркнула и тихо переспросила:

– Как он сказал? Большой Дыр?

– Сегодня вы – наша добыча, – продолжил гоблин, между делом почесывая себя пониже спины. – Короче, что вы можете предложить нам в качестве выкупа за свою жизнь и свободу?

Я тихо прокомментировала:

– Видать, долго речь репетировал...

Гоблин, к счастью, меня не услышал, а от нашей группы вперед вышел Гидеон.

– Я команду своими людьми. В поклаже есть золото – возьмите его в качестве откупа за право прохождения через ваши земли.

Нечто задумалось, и тотчас к нему подбежал низенький и щуплый гоблин. Большой Тыр наклонился к нему, а мелкий начал быстро-быстро что-то шептать предводителю на ухо. Потом глава орды выпрямился и громогласно объявил:

– Вашего золота хватит только на двоих. Выбирайте, кого отпустить.

Гидеон обвел нас взглядом и сказал:

– С нами путешествуют две девушки. Отпусти их, а мы останемся.

Я чуть было не заорала: «Гидеон, ты благородный идиот!!!» – но сдержалась, и только шепнула Миле:

– Что бы ни случилось, держись ближе.

Девушка подняла на меня непонимающие глаза:

– Ллина... Но ведь они обещали, что отпустят двоих...

– Господи, Мила! Неужели ты не понимаешь? Посмотри на их женщин! И после этого ты думаешь, что они нас отпустят?

Камилла сравнялась цветом лица со своей белой рубашкой, а нас уже обступили гоблины, отделив от остальных. Гидеон, увидев, что нас уводят, возвысил голос:

– Вождь, ты же обещал их отпустить!

– Я обещал отпустить двоих. Но не женщин. Они станут моими женами, а за это я отпущу вас всех. – Большой Тыр довольно захохотал. – Оружие не отдам, а то еще вздумаете напасть на нас. Но вам вернут лошадей, еду и воду. Освободить их!

Гоблины моментально перерезали путы на наших спутниках, а меня и Милу отвели в сторону, и местные гоблиники окружили нас живой стеной. Я смотрела на то, как подруга стремительно бледнеет, семимильными шагами приближаясь к глубокому обмороку, и молилась только об одном – чтобы у ребят хватило ума отойти подальше. Нас двоих я вытащу, но всех отбить не смогу...

Гоблины сопроводительным эскортом довели наших до границ стойбища, где им вернули лошадей и все вещи, кроме денег и оружия. Тролль громко возмущался, костеря гоблинов на чем свет стоит, ему вторил гном; паладин и Гидеон о чем-то тихо разговаривали, явно строя какие-то планы, и только Аннимо Орве шел с гордо поднятой головой и абсолютно спокойным лицом, но... Когда он проходил мимо нас, я увидела, что глаза его из фиалковых стали темно-лиловыми, словно грозовая туча, – в душе эльфа клокотала холодная ярость, которая только и ждала момента, чтобы вырваться наружу...

Когда звуки удаляющихся вместе со всадниками лошадей стихли, Большой Тыр повернулся к нам, одарил щербатым оскалом кривых, лет двадцать не чищенных зубов и пробасил:

– Вас отведут в шатер, где как следует подготовят к ночи в моем обществе.

Гоблины, видимо сочтя сие заявление за крайне удачную шутку, разноголосно загоготали. Мила покраснела, а я, дождавшись, пока хохот стихнет, сказала громким голосом:

– В смысле придушат до потери сознания, чтобы не мучились?

Теперь уже гоготали над Тыром. Тот на секунду перестал лыбиться, а потом рывкнул во всю глотку:

– А ну, тихо всем!

Гоблины, вспомнив, кто здесь главный, быстренько заткнулись и разбежались. Нас же повели в шатер, стоявший напротив обиталища Большого Тыра.

Там было темно и очень душно. Сопровождавшие нас четыре гоблиники зажгли масляные светильники, от которых стало светлее, но теперь к духоте присоединилась еще и жара. Потом они сноровисто стянули с нас одежду (Мила сопротивлялась и визжала, но после того, как я посоветовала ей успокоиться и дать себя переодеть, затихла, глядя на происходящее широко распахнутыми глазами). Нас натерли каким-то маслом с ароматом розы и начали впихивать в принесенную женскую одежду, видимо награбленную на большой дороге. Миле досталось почти новое, очень короткое сиреневое шелковое платье, подвязывающееся под грудью широким шифоновым шарфом белого цвета, концы которого спускались почти до земли. Девушка оглядела себя в большом, треснувшем пополам зеркале, которое держали две гоблиники помоложе, и резюмировала:

– Какой кошмар. Как будто я из публичного дома.

Я же, сидя за занавеской, где меня упаковывали в настолько непонятный наряд, что я даже не рисковала представить, как это должно выглядеть, успела порадоваться, что втихую наложила на Милу успокаивающее заклинание. Теперь она хотя бы не пыталась упасть в обморок или удариться в истерику.

Наконец процесс одевания был завершен, и я вылезла из-за занавески со словами:

– Мила, поверь, у меня костюм еще хуже!

Девушка повернулась и уставилась на меня с открытым ртом. Я обеспокоенно дотронулась до волос:

– Мил, они меня, часом, не покрасили?

Камилла замотала головой, а гоблиники подтащили ко мне зеркало, в котором я смогла увидеть себя в полный рост.

Мать моя женщина!..

То, что на меня напялили, обозвать платьем было в высшей степени затруднительно. Ниже талии красовалась шелковая золотистая юбка до пола, расшитая по поясу мелким речным жемчугом, а вот то, что было выше, описанию не поддавалось. Больше всего это было похоже на лифчик, сделанный из часто повешенных ниток жемчуга, который при малейшем движении колыбался, словно не желая держаться на законном месте. От конфуза спасало обилие бус различной длины и фасона, полностью прикрывавших грудь наподобие воротника. Кроме того, гоблиники превратили мои волосы в дикую мешанину косичек. Представив, сколько времени придется затратить, чтобы привести голову в порядок, я тихо застонала.

Мила, взглянув на меня, поняла стон по-своему:

– Ллина, как я тебя понимаю... Он действительно чудовище!

Тем временем гоблиники, видимо, удовлетворившись деянием рук своих, выдали нам по паре туфель на каблуках – белые для Камиллы и светло-бежевые для меня – и вышли из шатра, не забыв прихватить с собой зеркало. Мы остались одни.

– Так, Мила, слушай меня. – Я под села рядом с подругой на гору подушек. – Сейчас мы с тобой превратимся в старушек. Не бойся, это будет всего лишь иллюзия...

Шаги Большого Тыра мы услышали довольно скоро. Гоблин насвистывал песенку, видимо, готовясь испытать неземное удовольствие в нашей компании. Наконец он широким жестом отдернул полог шатра.

И уставился на нас выпученными глазами.

Я захихикала и кокетливо потянулась. Лежавшая рядом со мной Мила художественно повторила то же движение. У Большого Тыра начала медленно отвисать челюсть. Я чуть не засмеялась в полный голос, глядя на его вытягивающуюся рожу.

Еще бы! Ведь не каждый день вместо юных девушек обнаруживаешь двух кокетливо хихикающих и томно изгибающихся старушек лет ста восьмидесяти в суммарном исчислении. Мы с Милой переглянулись и начали томно зазывать гоблина своими сильно измененными скрипучими и донельзя противными голосами.

Гоблин позеленел и машинально схватился за сердце.

Мила, видимо поняв, что к Тыру вплотную подобрался кондратий, начала медленно подползать к нему, вихляя костистым тощим задом и проводя сухой и сморщенной ладонью по сильно выступающим ключицам.

Гоблин сего не выдержал и рухнул в глубокий обморок, аки подрубленное дерево.

– Готов, – уже своим голосом невозмутимо констатировала Мила.

Я щелкнула пальцами, снимая иллюзию.

– Ты его отправила в нокаут. Теперь можешь с полным правом говорить, что при виде тебя мужики в штабеля укладывались! – Я улыбнулась и, поманив девушку к себе, тихо сказала: – Сейчас наложу на тебя невидимость. Иди к лошадям, подбери двух и жди меня рядом с ними.

– А ты куда?

– За оружием.

Я провела над головой подруги раскрытой ладонью, делая девушку невидимой, но та вдруг спросила:

– А как же ты найдешь меня? Ну, если я невидимой буду?

– Мила... – улыбнулась я, – в конце концов, это МОЕ заклинание. Иди, – и подтолкнула ее к выходу.

Когда полог закрылся, я, предварительно наведя еще одну иллюзию, начала приводить в чувство Большого Тыра. Минут через пять активных и с каждым разом усиливающихся пинков гоблин приподнял веки, но, узрев меня в новом облиии, выпучил глаза и вознамерился вторично рухнуть в обморок. Пришлось, размахнувшись, хлопнуть его по щеке костистой ладонью.

Гоблин разинул было пасть, но передумал орать и уставился на меня.

Я мимоходом поправила косу у себя на плече и, слегка откинув капюшон,

продемонстрировала окончательно ошалевшему от ужаса Тыру лысый череп с зелеными огнями в глубине глазниц вместо лица.

– Ну что, дорогой. На тот свет хотим?

Гоблин отчаянно замотал головой.

– Понятно, что не хотим... Никто не хочет... А ведь придется...

Тыр стал похож на привидение – в том смысле, что рожа его перекосилась, как в предсмертной агонии. Я обманчиво ласково поинтересовалась:

– А злых поступков никаких не совершал в последнее время? Не убил, не ограбил, не обидел?

Гоблина перекривило еще пуще, и он начал биться головой о земляной пол, каясь во всех грехах сразу и клянясь больше так не поступать. При этом Тыр норовил облобызать край моего черного балахона.

Я брезгливо отшатнулась.

– Значит, так, покойничек... – Многозначительная пауза. – Отпущу я тебя сегодня, но только если отдашь мне то, что украл в последний раз, и поклянешься, что тех, кого обобрал, никогда преследовать не будешь. Не то вернусь!

Гоблин часто-часто закивал и, подобравшись к выходу, что-то проорал в проем.

Меньше чем через минуту передо мной уже лежала горка конфискованного у нас оружия. Я похлопала теперь уже посиневшего Тыра по плечу и телепортировалась к лошадям. Две крайние были оседланы. Я метнулась к ним, сбрасывая иллюзию с себя и одновременно снимая невидимость с Милы. К счастью для себя, девушка не видела моего предыдущего облика. Я подбежала к ней, сгибаясь под тяжестью свертка.

– Помогите мне нагрузить оружие на лошадей, не то скоро гоблины прочухают, что их обвели вокруг пальца, и ринутся в погоню! А нам надо еще наших найти!

Мы отвязали лошадей и, наскоро примотав сверток с оружием к седлу моей кобылы, вскочили на них и погнали во весь опор на юго-восток.

Степь встретила нас гробовой тишиной, прерываемой шелестом травы да редким стрекотанием сверчков. Мы неслись почти в полной темноте, освещаемые только сиянием летящего впереди нас светового шара. Отъехав настолько, что огни стойбища гоблинов растаяли во мраке, остановили лошадей.

– Та-ак... – протянула я. – Интересно, куда они подевались?

– Может, ушли? – робко предположила девушка, слегка ежась в седле – да, что не говори, а ночь была прохладной. Но наколдовать одежду я сейчас не могла – как-никак энергетический запас у меня далеко не бесконечный, а сегодня ночью я не только дважды призывала стихию Жизни, но и создавала весьма качественные иллюзии, которые требовали уйму энергии. Поэтому сил у меня оставалось ровно столько, чтобы суметь в случае необходимости создать огненное оружие... Я взглянула на предрассветное небо и покачала головой:

– Нет, не думаю. Оружие бы они не бросили.

– А нас? – возмущенно воскликнула Мила.

– Ну ведь они нас уже один раз оставили. А если б я не была ведьмой, то мы с тобой сейчас уже пополняли бы гарем Большого Тыра.

От упоминания имени гоблина девушку передернуло, и я переключилась на другую тему:

– Как ты думаешь, где они могут быть?..

Поделиться соображениями алхимик не успела, потому что чья-то огромная рука обхватила ее поперек талии и стянула с лошади. Подруга успела только взвизгнуть, как ей тотчас заткнули рот. Я приподнялась в стремени и уже собралась зарядить в похитителя чем-нибудь помощнее, как вдруг резкий рывок сбросил с лошади и меня.

Я едва успела откатиться в сторону, и в моей руке появился ярко вспыхнувший огненный клинок... И тут же послышался до боли знакомый голос Гидеона:

– Спокойно, это свои.

Чиркнуло огниво, и один за другим зажглись три факела, осветившие картину. Милу с лошади стянул не кто иной, как Гирдык, а мне, как всегда, повезло попасть под горячую руку Аннимо Орве. Я распылила клинок, с укоризной глядя на виноватые лица друзей и соратников. Мила наконец-то вырвалась из рук тролля и кинулась на нашего командира:

– Как ты мог оставить нас там? Вы бросили нас, бросили! Как вы могли?

Девушка бессильно разрыдалась, уткнувшись носом в плечо Гидеона. Тот неловко прижал ее к себе, глядя по волосам и бормоча что-то успокаивающим тоном. Я оглядела друзей и широким жестом предложила им разбирать спасенное оружие...

После того как отзвучали благодарственные гимны в мою честь, я устало уселась прямо на землю, потирая плечи от холода. Сэр Маркус наконец-то догадался запалить костер, и я пристроилась к нему, пытаюсь согреться. И только тут окружающие заметили мою оригинальную одежду, которую я сегодня при всем желании не могла превратить во что-нибудь более подходящее. Троль внимательно оглядел меня с ног до головы и резюмировал:

– Слышь, Ллина, а у гоблинов-то, оказывается, тоже вкус есть – из обычной девки такую конфетку сделали!

Я устало посмотрела на него и вяло огрызнулась:

– А ты к ним вернись, они и из тебя шоколадку сотворят.

Гирдык ответил, что в гробу он видал все эти ленточки и косички. Я слабо отмахнулась и, завернувшись в одеяло, честно попыталась согреться. В холодной степи, да еще и почти голой, это получалось плохо. Я вертелась, как угорь на сковородке, не в силах уснуть от холода и влажного ледяного тумана. В конце концов не выдержала и подсела поближе к костру, но меня все равно бил озноб.

– Ч-черт... – прошипела я сквозь зубы, с завистью оглядывая боевых товарищей, лежащих вповалку вокруг огня. Спать под тонким одеялом очень хорошо в сочетании с шерстяным камзолом и теплым плащом, но к шелковой юбке и трем десяткам бус оно мало подходило. В том смысле, что почти не грело.

Я встала и немного походила вокруг костра. Роса, выпавшая за ночь, моментально промочила ноги, и стало еще хуже. Я окончательно обзлилась, но ничего поделать было нельзя – до утра мои силы не восстановятся настолько, чтобы я сумела преобразовать эти дурацкие тряпки в нечто более подходящее, поэтому пришлось терпеть. Правда, мне уступили лишнее одеяло, которое было использовано в качестве подстилки, но я вправе была рассчитывать хоть на один теплый плащ!

Жмоты.

Почему-то мне стало вдруг так одиноко, что глаза защипало от слез. Я ощутила горячее желание усесться на землю, прижаться к твердому плечу и просто выплеснуть одиночество, въевшееся мне в душу за девяносто восемь лет странствий, во время которых у меня не было ни дома, ни семьи, ни друзей. Только долг и магия. А еще иллюзия полной жизни, в которой на самом деле было только опустошающее одиночество. Я сотню раз могла завести непродолжительный роман, чтобы заглушить свои чувства, но этого мне было мало! Я стремилась к постоянству, к возможности разделить с любимым человеком нелегкую жизнь Путешественницы...

По щекам потекли слезы, и я, неслышно отойдя в сторону, посмотрела на безучастное и бесконечно далекое небо... В груди разрастался тяжелый ледяной ком из несбывшихся надежд, постоянного одиночества и невозможности просто так все бросить.

Я хотела уйти.

Но не могла.

И не потому, что меня держали, нет...

Просто я видела миры, уничтоженные на моих глазах, и те, которые погибли бы, если бы я не вмешалась...

В конце концов, чего стоит счастье одного человека против жизни даже не одного, а сотен миров?

Правильно, ничего...

И вот тогда ко мне пришло осознание того, что сейчас я делаю выбор. Выбор между возможностью иметь счастье, дом, семью и необходимостью помочь тысячам людей или нелюдей обрести это самое счастье...

Решение вырвалось из груди сдавленным всхлипом. Я упала на колени, прямо в мокрую траву, не обращая внимания на то, что ледяная влага пропитывает тонкую юбку, и зарыдала, оплакивая свою уходящую в небытие мечту любить и быть любимой, иметь мужа и детей... И маленький сад с вишневыми деревьями за окном... В детстве я обожала вишни... Я и сейчас их люблю...

Странно, но слезы помогли.

В груди образовалась какая-то сосущая пустота, которая все же была несравнимо лучше, чем горечь.

И тут на мое плечо легко опустилась теплая изящная ладонь... Я обернулась и увидела эльфа, смотревшего на меня мудрыми фиалковыми глазами. Отвернулась, пытаюсь скрыть слезы, и весело сказала:

– Что-то у нас участились ночные свидания. Ты не думаешь, что мы подпадем под подозрение?

Аннимо ничего не ответил. Он только повернул к себе мое заплаканное лицо и осторожно вытер слезы. Желание ощутить чью-нибудь поддержку усилилось донельзя.

Я порывисто обняла эльфа, надеясь хоть на несколько секунд ощутить это столь необходимое мне сейчас тепло. Пусть даже он оттолкнет, все равно... Мне так нужно было это мгновение...

Его руки замерли над моей головой, и я закрыла глаза, ожидая возмущения... Но вместо этого эльф крепко прижал меня к себе.

Я положила голову на грудь Аннимо, словно старалась спрятаться в его объятиях от холода... От самой себя, наконец! Тихие светлые слезы теперь струились по моим щекам, падая на темно-зеленую рубашку эльфа. Я – Путешественница, и никто этого уже не изменит. Но я человек и останусь им навсегда, чего бы мне этого ни стоило...

Аннимо снял свой теплый плащ и, завернув меня в него, поднял и на руках отнес к почти затухшему огню. Уложил на свое место и, укрыв еще одним одеялом, отошел, чтобы подбросить веток в костер.

Не знаю, понял ли он причину моих слез? Увидел ли в моих глазах ту пропасть одиночества, над которой я балансирую уже не первый год?

Только он не ложился спать до утра.

Охраняя нас всех.

А может, только меня...

Утро началось с того, что я первым делом преобразовала свои и Милины шелковые платья в привычную походную одежду. Вчерашняя хандра совершенно отпустила, и я снова стала самой собой – ехидной и вредной Путешественницей с почти бесконечным запасом оптимизма. Пусть за ночь я не выспалась, зато рассвет порадовал ярким, слепящим глаза солнечным светом и голубым небом.

Я снова была полна жизни.

Едва Гидеон дал сигнал к отправлению, я птицей вскочила в седло и пустила лошадь по разбитой сотнями телег дороге, пересекавшей степь и ведущей к Байраму, который из форпоста на границе стал процветающим поселением – единственный безопасный торговый тракт к морю проходил через него. Командир сказал, что мы должны миновать город и оттуда ехать на восток – именно там находился заброшенный храм, в котором, судя по карте, находилась Печать Серафима.

Я первой направила лошадь к городу.

На узкой глинобитной дороге с трудом могли разойтись две торговые подводы, но два всадника свободно проезжали бок о бок.

Сзади послышался дробный стук копыт – команда нагоняла меня. Гидеон пришпорил своего жеребца, и мы поскакали рядом.

– Ллина, будь добра, скажи, куда ты так торопишься?

– На тот свет, куда же еще? – весело выкрикнула я. – А на самом деле – чем быстрее мы покинем степь, тем лучше!

– Ты права... – Командир сжал коленями бока своего коня, и тот моментально перешел на галоп, резко уйдя в отрыв. Порыв ветра донес до меня слова Гидеона: – За мной, ведьма! Мы должны быть в Байраме до заката!

– Вот выпендрейник... – пробормотала я, устремляясь за ним. – Посмотрим, кто из нас будет глотать пыль!

Кобыла подо мной заржала и перешла на галоп с явным стремлением нагнать нахального жеребца. На скаку я оглянулась и увидела, что весь отряд, растянувшись в цепочку, проверяет посредством бешеного галопа дорогу на прочность.

Единственной потерей во время сего пробега был случайно оброненный на ходу гномий тапок, старый, вылинявший и рваный. Зачем Торин возил его с собой, ума не приложу, особенно с учетом того, что был он невероятного размера и вполне мог использоваться гномом в качестве лыжи, к тому же тапок был ОДИН. Куда гном девал второй, он не помнил. Но эта странная обувь исправно была с ним на протяжении последних пяти лет, во всех походах сей предмет пребывал на службе у благородного Торина в качестве особо сильного и мощного талисмана от всех бед и напастей...

Не знаю, как насчет бед, но стоило положить тапок на пол в комнате, в которой обитали колонии клопов, и все. Клопы исчезали навсегда, причем со всем потомством, заодно с тараканами, древесными жучками и молью.

Не менее эффективно тапок применялся в качестве средства, отпугивающего комаров, так сказать, средневековый прототип современного «Фумитокса». На каком бы болоте мы ни ночевали и какое бы наглое комарье там ни водились, стоило положить сей талисман где-нибудь на стоянке – и кровососы разлетались с такой прытью, что мы только диву давались...

И вот сейчас, сидя на стоянке, гном отчаянно убивался по поводу потери своей реликвии. Мы с Милой утешали его, как могли. Что поделать – мы сами привыкли спать без комаров, но когда Торин успокоился, то выдал фразу, убившую нас с подругой наповал, – он шепотом, под большим секретом признался, что тапочки эти носил еще его дедушка, а после смерти – отец гнома! При этом сам наш товарищ не рискнул осквернить собою семейную реликвию и возил тапочки вначале исключительно в качестве раритета, а потом, когда обнаружилось их чудесное воздействие на вредных насекомых, фамильная обувь честно несла свою службу...

Мы с Милой переглянулись, прикинув, сколько лет, не снимаясь, носились эти тапочки, и жутким шепотом в один голос посоветовали гному никому и никогда не раскрывать тайну фамильной реликвии.

Особенно троллю.

После этого инцидент с тапком был окончательно исчерпан, и мы с алхимиком принялись кашеварить. Что поделать: тролля подпускать к котелку раньше времени было чревато – после него мало что оставалось, поэтому кухонную обязанность было решено на него не возлагать. Гидеон стряпать умел, но не любил, поэтому делал это только в экстренных случаях или когда приготовить еду было некому. Гном же кашеварить не любил, не умел, но постоянно лез с советами. Конечно, можно было привлечь к этому делу эльфа, но Аннимо, хотя и готовил лучше королевского повара, делал это настолько художественно, вдумчиво и долго, что получившееся в итоге блюдо хотелось поставить в музей за стекло – ни у кого ложка не поднималась разрушить готовившийся в течение нескольких часов шедевр кулинарного искусства. Такой случай был только один раз – когда я лежала в отключке, отсыпаясь после полученного ранения, а эльф от нечего делать часа три провозился у костра, в итоге приготовив какие-то маленькие фиговинки с не-произносимым

названием, представлявшие собой гибрид горячих французских тартелеток, итальянских канapé и японских суши. После этого случая Аннимо решили подпускать к готовке только по особенно торжественным случаям, которые пока не намечались.

Таким образом, обязанности полевых поваров взяли на себя я, Мила и сэр Маркус, прошедший курс военной подготовки «молодого паладина», в который входило обязательное приготовление вкусной и здоровой пищи. Что поделать, голодный воин – не воин, а так, серединка на половинку... Мы разделили дежурство у котла на две смены – в одной мы с Милой, потому что толком готовить я не умела, но все необходимые ингредиенты могла втихую наколдовать из-под полы, а в другой – наш «рыцарь в сияющих доспехах». Что удивительно – доспехи у него действительно сверкали и были надраены до такой степени, что в них можно было смотреться, как в зеркало, хотя никто ни разу не видел, чтобы сэр Маркус занимался своим грохочущим и лязгающим арсеналом.

После обеда в благословенной тишине степи мы отправились дальше. Гидеон мрачно ехал во главе отряда, все время тревожно оглядываясь по сторонам. Заинтересовавшись такой резкой сменой настроения командира, я подъехала к нему поближе, и наши лошади зарысили бок о бок.

– Понимаешь, Байрам очень крупный город, – пояснил Гидеон. – Раньше на дороге было не протолкнуться от торговых обозов, а сейчас...

– Мы едем целый день, но так никого и не встретили, – закончила я за него.

– Да... Почему-то меня не покидает ощущение, что мы направляемся в ловушку. – Он замолчал и задумался о чем-то своем.

Я же слегка поотстала от Гидеона и, дождавшись, пока со мной поравняется каурый жеребец эльфа, спросила, глядя в фиалковые глаза:

– Аннимо, что видят твои эльфийские глаза?

Он покосился в мою сторону, а потом обвел взглядом горизонт:

– Не знаю. Я не вижу ничего.

– То-то и оно. – Я нахмурилась. – Аннимо, мы едем по единственной дороге, ведущей в крупный город. Но за весь день не встретили никого. Ни одного торговца, а ведь они кишеть здесь должны...

Эльф задумался, а потом вдруг потянул из-за спины лук, и, мгновенно наложив стрелу, коротко приказал:

– Пригнись.

Я не стала спорить, потому что по ерунде Орве так действовать не будет. Я припала к лошадиной шее, и тотчас надо мной свистнула эльфийская стрела, улетевшая в высокую траву, растущую вдоль дороги.

Раздался сдавленный хрип, и наступила тишина.

Я пустила в ту сторону поисковый импульс и тихо выругалась. Эльф посмотрел на меня:

– Кто это был?

– Проблема. Грозная крупными неприятностями. Держи свой лук наготове, нужно предупредить командира, – невесело усмехнувшись, кратко и лаконично ответила я, после чего прищипорила кобылу и подъехала к Гидеону:

– Ты был прав. Впереди нас ждет засада.

– Откуда узнала?

– Аннимо только что подстрелил соглядатая. Не думаю, что он шастал далеко от своих. Отсюда вывод – в город нам нельзя. По крайней мере, сегодня. Засада наверняка будет на подходе к Байраму, поэтому я считаю, что ночью у нас будет больше шансов прорваться. По крайней мере, темнота уравнивает шансы.

Гидеон задумался, а потом кивнул:

– Я знаю, что возле города будет роща, и если засаду где-то и устраивать, то только там.

– А обойти ее никак? – с надеждой поинтересовалась я.

– Это единственное место, где мы можем предсказать их удар. Ты хочешь, чтобы мы обошли засаду для того, чтобы враги могли перегруппироваться и напасть тогда, когда мы их меньше всего ожидаем? Сейчас у нас есть шанс навязать им свои правила игры. Мы знаем об их существовании и представляем примерное место их расположения. Именно мы можем выбирать время и тактику боя, а в следующий раз выбор будет за ними. Поэтому...

– Надо разбить их сейчас, чтобы они не додумались подстеречь нас в темном переулке и всадить кинжал в спину.

Гидеон засмеялся:

– Мысль интересная, суть ты уловила. Знаешь, чем лучше я узнаю тебя, тем больше удивляюсь. Иногда ты ведешь себя, как ребенок, но в состоянии договориться даже с эльфом и не побоялась посадить своего командира в лужу...

– В реку, – машинально поправила я.

– Именно, – улыбнулся Гидеон, – в реку. Порой мне кажется, что ты старше и мудрее меня. Разумнее всех нас, кроме, пожалуй, Аннимо Орве. Я помню, как ты защищала нас от молний. Ты выглядела как опытная, умудренная годами волшебница, которая делает привычное для нее дело, а не как двадцатилетняя ведьма-странница с большими перспективами. Я постоянно спрашиваю себя: та ли ты, за кого себя выдаешь?

– Гидеон, я...

Вот зараза, похоже, меня все-таки раскусили. Конечно, я особенно и не скрывалась, но неужели Путешественница выглядывает из меня столь явно?

Командир пристально посмотрел на меня и серьезно добавил:

– Я не лезу к тебе в душу. У каждого есть право на свои тайны. Мне нет дела до твоего прошлого, но я хочу быть уверен, что могу повернуться к тебе спиной и не опасаться удара. ЭТО ты можешь мне пообещать?

Я твердо посмотрела на него глазами стовосемнадцатилетней Путешественницы и тихо ответила:

– Гидеон, я обещаю тебе, что не пойду ни против тебя, ни против кого-то в нашем отряде. По крайней мере, в этот раз. Что будет дальше, я не знаю, но в этом походе я буду на твоей стороне до конца.

– Это я и хотел услышать. Я верю тебе, Ллина. – Он взглянул на небо. Солнце медленно сползало к горизонту, окрашивая степь в различные оттенки оранжевого и золотого. – Уже вечер. Нужно успеть добраться до рощи. В сумерках нам будет легче прорываться к городу.

С этими словами он звонко щелкнул поводьями, и жеребец, закусив удила, перешел на тяжелый галоп...

Темнота настигла нас у границы густой рощи, про которую говорил Гидеон. Лично мне эта «роща» ввиду неухоженности со дня посадки напомнила заповедник буйно разросшегося бурьяна, можжевельника и прочих сорняков. Со мной был согласен Гирдык.

– И ЭТО – роща? По мне, так это рассадник колючек.

КОЛЮЧЕК? Я внимательно пригляделась к кустам, плотно закрывшим тропинку. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что растения, нагло преградившие нам путь, на самом деле не что иное, как дикий, донельзя разросшийся шиповник. Сначала мы с сомнением оглядели приличных размеров кусты, потом друг друга и пришли к выводу, что доспехи сэра Маркуса иногда могут пригодиться.

Паладин обеспокоенно оглядел наши лица, на которых горело и переливалось неоновыми буквами желание разобрать его комплект доспехов на составные части для последующего прикрытия наиболее чувствительных мест всей команды, а потом, как бы невзначай, положил ладонь на рукоять здорового двуручного меча, тем самым показывая, что лишить его фамильных доспехов удастся только с боем. Мы уважительно прикинули габариты и паладина, и меча, после чего благоразумно отказались от идеи разобрать его

наряд в целях личного употребления.

Я еще раз с сомнением покосилась на непроходимую стену из колючего сорняка и скептически озвучила свое мнение по этому поводу:

– Гидеон, а другой дороги нет?

– Есть, – рассеянно отозвался он, разглядывая препятствие. – Но там нас наверняка бы ждали.

– Это точно, – с сарказмом отозвалась я. – Через эту живую стену не полезет ни один идиот. Но, как вижу, такие умники иногда находятся... И это мы.

Командир метнул на меня раздраженный взгляд, но ничего не сказал. Я же задумчиво продолжила:

– В принципе я могу тут все спалить к коврюжьей матери, но пламя будет слишком заметно.

– Еще как! С таким же успехом можешь гаркнуть погромче: мол, мы тут! Берите нас тепленькими, пока не передумали!

И тут в наш спор вклинилась Мила:

– Я могу распылить их.

– Чего? – Мы одновременно повернулись к нашему штатному алхимику.

Девушка слегка покраснела от столь пристального внимания, но продолжила:

– У меня есть зелье, которое обратит эти кусты в порошок.

– Что ж ты раньше молчала? Действуй!

Мила кивнула и полезла в свою кожаную сумку. Возилась она долго, а до нас периодически долетали обрывки ее тихого бормотания:

– Вот черт... Да где же оно... Точно ведь помню, что клала... Или не клала? Да нет, была ж такая синяя бутылочка... – И прочее в том же духе.

Наконец Мила с радостным восклицанием выудила ма-а-аленькую бутылочку из синего стекла, закрытую притертой пробкой, подошла к кустам, нагло ощерившимся колючками и, осторожно выдернув пробку, капнула несколько капель на землю около корней. Секунду ничего не происходило, а потом кусты, закрывающие тропинку, моментально побелели так, словно их выкрасили белой краской.

– И чего? – в полной тишине неуверенно спросил тролль.

Вместо ответа Мила легонько коснулась побелевшей ветки... Кусты с тихим шелестом осыпались горкой белого порошка.

– Чистая работа, – удивленно выдохнула я.

Подруга польщенно покраснела и пригласила нас в образовавшийся проход.

Аннимо наложил стрелу на тетиву и шагнул в рощу первым. Мы последовали за ним, растянувшись в цепочку.

Я выпустила несколько поисковых пульсаров, и почти сразу же они натолкнулись на сидящих высоко на деревьях людей... Еще кого-то поисковики не смогли четко определить. Похожи на людей, но не совсем...

Я легонько коснулась руки эльфа и указала на деревья. Аннимо кивнул и, достав из колчана еще одну стрелу, наложил и ее на тетиву, а в следующий миг обе стрелы уже скрылись в листве. Раздался громкий вскрик, и на землю упали два тела.

В следующий момент на нас посыпался град стрел.

Я вскинула руки, создавая щит, от которого стрелы отскакивали с громкими щелчками, как от стены, Орве еще дважды щелкнул тетивой, а Мила начала лихорадочно копаться в своей сумке...

Да сколько же лучников там сидит?

Лук эльфа пел без остановки, а у нас появилась еще одна проблема. Видимо, тот, кто устраивал эту засаду, решил подстраховаться, потому что к нам, вопя и громяхая оружием, неслась толпа немых мужиков, в которых я, приглядевшись, различила полулюдей-полуорков.

А вот это уже серьезно!

Сами по себе орки довольно тупые, но очень мощные существа, по силе не уступающие троллям, но полукровки приобретали человеческий ум и хитрость, при этом сохраняя орочью силу и выносливость. Насколько я поняла, таких полукровок обожали набирать в охрану весьма состоятельные господа, потому что помимо всего вышеперечисленного они обладали достаточной степенью верности своему хозяину – до тех пор, пока он исправно платит.

И вот сейчас через кусты к нам несся немалый отряд, состоявший как раз из таких субъектов. Но то ли бежали они недостаточно быстро, то ли наш эльф оказался истинным мастером лука и стрелы, но к тому моменту, когда полукровки приблизились к нам на двадцать шагов, Аннимо уже «снял» всех лучников и обратил свое внимание на новых врагов...

Первые бегущие получили по стреле в глаз, дальше в ход пошли мечи и топоры.

Начался ближний бой, когда практически невозможно разобраться, где свои, а где чужие. Единственного, кого с уверенностью можно было различить, – так это паладина в сияющих доспехах, бормочущего молитвы после каждого нанесенного им смертельного удара. Эльф же, не глядя, забросил лук на плечо, примерился к раскидистой липе, взбежал вверх по толстеному, в два обхвата стволу и, усевшись там, как на насесте, принялся методично и хладнокровно отстреливать полуорков.

Мила наконец-то нашла в сумке то, что искала, и в ближайших к ней полулюдей полетели маленькие пузатые бутылочки из тонкого стекла. Ударяясь о препятствие – в данном случае о различные выступающие и не очень части тела противников – бутылочки разбивались, и тут же вспыхивали мощным языком пламени, которое невозможно было ни сбить, ни потушить. Полуорки, подожженные таким изуверским способом, падали на землю и тотчас обращались в мелкий черный пепел. Мила, узрев результат своих действий, позеленела и вознамерилась было рухнуть в обморок, но я подскочила к ней и сильно встряхнула.

Девушка взглянула на меня более осмысленно.

– Терять сознание будешь потом! – рявкнула я, материализуя в правой руке полыхающий клинок, а в левой ярко-голубой жгут, действующий на манер хлыста и вытягивающийся на приличное расстояние.

Камилла кивнула и продолжила бомбардировку противника...

В роще тем временем послышался подозрительный шум.

И мы, и полуорки как по команде повернули головы в сторону его источника...

Истошные вопли приближались, а потом из кустов вылезла на редкость отвратная харя с полметра в поперечнике.

Наши противники заорали и начали внеплановое отступление от меланхолично, но весьма увлеченно пережевывающей что-то твари. Самые смелые из полуорков попытались закидать вылезшую невесть откуда животину подручными средствами, начиная от камней и заканчивая метательными топориками.

Судя по всему, харе такое обращение не понравилось, потому что неопознанное существо с хромающим на обе ноги генотипом раззявило уважительных размеров пасть и бесшумно завопило.

Бесшумно-то бесшумно, а вот листья с ближайших деревьев осыпались на землю.

После этого существо выползло из кустов окончательно...

Сказать, что я удивилась, означало бы слишком мало. Я попросту в осадок выпала, не ожидая со стороны хари такой неслыханной подлости. Я ее узнала. Перед нами возвышалась иглистая сирена. Объясняю для тех, кто ни разу не сталкивался с ними. Иглистая сирена – гибрид ящерицы, василиска и виверны, только увеличенный до размеров небольшого дракона. В высоту метра три, в длину – все пять. Обладает тремя парами конечностей, на редкость отвратительной чешуйчатой мордой и неприличным количеством зубов (их четыре с половиной сотни), а также беззвучным воплем, представляющим собой очень мощную ультразвуковую волну. Нам повезло, что сирена всего лишь выразила недовольство, а не

яростно завопила – тогда бы нас попросту разорвало на куски.

И самое интересное – в ЭТОМ мире иглистых сирен не должно было быть и в помине...

Сирена оглядела нас немигающим взглядом маленьких красных глаз и широко раскрыла пасть...

Первой догадавшись, чем это грозит, я заорала, как ненормальная:

– Всем заткнуть уши и рухнуть на землю! Аннимо, за ствол дерева, быстро!

Мои соратники, уже понявшие после истории со взбесившейся тучей, что, если я беру командование в свои руки, то дело табак, беспрекословно подчинились. Я же быстро создала вогнутый вовнутрь вертикальный щит, который установила между нами и сиреной. Оказалось, весьма вовремя – сирена посмотрела на меня и завопила. Вот теперь это был ее фирменный боевой вопль!!!

Двух полуорков, не успевших смыться с места боевых действий, попросту смело звуковой волной, а мой щит прогнулся еще больше, но потом, словно собравшись с силами, выпрямился, и отраженная звуковая волна с усилением возвратилась к самой сирене, буквально смяв уродливую голову.

Обезглавленное тело еще несколько секунд стояло неподвижно, а потом звучно рухнуло на землю.

Я, тяжело дыша, дезактивировала щит.

Мне уже приходилось сталкиваться с иглистыми сиренами, но я совершенно не готова была к встречей с ней ЗДЕСЬ, поэтому щит получился чересчур мощным. С перепугу я перестаралась, и сирена, вместо того чтобы аккуратно отключиться на длительный срок, попросту откинула чешуйчатые лапы.

Узнать бы, какой гад умудрился ее притащить из другого измерения? А самое главное – КАК он это сделал?

Сзади, тяжело дыша и позвякивая доспехами, подошел сэр Маркус. Он обтер свой огромный меч о траву и, со звоном вложив его в ножны, обратился ко мне:

– Леди Ллина, я хочу принести извинения. Носители магии не всегда являются богомерзкими существами. И магия не обязательно хуже меча. Вы уже дважды спасли всем нам жизнь и даже сохранили нашу честь, возвратив оружие. Я в долгу перед вами. С этого момента, если вам понадобится помощь, просто дайте мне знать, и, слово паладина, – ваш глас не останется неслышанным. – С этими словами сэр Маркус поклонился мне и ушел по направлению к лошадям, которых мы оставили неподалеку отсюда.

Я глубоко вздохнула и вынесла на суд общественности предложение:

– Итак, дамы и господа! Предлагаю сматываться отсюда к коврюжьей матери, не к ночи будет сказано. Кто за?

Решение найти более спокойное местечко для ночлега было принято единогласно...

После неудавшейся засады в роще нас не трогали пару суток. Два дня спокойной езды по пересеченной местности – это много или мало? Видимо, той сволочи, которая подстраивала нам все эти подлanky, показалось, что слишком много. На третий день сволочь явилась самолично!

И как он нас вычислил – ума не приложу!

Мы подъезжали к заброшенному храму, где по идее должен был скрываться искомый артефакт, когда воздух впереди помутнел и из открывшегося телепортационного окошка шагнул высокий мужчина в черном плаще с капюшоном.

Присмотревшись, я поняла, что уже его видела, а покопавшись в запыленных и захламленных закромах памяти, вспомнила, где именно. С этим мужиком я столкнулась на улице в первые минуты своего прибытия в этот мир! Я еще тогда почувствовала, что он сильный, но посредственный колдун. Сейчас же передо мной стоял маг-стихийник, из которого сила буквально лилась через край.

Новоприбывший обвел нас взглядом, сверкнувшим безумием, и тихо сказал, словно бы

себе под нос:

– Я маг Кризан Восьмой... Рад, что вы оказали мне услугу и привели меня к Печати. За это я позволю вам умереть быстро и безболезненно. Не пытайтесь сопротивляться, это бесполезно. Моя Темная Хозяйка защищает меня на любом расстоянии, поэтому ваше ничтожное оружие не повредит мне. Вы, грязь и пыль под моими ногами, склонитесь и примите смерть из моих рук как награду. Я заберу Печать, а Хозяйка наградит меня силой и бессмертием. Склонитесь же передо мною! Я жду...

От такой наглости и невообразимого самомнения у меня язык отнялся. Но только на пять секунд. Потом все наладилось, и я вклинилась в монолог колдуна со всей свойственной мне язвительностью. Набрав побольше воздуха в грудь, я начала выступление крайне противным и скрипучим голосом:

– А губозакатывающую машинку тебе не преподнести? Юноша, мне кажется, что вас в психушке недолечили. Такую манию величия надо удалять вместе с головой!

Колдун посмотрел на меня абсолютно отсутствующим взглядом и произнес бесцветным голосом, словно обращаясь к самому себе:

– Неподчинение... Как странно. Сомнения во мне. Девчонка, ты должна пасть к моим ногам и умолять о том, чтобы я снизошел до того, чтобы самолично взять твою жизнь. На колени!

В ответ я сделала интернациональный жест, представляющий собой однозначно оттопыренный средний палец. Колдун смысл жеста понял, но не среагировал. Вернее, он не изменился в лице ни на йоту, а всего лишь коротко приказал:

– Убить.

Я хотела было расхохотаться, но смех застыл у меня в горле, когда я увидела, что мои друзья поворачиваются ко мне, вытаскивая из ножен оружие. Глаза у них были абсолютно пустыми, как у зомби. Я моментально просканировала своих спутников – и ужаснулась! Каким-то образом этот чокнутый Кризан глубоко загипнотизировал их, причем настолько искусно, что я этого даже не заметила. Все правильно, на меня как на Путешественницу ВООБЩЕ никакой вид гипноза не действует. Я чувствовала, что от колдуна веяло той же самой чужой силой, как и от некромантки Ирадды. Неужели у них одна и та же Хозяйка? В таком случае все обстоит намного хуже, чем я думала. Если таинственная Хозяйка может вербовать служителей в разных мирах, да еще и отдавать им свою силу, то это означает только одно... Это существо не уступает по возможностям Путешественнице.

Да-а, по возвращении мне предстоит серьезный разговор с Голосом.

Но для этого надо вернуться...

Кризан криво усмехнулся и, развернувшись, неторопливо побрел в храм, явно рассчитывая умыкнуть артефакт первым. Я дернулась было, чтобы ему помешать, но совсем рядом тихо и как-то виновато тренькнула тетива эльфийского лука, и мое левое плечо насквозь прошила длинная стрела.

Боль была резкая и какая-то обидная. Кровь ручейком потекла по рукаву, а Аннимо Орве уже неторопливо доставал вторую стрелу. Я метнулась в сторону и, проскочив сквозь свернутое пространство, вынырнула у храмовой стены. Стрела чиркнула по камню совсем рядом, заставляя рвануть в полуобвалившийся вход в храм, и тут до меня дошло!

Эльф никогда не промахивается, особенно с такого близкого расстояния. Значит, он осознает, что делает, и пытается сопротивляться этому. Выходит, либо колдун торопился и у него времени не хватило загипнотизировать моих друзей как следует, либо он на самом деле не такой сильный, как хочет показать.

Я взмахнула рукой, запечатывая вход невидимой стеной, о которую ударилась еще одна стрела, и сосредоточилась. Стихия Ветра меньше чем за минуту довела стрелу, застрявшую в плече до призрачного состояния, после чего я легко вытянула ее. Кровь потекла еще сильнее, но постепенно кровотечение прекращалось. Я сделала замысловатое движение правой кистью, словно выуживая что-то из воздуха, и в тот же момент рану закрыла тугая стерильная повязка.

Облегченно вздохнув, я прикрыла глаза, стараясь нащупать местоположение Печати, и почти сразу же натолкнулась на мощную светлую энергию.

Печать Серафима сверкала перед моим внутренним взором странным густо-синим светом с золотым отливом. Сила артефакта была колоссальной, к тому же я ясно почувствовала, что Печать живая. В том смысле, что у этой силы была собственная воля, и сейчас она звала меня к себе самым коротким путем, словно не желая попадать в руки Кризана и его Хозяйки.

Я сорвалась с места и, невзирая на боль в открывшейся ране, побежала на зов, по-прежнему глядя на мир вокруг себя внутренним зрением, при котором видела не сами предметы, а их ауры. У живых они были разноцветными, а вокруг рукотворных предметов образовывалось как бы отражение ауры земли. Я направлялась к спящему сине-золотому свету, и было ощущение, что мое тело движется само по себе.

Я обегала препятствия и перепрыгивала через неровности и отверстия в полу, попросту не замечая их. Не знаю, сколько это продолжалось, но наступил миг, когда сине-золотой свет ослепил меня, я вынуждена была «переключиться» на обычное зрение, и сразу же столкнулась с бесцветным взглядом колдуна. Он оглядел меня, словно весьма приставучую козявку, и тихо сказал:

– Опять ты, девчонка? Как же ты мне надоела! Я...

– Слушай, меня уже достал твой треп! – безапелляционно перебила я его. – И вообще, мне уже за сотню лет, а тебе едва исполнилось тридцать, так что хватит называть меня девчонкой!

– Я – Кризан Восьмой! И ты заплатишь за то, что осмелилась встать на моем пути. Я принесу тебя в жертву Хозяйке, и она одарит меня своей милостью...

В ответ я кратко, но емко высказала все, что я о нем думаю.

И это сработало!

Спокойствие слетело с колдуна, как шелуха, обнаружив под собой крайне неустойчивую в психологическом плане личность. Кризан крыл меня всеми известными ему матерными словами, с завидным энтузиазмом брызгал слюной, перечислял кары и зверства, которым он планировал меня подвергнуть, но после нескольких сотен миров любое словесное сотрясение воздуха впечатление на меня производило крайне слабое. Наслушавшись истеричных выкриков, я резко взмахнула рукой, и колдуна унесло к ближайшей стене.

Стена сказала тихое «хрусть» и плавно обвалилась вовнутрь зала, засыпав отчаянно матерившегося Кризана щебенкой, пылью и мелким мусором по самые уши...

Через десять секунд, когда треснувший кусок стены начал проседать под тяжестью потолка, с которого посыпалась пыль, я с ужасом осознала, что случайно снесла несущую стену здания, и теперь храм стал медленно складываться.

Я охнула, рванулась к нише в стене, где что-то слабо светило сквозь треснувшую кладку, размахнулась и со всей силы ударила кулаком по кирпичам, предварительно добавив себе с помощью магии пробивной силы. Кладка хрупнула, и мой кулак, проломив и без того хлипкую стенку, вошел в пустоту...

Из пробитой дыры хлынул золотой свет...

Колдун возмущенно завопил, но крики его были заглушены грохотом падающих камней...

Я крепко сжала ладонь на чем-то твердом и круглом и выдернула это что-то из ниши...

На миг я позабыла о рушащемся здании – Печать Серафима, уютно лежавшая в моей окровавленной, в синяках и ссадинах ладони, излучала мягкий золотой свет. Артефакт представлял собой маленькую, с куриное яйцо, сферу ярко-синего цвета, покоившуюся в оправе в форме двух развернутых золотых крыльев настолько тонкой работы, что они казались живыми. Из глубины Печати постоянно всплывали непонятные золотые значки...

Кирпич, вывалившийся из потолка и бухнувшийся точнехонько на раненое плечо, вернул меня к действительности. Я взвыла и телепортировалась из рушащегося храма от

греха подальше...

То ли у меня внутренние настройки сбились, то ли кирпич, рухнувший мне в последний момент на затылок, пошатнул мои и без того неустойчивые мозги, но очутилась я аж в полукилометре от храма. А пыталась оказаться всего-то подальше от камнепада. Блин!

Чертыхаясь и постанывая от боли в плече (легкое ранение, срок заживления два дня), с ободранными ладонями, грязная, как чушка, и в разодранной одежде я возвращалась к развалинам храма. Чем ближе подходила, тем заметнее становились подробности: живописные, чуть дымящиеся развалины и мои деловито суетящиеся меж груд камней и щебня друзья. Я немного постояла, философски созерцая сию редкостную картину и, прочистив горло, прокричала:

– Вы что, клад ищете? Поделитесь?

Если бы посреди чистого неба грянул гром небесный, то он бы не произвел большего впечатления, чем моя ничем не примечательная реплика. Все разом перестали ковыряться в руинах и повернули головы в мою сторону.

Я помахала рукой с зажатой в ней Печатью.

Минутное замешательство сменилось бурным восторгом.

Первой подбежала Мила и сразу же повисла на моей шее. Я, не выдержав такого обращения, рухнула на землю вместе с радостно хохочущей подругой, которая плюс ко всему упала на мое раненое плечо. Я взвыла от боли, и девушку немедленно стянули с меня только для того, чтобы убедиться, что это на самом деле я.

Убедились.

Я, улыбнувшись, протянула Печать Гидеону:

– Мы ведь за этим шли, верно?..

– За удачный поход!

Очередной тост грянул над моим ухом. Мы сидели в обеденной зале Храма Семи Дорог и активно праздновали наше возвращение, а заодно и неплохое вознаграждение за доставку Печати Серафима. Нас обрядили в белоснежные балахоны, которые выдавались только особо отличившимся настоятелям – что поделать, наша собственная одежда нуждалась в починке. Конечно, я могла восстановить все самостоятельно, но отрываться от дружного коллектива, особенно в последний вечер перед расставанием, не хотелось...

Да, я опять обязана была уходить. И этот ужин в компании друзей должен был стать для меня последним. Я смеялась, шутила, хотела выпить этот вечер до дна, потому что другой возможности больше и не представится...

Из-за стола с кубком в руке поднялся командир Гидеон. Все уважительно притихли.

– Я хочу поднять этот тост за находящуюся в наших рядах ведьму, которая стала для нас настоящим ангелом-хранителем. Она не раз вытягивала нас из передряг, в которые мы попадали, и за это я хочу сказать ей спасибо. Я запомнил день, когда она столкнулась со мной и попросилась в мою команду. Каюсь, я принял ее за... Ладно, в общем, неважно, но Гирдык совершил ту же ошибку... – Мы дружно засмеялись, вспомнив, как тролль чуть не протаранил головой стену гостиницы. – Короче, за тебя, Ллина!

– Да! – проревел Гирдык, поднимаясь из-за стола. – Ведьма, если че надо будет или какой гад прицепится – ты только дай знать! Я за тебя любого порву! А не порву, так накастыляю!

– Правильно! – поднял кубок гном. – Ежели что – только позови, и мой топор будет к твоим услугам.

– Я думаю, что мне нет нужды говорить подобное, – улыбнулась Мила. – Я – твой друг и не оставлю тебя.

Высказались почти все. Один Аннимо Орве сосредоточенно разглядывал тарелку, а потом вдруг внезапно спросил:

– Ллина, а тебе обязательно уходить?

– В смысле? – не поняла я, внутренне холодея – неужели он догадался? Почему-то

прощаться с Аннимо мне хотелось меньше всего. Не знаю, любовь это или нет, просто я ощущала какую-то тягу к этому эльфу с фиалковыми глазами. Мне с ним было... спокойно как-то...

– Я имею в виду, что если у тебя нет дома, то ты могла бы пойти к нам.

– То есть? – тихо уточнила я, внутренне молясь, чтобы он не произнес этих слов... Аннимо, не предлагай мне это, слышишь?! Не смей. Я не могу остаться. НЕ МОГУ!

– Ты могла бы жить среди эльфов. – Он все-таки сказал это...

Я отвела глаза, чтобы никто не заметил блеснувшие слезы, и нарочито весело сказала:

– Это очень лестное предложение, но мне еще рано начинать оседлую жизнь! Может, позже. – И тут же встала с бокалом во весь рост, громко прокричав: – Да здравствует эльфийское гостеприимство! И холостяцкая жизнь!

Тост был принят на «ура», а я как бы невзначай пролила красное вино на свой белый балахон, после чего вскрикнула и добавила во всеуслышание:

– Все, мне больше не наливать! Такое одеяние испортила! Ладно, сейчас пойду переоденусь...

С этими словами я вышла из обеденного зала, тихо шепнув про себя слова прощания...

Ушла я недалеко – просто поднялась по лестнице и вышла на небольшой каменный балкон. Еще раз оглядела мир, который собралась покинуть, возможно навсегда...

Подошла к парапету и, проведя ладонью в воздухе, открыла золотистый портал в Зеркальную галерею. Что ж, в конце концов, это мой единственный дом. По крайней мере, на ближайшую сотню лет.

Я уже поднялась на узкие каменные перила. Всего один шаг – и мир вокруг изменится, а я окажусь дома.

– Ллина... Подожди!

Я резко обернулась, едва не слетев с парапета, а в дверном проеме показалась запыхавшаяся Камилла.

– Ты уходишь?

Я подумала и, спустившись на пол, подошла к Миле. Без слов обняла ее. Кажется, она все поняла.

– Надолго?

– Не знаю. Возможно, навсегда...

Алхимик всхлипнула и уткнулась носом мне в плечо. Я прижала ее к себе.

– Ну, ну, успокойся... В жизни всякое бывает, поэтому никогда нельзя говорить «никогда». Может, еще свидимся...

– А что мне сказать остальным? Они ведь ждут тебя...

– Скажешь, что мне пришлось срочно уехать.

Я еще раз обняла ее и повернулась к телепортационному окну... Еще раз оглянулась на Камиллу... и застыла, услышав быстрые шаги на лестнице...

Я уже знала, что по ступеням, едва сдерживая рвущийся из груди крик, спешит эльф.

Прощаться? Попытаться остановить?

Он все-таки понял, что я ухожу...

Но я не могу. Не хочу видеть его.

Не хочу говорить ему «прощай».

– Ллина-а-а-а!!!

Я поднялась на парапет, сделала всего один шаг и увидела над головой вместо предзакатного неба мерцающий потолок Зеркальной галереи...

– Я еще раз повторяю, МНЕ НУЖЕН ОТПУСК!!! Я так больше не могу.

– Ллина, ты же Путешественница!

– И что? – праведно возмутилась я. – Мне что, запрещено раз в сто лет брать отпуск?

Голос, видимо, не нашел, что ответить, поэтому я с его полного неодобрения пошла подбирать себе мир для отдыха. Хотелось найти что-то очень мирное и очень зеленое. В том

смысле, чтобы корректировка в ближайшую эпоху не требовалась.

И никаких разумных рас, кроме людей.

Мне нужно было отдохнуть от неземной эльфийской красоты и пожить тихо-мирно без всяких душевных метаний.

С этими мыслями я наткнулась на искрящееся изумрудно-зеленым светом зеркало.

Провела по нему ладонью, считывая информацию.

Так и есть – этот портал ведет в крупный человеческий город, вернее, в деревню недалеко от него. Налогов много не дерут, магов не любят, но терпят – значит, за бытовое колдовство меня на костер не отправят. Живут там в основном одни люди. Эльфов нет совсем, небольшая популяция гномов на окраине. Троллей по мелочи, и те в основном приезжие...

Отлично!

Курортный сезон для Путешественницы объявляю открытым!

Глава 3 ВЕЧНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Я глубоко вдохнула свежий деревенский воздух и села на крыльце, наблюдая за тем, как медленно опадают лепестки цветов раскидистой вишни, растущей у меня под окном. Налетевший порыв ветра стряхнул с веток целое облачко нежных бело-розовых лепестков, которые медленно спланировали на землю, создавая иллюзию снежного покрова.

Воровато оглянувшись, я материализовала в руке деревянную щетку для волос и принялась расчесывать свои мокрые после купания локоны... Зараза, длинные-то какие! Вся причина в климате и экологической обстановке местности – я прожила в этом мире почти год, и за это время волосы выгорели, став золотисто-русыми, закудрявились и отрасли настолько, что заплетенные в косу, достигали пресловутой пятой точки. А уж распущенные... Одним словом – эльфийка, блин! Только острых ушей не хватает.

Вдалеке хлопнула калитка, и я, пустив в сторону резкого звука поисковик, слегка поморщилась – ко мне бодрой, немного неуклюжей походкой шел местный Ален Делон, то бишь Михаил – первый парень на деревне. Девки из-за него пачками пытались повеситься на трухлявой ветке старого дуба, утопиться в луже и вообще выказывали желание покончить с собой прочими не слишком изобретательными способами. Когда я появилась здесь и выразила желание немного пожить в сем чудном месте, здешний Казанова попытался наострить лыжи в мою сторону.

Не вышло.

И вовсе не потому, что я ханжа, просто в юноше было два метра роста плюс буйные кудри и густой бас. В общем, совершенно не мой тип мужчины, что я ему и заявила в первый же день, перебираясь в живописную избушку, пустовавшую с той поры, как хозяин вместе с семьей подался в город. Деревенский староста за небольшую мзду выдал мне ключ и попросил сильно не шуметь и поддерживать порядок. Я сразу же согласилась на эти нехитрые условия, особенно после того, как в немного запущенном, но все равно красивом саду обнаружилось вишневое дерево, старое, корявое, но плодоносящее на диво крупными и сладкими ягодами...

Вьюноша, видимо, не понял, что по два раза я не повторяю, решил, что выламываюсь, как любая деревенская девка. Свои намерения он мне стал доказывать следующей же ночью, вскрыв оконный ставень путем непосредственного взлома. Из дома сопляк вылетал с обугленной дыркой на штанах размером во всю заднюю часть, синяком под глазом и слегка дымившимися волосами...

Самое смешное, что после такого отпора он не только не прекратил свои поползновения, а даже удвоил старания. Теперь я натыкалась на него буквально всюду – на рынке во время очередного похода за продуктами, на пути к речке, на улице... Он подстерегал меня везде, и я уже не чаяла избавиться от него. После той памятной ночи, когда

я едва не спалила все его мужское достоинство, он стал вести себя со мной настолько уважительно, что придраться было просто не к чему. Ну не лишать же человека здоровья только за то, что он чересчур прилипчив! Руки не распускает, язык держит на привязи – что еще нужно такой приличной девушке, как я?

Поэтому, услышав тяжелую поступь Михаила, я только страдальчески закатила глаза, но подниматься с нагретого местечка на крыльце было настолько лень, что я даже не сделала попытки забаррикадироваться в доме.

Все равно бесполезно.

– Линка!

Ну вот. Опять это дурацкое имечко. Я уже устала повторять, что Линка – не самое подходящее для меня имя. Но Мишке все мои увещевания как мертвому припарки. Нет, побью я его когда-нибудь. И скажу, что так и было.

– Миш, я тебя предупреждала?

– О чем? – невинно захлопал он глазами.

– Забудь, – отмахнулась я, поднимаясь с крыльца и намереваясь пойти в дом.

Парень дернулся было за мной, но я резко взмахнула рукой, и дверь захлопнулась перед его чересчур любопытным носом. Он немного постоял на крыльце, видимо надеясь на то, что я сменю гнев на милость.

А вот и ни фиги! Не буду открывать.

И вообще – отпуск у меня почти закончился. Вот облетит вишня – и отправлюсь в Зеркальную галерею. В конце концов, я могу растерять форму, да и скучно здесь становится. Отдохнула, хватит! Миры тоже долго без Путешественницы не могут...

С этой мыслью я отправилась в сени за лукошком и деньгами – схожу на рынок, закуплю свежего творога и зелени, сяду под вишней и буду о чем-нибудь мечтать. И в грезах этих будет...

Расшалившееся воображение сразу же услужливо подкинуло лицо Аннимо Орве в обрамлении золотистых распущенных волос. Я тряхнула головой, и память расщедрилась на другое, почти позабытое лицо – длинные волнистые черные волосы, которые он всегда небрежно стягивал кожаным ремешком на затылке (при этом одна прядь вечно выбивалась и спускалась на грудь черным ручейком), глаза цвета черного жемчуга, в которых я утонула в первый же миг нашей встречи...

ХВАТИТ!!!

Я в озлоблении врезала кулаком в жалобно запищавшую дверь.

Сколько же лет должно пройти, чтобы забыть его?

Правда, сейчас я уже не могла вспомнить лица – закрыв глаза, видела только волосы и глаза, но и этого было предостаточно, чтобы вывести меня из душевного равновесия... Хотя... Положа руку на сердце, я могла с уверенностью сказать, что Аннимо все чаще и чаще заменял этот образ...

Может, мне стоит вернуться?..

Душевные метания прервал очередной стук в дверь.

Тяжело вздохнув, я отправилась открывать...

На пороге стоял бледный и какой-то измученный староста. Увидев меня, он вцепился в мою руку, как в спасательный круг, и, глядя расширенными от страха глазами, сказал:

– Госпожа ведьма, помогите нам!

– Что стряслось? – удивилась я.

Староста огляделся вокруг затравленным взглядом и громко прошептал:

– В городе творится что-то странное.

– Та-ак, – протянула я, посторонившись и пропуская его в дом. – Заходите.

Староста неуверенно прошел в горницу и скромно уселся на лавку у стола, при этом сжимая в руках шапку так крепко, что у него побелели костяшки пальцев. Я села напротив него и твердым голосом сказала:

– Выкладывайте все.

Я бодрым шагом шла по направлению к городу, в который раз ощутив, что отпуск кончился. Сейчас я была одета в свободную ярко-синюю рубашку навыпуск, обтягивающие черные штаны и мягкие черные полусапожки. Волосы заплела в косу – именно так я причесывалась во время странствий. Я вновь ощущала себя Путешественницей, и от этого было как-то тоскливо...

Скорее всего, мне попросту понравилась спокойная жизнь, когда никто не пытается тебя убить, поймать или засадить в каземат с крысами. Да, и такое бывало...

Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли, и задумалась о том, что мне рассказал староста. По его словам выходило, что градоправитель совсем с ума сошел: заперся в замке, а когда выходит, то на него страшно смотреть – выглядит так жутко, словно из него выпили всю жизнь. Вокруг замка постоянно кружатся тучи воронья, а в окрестностях стали пропадать люди... Вчера исчез старший сын старосты – поехал в город на ярмарку да так и не вернулся. А сегодня с утра лошадь, на которой уехал старостин сын, вернулась домой.

Без седока.

И вот тогда староста рискнул обратиться ко мне...

Я недовольно посмотрела на видневшийся впереди замок, и, оглядевшись вокруг, телепортировалась прямо к городской стене. Стражники, увидев возникшую из ниоткуда девушку, начали одновременно креститься и отплевываться во все стороны. Я повертела пальцем у виска и плавно прошла сквозь стену.

С той стороны сначала послышался звон упавшей алебарды, потом сдавленный вопль, а затем в городской шум вплелся семиэтажный мат в мой адрес. Я подумала и, выглянув из стены, со всего маху стукнула матерящегося стражника по затылку. Тот заткнулся, а я отправилась по своим делам с чувством выполненного долга.

Идя по направлению к замку, я отметила для себя тот факт, что чем ближе подхожу, тем меньше народу становилось на улицах. На большой площади перед самым замком в разгар дня не было вообще никого.

Только два ворона деловито прохаживались перед воротами.

– Интересно, – тихонько сказала я себе. – Это что, у них тут такая стража оригинальная?

Вороны, словно услышав мои слова, синхронно взлетели и скрылись за крепостной стеной. Я рассеянно проводила их взглядом, подумывая, сбить нахальных птиц заклинанием или оставить все, как есть? Врожденное чувство любви к животным все-таки победило, поэтому я позволила птичкам скрыться из виду, а сама подошла к тяжелым дубовым воротам, обшитым железом, и, не найдя рядом ничего подходящего, не придумала ничего лучше, чем материализовать чугунную кувалду приличных размеров.

Эх, раззудись плечо, размахнись рука!

Кувалда с гулким буханьем состыковалась с воротами, проделав в них дыру размером с кулак и намертво застряв в оной. Я изумленно поглядела на дело рук своих, соображая, то ли я что-то с заклинанием напутала, наделив кувалду чрезмерной пробивной мощностью, то ли ворота держались на одном честном слове, которое при этом на поверку оказалось насквозь лживым и продажным.

Я с силой потянула застрявшую кувалду, надеясь вытащить ее из изуродованной створки. Конечно, намного легче было просто дематериализовать импровизированное оружие, но тут существовала вероятность лишить замок ворот вообще. Поэтому я еще раз дернула кувалду, и та с противным скрежетом покинула столь удобное для себя убежище...

Никто по-прежнему не объявился. Распылив кувалду, я постояла еще минут пять, гадая, как можно было не услышать произведенный мною грохот. Потом, все-таки решив, что хуже я уже не сделаю, глубоко вздохнула и попыталась пройти сквозь ворота, так же как проделала это с городской стеной.

А вот фиг вам!

Ворота оказались наглухо зачарованными от любого вида магического проникновения.

Интереса ради я попыталась пройти сквозь замковую стену – результат был нулевой. В том смысле, что кто-то весьма умный запечатал от магического вторжения ВЕСЬ замок. Причем сделал это настолько умело, что даже я, Путешественница со столетним стажем, не могла снять заклинание. Взломать-то мне его удастся, но после того, как я проникну внутрь, обратно выйти тем же путем уже вряд ли смогу.

Что же это за маг такой, который может оградить целый замок от Путешественницы?

Внезапно мой взгляд вернулся к дырке, только что проделанной моей несчастной кувалдой. Идея пришла почти сразу. Я призвала стихию Земли и, придав себе дополнительную силу, разбежалась и с силой тарана врезала плечом по уже однажды битым воротам...

Створка жалобно хрустнула и вместе со мной влетела во внутренний двор. Я встала, отряхнулась и, напоследок взглянув на то, что осталось от ворот, невозмутимо пошла в замок.

Они что, объявили табу на уборку?

Все внутренние помещения замка оказались захламлены настолько, что кучи разнокалиберного барахла приходилось обходить стороной. К тому же все было покрыто сантиметровым слоем пыли. Навстречу по-прежнему никто не попадался. Мать моя женщина, куда ж все делись-то?!

Внезапно пол под моими ногами вспыхнул темно-бордовым пламенем, а я с ужасом ощутила присутствие ТОЙ сущности, которая вставала на моем пути уже дважды – в Вира-Нейн и в храме, где я обнаружила Печать Серафима. Ё-мое, да кто ж это такой?! Я повела раскрытой ладонью вокруг себя, и стихия Воды, потоком залившая пол, пригасила бордовое пламя. Над обугленными досками поднимался легкий горьковатый дымок, а я наконец-то поняла, что тот, кто вызвал это пламя, находится совсем рядом со мной.

На втором этаже.

Прямо у меня над головой!

Едва я осознала это, как потолок опасно затрещал и начал обваливаться.

Я кувыркком ушла из-под падающих обломков, а когда пыль осела, то увидела ЕЕ.

Таинственную Хозяйку.

Я понимала, что она и есть та самая сущность, чью невероятную силу ощущала. На вид ей было лет двадцать пять, яркие гранатовые волосы до плеч оттенялись черным шелковым платьем с глубоким декольте и разрезами до бедер. Фигура и черты лица были настолько совершенны, что я вполне справедливо усомнилась в их природном происхождении. Как оказалось, не зря.

Девушка обратила на меня взгляд темно-вишневых глаз и произнесла приятным голосом:

– Выходит, ты и есть та самая Путешественница, о которой мне столько рассказывали. Знаешь, я давно хотела увидеть тебя – безумно интересно, кто же на протяжении ста лет ставит мне палки в колеса.

Видимо, мое лицо настолько перекосилось удивлением, что девушка рассмеялась звонким, как серебряный колокольчик, а оттого еще более неестественным смехом.

И в этот момент я поняла, кто она...

Путешественница.

Такая же, как и я.

Только я служу свету, а стоявшая передо мной Корректировщица судеб – посланница Тьмы.

Она улыбнулась, показав безупречные зубы, и сказала:

– Меня зовут Валериана. Судя по всему, ты уже все поняла.

Я кивнула и ответила:

– Тоже Путешественница. С той стороны света.

Она снова рассмеялась:

– Как же вы, засланцы от этих проклятых святош, политкорректны! Так бы прямо и

сказала – из Ада. Я и впрямь из Преисподней. Только это ты – Путешественница. Меня же зовут иначе. Я – Хозяйка.

В этот миг все стало на свои места. И сила некромантки, сумевшей подчинить душу Мастера вампиров из Вира-Нейн, и мощь мага-стихийника... Только...

– Как ты попала в этот мир?! Ведь для существ из Ада хода сюда нет!

– Теперь есть. – С этими словами Валериана материализовала в руках короткий жезл, на вершине которого служила... Печать Серафима!!!

Талисман постоянно искрил, расплескивая вокруг себя золотистое неровное сияние, словно ему было очень неудобно в руках Корректировщицы. Та положила на него ладонь, и сияние потухло.

– Печать очень своенравна. К сожалению, использовать ее силу до конца я не могу – единственное, что сумела от нее получить, так это возможность проникать в доселе недоступные для меня миры. Раньше я могла приходить только тогда, когда меня призывали, и оставаться в круге вызова, но теперь все изменилось! Я способна отправиться в любой ТВОЙ мир... Но мне этого мало.

– Чего ж тебе еще надо? – ехидно спросила я, попутно соображая, как бы мне пошутнее спереть у нее Печать, да еще успеть смыться в Зеркальную галерею.

– Мне нужны ВСЕ миры. С помощью Печати я могу путешествовать вслепую. А для того, чтобы перемещаться целенаправленно, мне нужно, чтобы ты отвела меня в Зеркальную галерею.

– А шнурки тебе не погладить? – возмущенно спросила я, одновременно материализуя лук, сплетенный из маленьких молний.

Я успела выпустить лишь одну стрелу, когда Валериана внезапно оказалась у меня за спиной. В моей руке моментально появился бело-голубой клинок, сыпавший колючими яркими искрами, который скрестился с изогнутым мечом противницы, сжимавшей в ладони застывший язык бордового пламени.

Лезвия столкнулись и со звоном разошлись.

– Неплохо, Путешественница, очень неплохо, – довольно улыбнулась Хозяйка, нанося очередной скользящий удар, от которого я едва успела спастись. – Для всего лишь столетней практики даже хорошо.

Каскад выпадов, наносимых из самых невероятных положений.

– Но надо лучше!

...Резким ударом она заставила меня отвести клинок от себя, и тотчас в мою незащищенную грудь вонзился тонкий прямой кинжал, который Хозяйка материализовала в левой руке. Я пошатнулась и упала на одно колено. Посланница Тьмы улыбнулась и кончиком языка слизнула кровь, оставшуюся на лезвии.

Я ожидала привычного жжения, но его не было.

Кровь и не думала останавливаться, а рана была тяжелой – лезвие прошло в сантиметре от сердца, и то благодаря тому, что от родителей мне досталось его необычное положение – оно располагалось не слева, как у большинства людей, а в центре груди, надежно защищенное ребрами. Боль была нестерпимой, а я не понимала почему...

Валериана подошла ко мне, присела на корточки, наклонилась к уху и почти нежно прошептала:

– Гадаешь, почему не исцеляешься? Я отвечу. Раны, которые Путешественники наносят друг другу, не заживают так, как обычные. Они лечатся, только если ты применишь стихию Жизни или же с обычной для простого человека скоростью. Но чаще не заживают вообще. Ты еще слишком молода, чтобы вызвать эту стихию. Даже я за свои триста с лишним лет не научилась. Стихия Смерти намного проще, а при соединении с другими стихиями это самое мощное оружие.

Она подняла меч и нанесла еще один удар, который, по идее, должен был стать для меня смертельным, но то ли мне настолько жить захотелось, то ли просто повезло, но в последний миг я шарахнулась в сторону, и меч, вместо того чтобы снести мою голову,

распорол мне правую ногу от бедра до колена.

Кровь хлынула ручьем, и я повалилась на пол... Валериана снова подошла ко мне:

– Надо же, еще сопротивляешься. Но тебя это все равно не спасет! – С этими словами она замахнулась мечом, но я, глядя на стремительно несущийся клинок, все-таки каким-то чудом успела вызвать экстренную телепортацию.

Меня окутало золотым сиянием, и клинок Валерианы ударил уже по пустому месту...

Я выпала из «окна» на теплый мрамор Зеркальной галереи, заливая его своей кровью...

Сознание стремительно уплывало, и последнее, что я видела перед тем, как погрузиться в непроглядную тьму, были белоснежные ангельские крылья...

Ну все, отвоевалась Путешественница...

Мысли возвращалось вместе с болью. Вернее, сначала была боль, а уж потом пришло осознание – значит, я еще жива. Я попыталась глубоко вдохнуть, но левую сторону буквально перекосило, а во рту появился привкус крови.

Чертыхнувшись, я попыталась повернуться на бок, однако чья-то рука ласково, но твердо удержала меня.

Я открыла глаза и столкнулась взглядом с небесно-голубыми глазами ангела. Значит, я все-таки умерла...

– Если это рай, то почему мне так больно?

– Вынужден тебя разочаровать, это всего лишь Зеркальная галерея, – сказал ангел до боли знакомым голосом, сопровождавшим каждое мое путешествие благословением.

– Ты? – пораженно выдохнула я.

Вот уж не подумала бы, что работаю на ангелов. А тем временем голубоглазый убрал ладонь с моей забинтованной груди и печально улыбнулся:

– Раз уж тебе довелось увидеть меня, то зови Арсением. В экстренных случаях Хранители показываются тем, кого охраняют.

– Ладно, Голос... Арсений. А теперь объясни, что это за стерва, которая меня едва не распотрошила.

Ангел поморщился от моего малоцензурного выражения, но все-таки заговорил:

– Ллина, видишь ли, я – ангел-хранитель и должен охранять Путешественников. Наша миссия в том, чтобы следить за определенными мирами, которые должны процветать...

– Слушай, это я и без того знаю! – раздраженно перебила я. – Ты мне про нее расскажи.

Ангел возвел кроткие очи к потолку и воззвал:

– Господи, ну почему она меня никогда не слушает? Хоть бы раз не перебивала! И куда человек торопится?..

– Арсени-и-ий! – протянула я. – Короче.

– Эта Валериана украла из Храма Семи Дорог Печать Серафима. Все бы ничего, но она умудрилась использовать часть ее силы, и вот результат – уже полсотни окон полыхают бордовым светом!

– Что сие означает?

– А то, что Валериана не только проникла в каждый из этих миров, но и притащила с собой кого-то из Преисподней. Теперь эти гады там хозяйничают, как хотят. А ты была сильно ранена, поэтому миры оказались фактически беззащитны.

– Понятно, – ответила я и крепко задумалась.

Быстро исправить полсотни миров я одна не успею. К тому же, пока я буду поправлять одни, Валериана примется за другие. Зуб даю – ломать судьбы она будет быстрее, чем я сумею их восстанавливать. Отсюда только один выход – надо убрать причину, а именно, посланницу Тьмы. Или хотя бы отобрать у нее Печать Серафима, а ее саму отправить обратно в Преисподнюю. С этой мыслью я медленно поднялась.

Рана стрельнула резкой болью, и я застонала. Арсений тотчас обхватил меня за плечи, заставляя опуститься на кровать.

– Ллина, тебе еще рано вставать!

Я поморщилась и тихо спросила:

– Сколько я была без сознания?

– Две недели.

Я дернулась и тотчас рухнула обратно на подушки. Ведь две недели здесь – это может быть десять лет в одном мире, полтора месяца в другом и миллионы часов в третьем! Я стиснула зубы и твердо сказала:

– Мне нужно идти.

– Куда? – горько усмехнулся ангел. – В таком состоянии ты самостоятельно только до уборной добраться сможешь, и то по стеночке. Не забыла, что у тебя и нога была ранена? А ведь бедро еще не зажило.

– У меня нет времени!

– Время есть всегда. А если ты сейчас отправишься куда-нибудь, то тебя попросту уничтожат.

– Ладно. – Я устало откинулась на подушки. – Арсений, покажи мне, что творится с окнами.

Ангел кивнул и сложил ладони лодочкой. Помещение озарилось мягким золотистым светом, и между мной и Голосом возник шар примерно полметра в диаметре. Увидев то, что он отразил, я тихо выругалась, а ангел перекрестился.

Миров, в которых побывала Валериана, было не полсотни, как говорил мой Хранитель, а минимум полторы тысячи. И каждую минуту фиолетовым огнем вспыхивало новое окно.

– Все, хватит. – С этими словами я откинула одеяло и свесила ноги с кровати. Попробовала встать, схватившись за правое бедро. – Арсений, мне нужна твоя помощь.

– Инвалидную коляску прикатить али костыль одолжить? – язвительно отозвался Голос.

Я раздраженно посмотрела на него и тихо произнесла:

– Мне нужна твоя помощь, чтобы соединить все стихии в стихию Жизни. Тогда я исцелюсь намного быстрее.

Ангел ничего не сказал, только кивнул, отчего его кудрявые русые пряди забавно взметнулись в воздухе.

Он подошел ко мне и обнял, запахнув свои белоснежные крылья у меня за спиной...

Было ощущение, что я с головой окунулась в мягкий золотой свет, который очень хотелось потрогать руками. Я словно обернулась этим светом и стала выплетать из него стихийные линии. Сначала они были зыбкими и непрочными, но по мере того, как золотой свет наполнял меня, линии становились все ярче и четче... «Звезда» сложилась на удивление легко, а Круг словно появился сам собой...

Было ощущение, что стихия Жизни только и ждала момента, чтобы пробудиться...

Рисунок вспыхнул ослепительным белым светом, и, находясь внутри его, я чувствовала, как растворяется моя боль и затягиваются раны...

Свет погас так же неожиданно.

Я отстранилась от ангела и почувствовала, что полностью здорова – стихийный всплеск не только исцелил мои раны, но и восстановил силы. Улыбнувшись своему Хранителю, я закрыла глаза, преобразовывая ночную рубашку в нормальную походную одежду.

– Арсений, мне нужна Риона и мир, где мы искали Печать Серафима.

– Почему именно эти миры?

Я посмотрела на него и ответила:

– Одной мне с Валерианой не справиться. А в тех мирах остались мои настоящие друзья.

– Ты уверена, что они пойдут за тобой?

– Нет. Но надеюсь на это.

– Как знаешь. – Ангел пожал плечами и добавил: – Куда ты хочешь пойти сначала?

– В Риону. За Ниитой и Элланом, – уверенно ответила я.

Ангел кивнул и повел меня в глубь Зеркальной галереи, озаренной красным светом

оскверненных Валерианой миров. В принципе, я могла бы найти нужный мир сама, но когда этим занимается мой Хранитель, как-то спокойней...

Наконец он остановился перед одним из порталов и сделал приглашающий жест.

– Арсений, ты уверен, что это «окно» в Риону? – подозрительно спросила я, с сомнением глядя на ярко-голубое свечение. – По идее, оно должно быть зеленым...

Голос фыркнул и шелкнул пальцами. Тотчас в воздухе перед ним повисла золотистая табличка, по которой, как по экрану монитора, забегали какие-то значки. Наконец они остановились, и Арсений, уставившись на табличку, резюмировал:

– По описи врата, перед которыми мы сейчас стоим, являются окном в мир, который ты называешь Рионой.

– Да? – с сомнением в голосе переспросила я.

– Не веришь – прочти! – Ангел раздраженно сунул мне под нос светящуюся табличку, на которой я, разумеется, ничего не разобрала.

– Слушай, может, перестанешь выпендриваться? Ты же прекрасно знаешь, что я не могу знать языка ангелов.

– Тогда верь мне! – Арсений убрал табличку, которая моментально растворилась в воздухе, и сложил руки на груди. – Это точно Риона, но на всякий случай я установлю с тобой ментальную связь, как раньше, и в случае чего тебя вытащу.

– Ладно, – улыбнулась я. – Все же ты мой ангел-хранитель... Пойду. До скорой встречи.

– Да пребудет с тобой Божье благословение, Путешественница.

Мир привычно смазлся и сменил очертания...

Зара-а-а! Куда меня забросило?

Я находилась на вершине высоченной горы, где было очень ветрено, холодно и сыро. Выругавшись, я в очередной раз убедилась, что интуиции Путешественницы доверять, безусловно, нужно. Куда бы меня ни занесло, это была точно не Риона.

Другим неприятным сюрпризом оказалось то, что вернуться в Галерею я не могла – кто-то запечатал этот мир в одностороннем порядке – войти можно, а выйти нельзя. Гадать даже не требовалось – Валериана по-прежнему чувствовала себя во всех мирах, как дома, поэтому поставить такого рода ловушку ей ничего не стоило. Плохо было то, что если я сломаю это заклятие, то останусь полностью без сил, без оружия и без средств к существованию на длительный срок, а оказываться в незнакомом и очень холодном мире без магии мне абсолютно не хотелось.

Оставалось ждать, когда Арсений меня отыщет. Он наверняка уже почувствовал разрыв связи. Другой вопрос – сколько времени ему на это понадобится. Миров очень много, к тому же, несмотря на то, что Арсений – ангел, возможности у него ограниченные, поэтому рассчитывать на спасение раньше чем через сутки было бы в высшей степени глупо...

Я посмотрела на ярко-голубое небо над головой и ощутила, как холод пробирается под тонкую ткань рубашки. Дыхание вырывалось облачками пара, поэтому я сосредоточилась, преобразовывая свою летнюю одежду в нечто более подходящее по погоде.

Результатом моих усилий стал теплый темно-зеленый шерстяной костюм, высокие черные сапоги на меху, обладавшие толстой подошвой, и короткая светло-серая дубленка с капюшоном, отороченным белым мехом. Волосы я заплела в две косы, закрепив их на концах яркими цветными резинками – оранжевой и розовой. Наконец я накинула капюшон, а на руках у меня появились теплые черные перчатки...

Что ж, сидеть на вершине горы стало намного приятней!

Но не настолько, чтобы я захотела провести здесь сутки, а то и двое!

Я чихнула, окончательно убедилась в том, что оставаться на самой горе, наблюдая за проплывающими внизу облаками, конечно, хорошо, но не безопасно для здоровья, подошла к краю пропасти и еще раз попыталась что-то разглядеть сквозь плотную облачную завесу...

Не-ет, абсолютно ничего не видно.

Не дай бог, там снежная буря!

Ладно, будем надеяться, что Путешественникам вместе с магией и долгой жизнью выпадает некая толика удачи...

Я отошла от края на несколько метров и, разбежавшись, прыгнула в пропасть...

Когда я в первый раз совершила подобный прыжок без парашюта, то все падение верещала как ненормальная. До сих пор не могу точно сказать, от страха или от восторга. Но это, так сказать, усложненный вариант экстренного спуска. Можно, конечно, было тихой сапой аккуратно спланировать вниз с помощью левитации, но такой способ передвижения я отменяла лет пятьдесят назад как морально устаревший и теперь использовала принципиально отличающийся прием, требующий воистину стальных нервов и концентрации внимания. Фишка в том, что можно замедлить падение, постепенно переходя на левитацию, или использовать колдовство в последний момент, затормозив за считанные секунды до земли. Угадайте, каким из двух способов я пользовалась?

Вторым, разумеется.

Поэтому я сейчас летела вниз головой с отвесной скалы, почти сразу пройдя сквозь облака и очутившись в снежной круговерти...

Так и знала, что внизу метель!

Я перевернулась в воздухе и выбросила перед собой раскрытые ладони.

Магия хлестнула через меня, затормаживая падение и позволяя оглядеться. Ветер все усиливался, снег бил по лицу, заставляя прикрывать глаза и двигаться почти вслепую. Не было видно ничего, а метель явно решила пополнить мною список своих жертв, постепенно усиливаясь и переходя в настоящий буран.

– Не нравится мне это, – недовольно пробурчала я себе под нос, после чего закрыла глаза и пыталась сориентироваться в пространстве, пользуясь внутренним зрением, позволявшим мне видеть ауры как предметов, так и живых существ.

И какова же была моя радость, когда в ровном излучении скалы я обнаружила разлом трех метров в диаметре! Пещера не пещера, но спрятаться от ветра и снега вполне можно, а значит, оставалась надежда на то, что воспаление легких меня минует. Я плавно опустилась на карниз перед входом в... все-таки пещеру и, деактивировав левитацию, буквально вбежала внутрь.

Тьма здесь стояла египетская, причем настолько густая, что даже сотворенный мной светлячок пульсара практически ничего не давал. Конечно, я могла зажечь ярчайший дневной свет, но надолго бы его не хватило – заклинание весьма энергоемкое, забирает сил столько же, что и четыре десятка самонаводящихся огненных шаров, к тому же большей частью бесполезное – действенно только против вампиров, боящихся солнечного света. Я его использовала лишь однажды – толпы кровососов тогда попросту испарились, словно попав под открытое небо в самый разгар яркого солнечного дня. Такое массовое уничтожение произвело очень серьезное впечатление на свидетелей, оставшихся в живых в ту ночь, – горстку людей посреди разрушенного вампирами города... В конце концов, тот свет я вызвала совершенно случайно, и с тех пор в качестве оружия больше им не пользовалась – другие виды нежити чихать на него хотели с высокой колокольни, свет доставлял им только некоторые неудобства вроде временного ослепления...

Я погасила пульсар и взглянула вокруг внутренним зрением, благо энергозатрат это не требовало...

Пещера оказалась не просто большой, а огромной. Она расширялась наподобие воронки, причем настолько резко, что через сотню шагов потолок уже находился вне пределов моего внутреннего зрения, а стены маячили где-то на грани восприятия.

Из пола и потолка вырастали толстые сосульки сталактитов и сталагмитов, в некоторых местах срастаясь в природные колонны, а стены были покрыты какими-то странными скоплениями очень слабо светящихся кристаллов, которые моим вторым зрением виделись как ярко-розовые пятна. Под ногами хрустел снег, температура стабильно держалась на несколько градусов ниже нуля. Все вокруг на поверку оказалось покрыто тонким слоем

иней...

Я беспечно продвигалась внутрь пещеры, плавно перешедшей в туннель приличных размеров – слона на веревочке провести можно было. Татуировка на левой руке согревала приятным теплом, и я точно знала, что даже если провалюсь в какую-нибудь особо подлую дыру под ногами, то Арсений все равно найдет меня и телепортирует обратно в Галерею. В конце концов, магия татуировки – это не сигналы мобильного телефона, никакие километры горной породы над головой и погодные условия на нее не влияют. Отсюда вывод: вместо того чтобы сидеть у входа, можно побродить по пещерам. Авось что интересное попадется?

Попалось.

Туннель вывел меня в небольшой зал, из которого в разные стороны вели еще четыре хода, не считая того, по которому я пришла. Я остановилась в задумчивости. Конечно, для меня абсолютно непринципиально было, куда идти, но все равно хотелось какой-то определенности. Поэтому я сотворила сразу несколько поисковиков и запустила их в каждый проход. Вернувшись, они сообщили, что один из туннелей оканчивается тупиком, два других тянутся на черт знает какое расстояние безо всяких ответвлений, а вот крайний правый ход выводит в многоярусную пещеру. Я заинтересовалась и свернула именно в этот туннель.

Вот тут-то на самом краю моего восприятия я и увидела однозначно живое, более того, разумное существо. Это легко можно было определить по весьма яркому сочно-фиолетовому цвету ауры. Но мне не понравился рваный, словно обугленный край свечения – это означало, что существо настроено весьма и весьма недружелюбно. Судя по тому, как резко вспыхнула его аура, я поняла, что меня заметили.

Интересно, как же оно видит в полной темноте?

Существо, сидевшее ярусом выше меня, пришло в движение и, цепляясь за почти невидимые выступы заледеневшей стены, начало медленно и абсолютно бесшумно спускаться.

Н-да, не обладай я возможностью видеть ауры, фиг бы его заметила...

Внезапно я обнаружила еще несколько таких же существ, которые окружали меня плотным кольцом.

А вот это мне уже совсем не понравилось. Я сделала несколько нарочито неуверенных шагов и отдалилась от стены, с любопытством наблюдая за реакцией еще незнакомых мне субъектов – поисковики почему-то их не определили, не заметили, будто здесь никого не было.

Но я-то их вижу!

Существа на миг застыли, а потом возобновили движение, на этот раз гораздо быстрее. Я напряженно думала, как бы мне поразить их всех сразу, чтобы можно было беспрепятственно смыться – очень уж не нравились эти ауры. Как у хищников, следящих за беспомощной жертвой.

А существа приближались уже не крадучись, давая о себе знать. Напугать решили, что ли?

Я непринужденно пожала плечами и в тот момент, когда фигура, спускавшаяся по отвесной стене, прыгнула прямо на меня, вскинула руки. Пещеру озарил ярчайший дневной свет!

Мои глаза обожгло болью, а уж неизвестным существам пришлось и того хуже – они слаженно взвыли и попытались укрыться. Тому, кто прыгал на меня, пришлось на ходу изменить траекторию полета, превратив красивый прыжок в беспомощное падение. Я посторонилась, и он звучно хлопнулся рядом со мной на серо-голубой пол пещеры, еле слышно постанывая и закрывая лицо ладонями.

И вот тут-то до меня дошло, кто они.

Темные эльфы.

Дроу.

Я сталкивалась с ними лишь однажды – в своем первом путешествии по чужим мирам. Темные эльфы были созданиями на редкость мстительными и злопамятными, способными

видеть как в крошечной тьме, так и днем. Конечно, мой свет для них чересчур ярок, вот они и испытали шок, но очень скоро к нему привыкнут...

От этой мысли мне резко поплохело, и я дезактивировала столь энергоемкое заклинание, заменив его десятком компактных световых пульсаров. Дроу перестали стонать, медленно, но верно приходя в себя. Лежавший у моих ног зашевелился, и я, взглядевшись в темное лицо, обрамленное снежно-белыми волосами, с удивлением и яростью поняла, что знаю его...

Я на всю жизнь запомнила это худое, аристократически правильное лицо с золотистыми, как у тигра, глазами и светлой татуировкой на левой щеке. Именно этот высокий и жилистый представитель расы темных эльфов едва не отправил меня на тот свет во время моего первого похода. Это его изогнутые клинки пронзили меня, когда я, давая возможность лесным эльфам покинуть горный перевал со спасенным ребенком королевской крови, прикрывала отход. Очень хорошо помню, как, дождавшись, пока мои товарищи перейдут на другую сторону широкой пропасти, я спалила подвесной мост, отрезав путь как преследователям, так и себе. А потом я отправила ВСЬ род темных эльфов на постоянное место жительства в пещеры одной из самых высоких гор той местности, наложив на саму гору запрет на выход. Это заклинание потребовало от меня всех сил, поэтому, когда один из дроу, уже исчезая в искаженном пространстве, метнул оба клинка, у меня не было возможности защититься. Мечи пронзили меня насквозь, и я, оступившись, полетела в пропасть, откуда меня, едва живую, вытащил Голос...

Вот теперь я снова смотрю в эти полные ненависти золотистые глаза с вертикальными зрачками и знаю, что буквально через несколько мгновений он тоже узнает меня. А значит, попытается убить...

Темный эльф, привыкнув к свету, выпрямился во весь свой почти двухметровый рост.

Пульсары, повинаясь моему мысленному приказу, переместились мне за спину. Дроу неприязненно посмотрел на свет и спросил глубоким звучным голосом:

– Кто ты, осмелившаяся прийти в жилище темных эльфов?

Вместо ответа я сняла капюшон и позволила одному из пульсаров осветить мое лицо.

– Калимдор... – потрясенно выдохнул он.

– И тебе здравствуй, Айзан Эмдер, – непринужденно ответила я. – Не ждал?

Вопль ярости огласил пещеру, многократно отражаясь от ее стен и возвращаясь эхом. Я едва успела отскочить в сторону, как Айзан выхватил из наспинных ножен причудливо изогнутый меч и с силой рубанул им воздух в том месте, где я только что стояла. Я отшатнулась от него, но создавать пламенный клинок не торопилась. Айзан снова поднял меч и рявкнул во весь голос:

– Если хоть кто-нибудь посмеет поднять на нее меч, того я зарублю самолично! Она моя и только моя! Никто, кроме меня, не посмеет ее убить! Это мое священное право на месть!

Меня прямо-таки умилила такая трогательная забота о моей жизни. Я ехидно ухмыльнулась и посмотрела в его ставшие янтарными глаза.

– Айзан, я чего-то не понимаю? Ты так по мне соскучился?

Дроу оскалился и прорычал низким голосом:

– Шестьсот лет прошло с того дня, когда ты отправила меня и мой народ в эти ледяные пещеры! Шесть веков я сожалел о том, что подарил тебе столь легкую смерть, что не услышал твоего предсмертного хрипа и не увидел остекленевшие глаза... И все эти долгие годы я грезил тем, что ты жива, чтобы убить тебя так, как захочу!

Я смотрела в его глаза и видела в них такую сильную ненависть, что она превратилась в навязчивое желание, не дающее покоя. Глядя на Айзана Эмдера, я впервые поняла, насколько же любовь и ненависть близки друг к другу, особенно если они находятся в апогее. Вот и сейчас в вертикальных зрачках темного эльфа всепоглощающая ненависть превратилась почти что в страсть – настолько он хотел убить меня...

Но дроу сказал... Шестьсот лет?

Господи, сколько же времени я здесь не была!

Темный эльф тем временем поудобнее перехватил рукоять меча, вытянул из-за спины еще один, точно такой же, и возвысил голос:

– Оставьте нас! Все вон отсюда! Я хочу насладиться своей местью, и этому никто не должен помешать!

Ага, разбежался! Не спорю, что дроу, у которого за плечами примерно восемьсот лет практики в искусстве владения мечом, противник ОЧЕНЬ серьезный, но у меня есть два преимущества. Я – Путешественница, поэтому в состоянии победить с помощью магии, поскольку точно знаю, что в этом мире темные эльфы ею не владеют. А второе обстоятельство, которое может сыграть мне на руку, это ненависть самого Айзана. И если получится вывести его из себя, то у меня появится шанс на победу. Маленький, но все-таки шанс.

Тем временем темные эльфы неслышно покинули пещеру, и мы с Айзаном остались один на один. Пульсары, повинаясь моей воле, поднялись повыше, освещая пространство вокруг.

Дроу хищно улыбнулся и медленно двинулся вокруг меня. Он знал о моих магических способностях и теперь решил проверить, на что я способна после стольких лет.

Его первый выпад завершился неудачей – сдвоенный удар пришелся на малый щит стихии Огня, не причинив мне ни малейшего вреда.

– Ты безоружна, – с предвкушением моей крови улыбнулся Айзан.

– Не будь так самоуверен, – ехидно ответила я, парируя очередной его удар полупрозрачным щитом.

– Ты совсем не изменилась за прошедшие года, – несколько мечтательно ответил дроу. – Все та же... Только волосы стали длиннее... Что за сила хранит тебя, ничтожного человека, от разрушительного воздействия времени, которому подвержены даже темные эльфы?

Только сейчас я заметила почти неразличимые морщинки в уголках его губ и глаз, которых не было во время нашей предыдущей встречи... С другой стороны, для меня прошла только сотня лет, тогда как для Айзана – в шесть раз больше.

Я взглянула в янтарные глаза, и уже следующий его выпад был встречен не только щитом, но и клинком, сотканным из пламени.

– А ты говорил – безоружна, – фыркнула я, отбивая удар второго меча ледяным лезвием, по которому струились бело-голубые искры.

Дроу помрачнел и отступил на шаг. Я улыбнулась еще шире и поманила его к себе. Айзан нахмурился, и тут же на меня посыпался каскад молниеносных ударов. Я отбивалась, как могла, но все же лезвие темного эльфа почти достало меня – оранжевая резинка на правой косе упала на пол, разрезанная пополам. Дроу мрачно ухмыльнулся, но я, решив, что хорошего понемножку, призвала стихию Ветра и, увеличив в несколько раз свою скорость и ловкость, с легкостью отбила очередной выпад противника, более того, сама перешла в активное наступление.

Вот тут-то я просто вынуждена была признать истинное мастерство дроу во владении двумя мечами – он отбил практически все мои удары, но все-таки скорость Путешественницы сделала свое дело: на теле Айзана появились две кровоточащие полосы – одна на животе, а вторая – над сердцем. Уйдя от очередного выпада дроу, я крутанулась вокруг своей оси, прочертив очередную кровавую линию на лице Айзана – точно по татуировке. После этого наглого действия с моей стороны темный эльф ушел в самую что ни на есть глухую оборону, не переходящую в атаку.

Не знаю, сколько бы мы так еще кружили, но я внезапно почувствовала, что мой «уравнитель шансов», то бишь заклинание Ветра, выдыхается. Поэтому, нанеся последний удар, настолько сильный и резкий, что от мечей во все стороны посыпались искры, я шагнула назад, в раскрытый мини-портал, перенесясь на самый верхний ярус, прямо под потолок пещеры.

Айзан, оставшись в гордом одиночестве, запрокинул голову, а я, нимало не смущаясь, нахально помахала ему ладошкой. Дроу взвыл, но я уже бежала по очередному коридору, надеясь, что он уведет меня подальше от разъяренного мелкими царапинами темного эльфа. Тот факт, что я с ним еще встречусь, не вызывал сомнений – слишком велика была ненависть дроу, чтобы он согласился прождать еще шестьсот лет в ожидании моей благополучной смерти от старости.

Я усмехнулась, представив, как Айзан и Валериана яростно спорят за право убить меня, а я тем временем тихонько, по стеночке, выбираюсь из их поля зрения. Картинка вышла настолько забавной, что я позволила себе рассмеяться.

Туннель все длился и длился, не отвлекаясь на такие мелочи, как дополнительные ответвления или тупик. Температура постепенно понижалась – теперь стены, пол и потолок были покрыты толстым слоем льда, который по мере моего продвижения все ярче начинал светиться бледно-голубым светом. Вскоре надобность в пульсарах отпала – так вокруг просветлело. Я шла среди голубого сверкающего льда и гадала, отчего же исходит свечение? Ясное дело – лед был далеко не простым, но ощущался он мною как самая обычная замерзшая вода.

Постепенно туннель расширился и наконец-то закончился тупиком.

Вернее, не тупиком, а просто очередной пещерой, заполненной этим же ярко-голубым льдом. И тут охранные шлейфы, которых по пути сюда я понастроила великое множество, предупредили меня о том, что по моему следу движется группа из пяти темных эльфов, возглавляемая Айзаном Эмдером. Еще раз оглядев убежище, я внезапно осознала, что сама себя загнала в ловушку – выхода отсюда не было, а синий лед отражал поисковые пульсары, словно магическое зеркало. Осталось только принять бой.

Я еще раз осмотрелась, прикидывая, сколько у меня шансов уцелеть одной против пяти обозленных дроу, учитывая ограниченность в использовании магии.

Немного...

Я покосилась на вход в пещеру, и в голову пришла очередная, быть может и не очень гениальная, но спасительная, мысль. Я встала напротив входа и, призвав стихию Воды, попросту закрыла его пробкой самого обычного льда. Конечно, не бог весть какая защита, но она даст мне время собраться с мыслями и придумать, как в очередной раз спасти свою бедовую голову...

И зачем только я полезла в этот лабиринт!

Кляня себя на чем свет стоит, я с некоторой обреченностью смотрела на вход, прочно запечатанный толстенным слоем льда. По звукам, проникавшим со стороны коридора, можно было сделать вывод, что дроу уже сюда добрались и сильно удивились неожиданно-негаданно возникшему препятствию. Несколько минут стояла подозрительная тишина, а потом лед в центре преграды разлетелся мелкой крошкой, и в образовавшуюся дыру проскочила чья-то темная рука, державшая уже знакомый мне искривленный меч. Я тяжело вздохнула, осознав, что есть помимо всего прочего у Айзана Эмдера еще и зачарованное оружие, раз уж он сумел с такой легкостью прорезать лед толщиной в двадцать пять сантиметров.

Интересно, как они меня так быстро нашли?

С другой стороны, немудрено – за шестьсот лет, почитай, все ходы изучишь... К тому же с того яруса выход был только один...

Пока дроу самозабвенно ковырялся в ледяной преграде, перемежая проклятия в мой адрес откровенной бранью, я еще раз прошлась по пещере. Совершенно неожиданно в стене обнаружилась небольшая ниша, заполненная синим льдом.

Дивясь на свою невнимательность, я провела пальцем по намерзшему инею, намереваясь написать какую-нибудь скабрёзную фразочку типа «Айзан Эмдер – дурак» или «Здесь была Ллина», но тут же заметила, что в лед заморожено что-то темное.

Это был человек!

Лица его разглядеть не удалось, но я разобрала, что передо мной мужчина, одетый во

все черное и держащий в судорожно сжатых руках весьма странную штуковину, похожую на палку, к концам которой крепились длинные лезвия весьма оригинальной формы. Больше всего они напоминали вытянутые в длину открывалки для бутылок, каждая из которых была длиной сантиметров по семьдесят, с множеством разнокалиберных зазубрин. Вся же эта конструкция составляла порядка двух метров в длину, наверняка была отлично заточена, и смотрелась как внушающее уважение и трепет оружие. На левом бедре человека был прикреплен небольшой шестизарядный (!) арбалет в форме черного дракона, распростершего крылья.

Н-да, интересная экипировка. И как же его с таким оружием умудрились поймать? Руку даю на отсечение – владеть он им умел...

Ругань у преграды стала громче. Я оглянулась и увидела, что Айзан со свойственным ему упорством уже почти прорубил во льду дыру, достаточную для того, чтобы пролезть внутрь. Еще пара минут – и он окажется здесь. Я недовольно поморщилась и, создав в руках огненный лук, выпустила одну за другой четыре стрелы, заставившие дроу, прошипевшего в мой адрес пару непечатных слов, шарахнуться от только что прорубленной дыры. Потом я вновь сомкнула отверстие и с удовольствием прислушалась к новому взрыву ярости по ту сторону. Похоже, они еще не поняли, что колдовать подобным образом я могу очень и очень долго. А уж игра на нервах была моей любимой забавой, начиная с момента рождения. Вначале я с детской непосредственностью терроризировала таким образом родителей, потом обожала проводить психологическую обработку на сознательном уровне, а уж став Путешественницей, в полной мере овладела искусством доведения любого разумного создания до белого каления. Как известно, нервы есть у каждого мыслящего (и не только) существа, а значит, сыграть на них всегда можно. Главное – подобрать правильную тактику...

Я отвернулась от ледяной преграды и задумчиво уставилась на человека во льду. Сняла перчатку и прислонила ладонь к льдистой полупрозрачной синеве, стараясь уловить хоть что-то.

К моему глубочайшему удивлению, человек оказался жив! Он находился в каком-то подобии анабиоза уже очень много лет, по крайней мере, так мне показалось. Я задумалась. Если его сюда засадили темные эльфы, то когда Айзан с компанией выломают-таки преграду, у меня может оказаться неожиданный союзник, благодаря которому мои шансы спастись значительно возрастут. В любом случае хуже, чем есть, уже не будет – все равно одной в таком ограниченном пространстве, да еще не имея возможности использовать свою силу полностью, мне против пяти дроу не выстоять...

Я откинула капюшон дубленки, сняла вторую перчатку и медленно провела раскрытыми ладонями над льдом, осторожно прощупывая его магию. На удивление, определить ее мне удалось быстро.

Это была довольно примитивная стихийная магия, соединение Смерти и Воды.

Но от этого легче не стало. Есть такой парадокс в законах стихий – чем проще и примитивней стихийное заклинание, тем оно мощнее, и сломать его становится гораздо труднее, чем более сложное. Здесь же заклинание было донельзя простым – вначале человека погрузили в состояние, близкое к смерти, а потом заморозили в нетающий лед, обладавший свойством отражать любую сложную магию. Отсюда вывод – «вскрыть» такое заклинание, не погубив находящегося внутри человека, можно только с помощью чистой стихии. Ни заклинаний, никакого сложного выплетения – одна сила. К тому же, здесь действует закон противоположности, то есть для того, чтобы расплавить лед, достаточно применить Огонь, но чтобы вернуть человека к жизни требуется сломать стихию Смерти. А для этого нужно вызвать Жизнь, причем в первозданном виде...

Идея освободить томящегося в ледяной темнице незнакомца уже не казалась мне настолько успешной. Но попробовать все равно надо.

Плохо только, что для того, дабы призвать стихию Жизни, придется растворить преграду – иначе у меня не хватит сил, чтобы создать хоть какое-нибудь оружие, а это

чревато...

Ладно.

Я глубоко вздохнула, и ударила синий лед горячим красноватым лучом, которым медленно и сосредоточенно стала чертить прямую пентаграмму, обведенную Кругом Жизни. Я настраивала ее таким образом, что если заработает стихия Жизни, которая оживит человека, то сразу же за ней включится огненная стихия, которая моментально разрушит лед...

Стихия Смерти, великая тайна...

Преграда хрустнула и на этот раз осыпалась.

Стихия Земли, наша опора...

Дыра стремительно начала увеличиваться, но я не могла отвлечься, чтобы восстановить ее.

Стихия Ветра, несущая нас к звездам...

В образовавшийся проем ввалился разъяренный Айзан Эмдер.

Стихия Огня, очищающая душу...

Темный эльф огляделся и увидел меня, стоящую на коленях у ледяного саркофага.

Стихия Воды, что все сгладит...

Он метнулся ко мне бесшумной тенью, занося меч для удара.

Круг Жизни соединит их!

Пентаграмма вспыхнула белым светом, словно погрузилась в глубину льда, и застыла.

Свет погас, и я с ужасом поняла, что у меня ничего не вышло.

Айзан нанес рубящий удар сверху, но я, каким-то чудом извернувшись, ухитрилась-таки поймать лезвие клинка. Дроу резко выдернул клинок, оставив на моих ладонях глубокие кровоточащие порезы, и отступил, отведя сабли в сторону.

– Вставай, Калимдор. Мне не нужна столь легкая победа. Я знаю, что ты можешь лучше.

Я встала, опираясь о стену, оставляя на ней пятна крови, материализовала два клинка – огненный и ледяной. Айзан кивнул и сразу же атаковал без предупреждения. Я успела отбить первый выпад, но на ответ не решилась – в таком состоянии дроу сделает меня, как выпускницу института благородных девиц, разве что провозится подольше. В том, что он меня рано или поздно переиграет, я не сомневалась. Сейчас от моей магии остались всего лишь жалкие разрозненные кусочки, которые соберутся воедино не раньше чем через двадцать минут. Но это время еще надо как-то прожить.

Мы с Айзаном сходились еще несколько раз, клинки при каждом столкновении выбивали искры, но я пока держалась, хотя и понимала, что для темного эльфа это только разминка. Для меня же наша схватка стала одним из самых серьезных и сложных боев в жизни. Мастер меча против магички, темный эльф против Путешественницы... Будь я лет на двести старше, шансы на победу были бы равны, но сейчас...

Удача всецело была на стороне дроу. Мне оставалось только отбиваться от все более усиливающихся и усложняющихся ударов и молить Бога о неожиданном спасении. Не вмешаются высшие силы – из этой пещеры живой мне не выйти. Даже если я каким-то чудом сумею победить Эмдера, находящиеся в туннеле темные эльфы упокоят меня меньше чем за полминуты. Поэтому, когда очередной удар противника выбил у меня один из мечей, а потом расколол вдребезги другой, я восприняла это совершенно спокойно. Даже когда дроу ударом ноги опрокинул меня на пол, я не закричала, а просто лежала на ледяном полу и смотрела в глаза Айзана взглядом Путешественницы, чья жизнь – бесконечные скитания, чей долг – спасение и чей удел – постоянный риск не вернуться домой.

Меч дроу взлетел надо мной.

Я зажмурилась.

Над ухом что-то противно заскрежетало, и на лицо мне посыпались обжигающе горячие искры.

Я вздрогнула и открыла глаза.

Тишина стояла оглушительная, а я смотрела на странное зазубренное лезвие, задержавшее клинок Айзана в двух десятках сантиметров от моей груди. Одно резкое движение – и мечи со скрежетом разошлись, а чья-то твердая рука ухватила меня повыше локтя и с силой дернула, заставив встать на ноги.

Раздался приятный, чуть хриплый голос:

– Ты как, в порядке?

Я вздрогнула, как от удара током, и медленно повернула голову, чтобы посмотреть на того, кто только что освободился из ледяного плена.

И моментально утонула в глазах цвета черного жемчуга...

В голове звенели рождественские колокольчики, а я все смотрела на человека, которого я только что вытащила из синего льда.

Нет, не человека.

Лесного эльфа.

Он почти не изменился за шесть веков, из которых четыре провел в этой пещере. Те же глаза цвета черного жемчуга, только теперь жестче и мудрее, то же аристократически правильное лицо и золотистая кожа... Только волосы поседел. Либо заклинание стихии Смерти так на него подействовало, либо длительное пребывание подо льдом. Теперь его длинные серебряные пряди резко оттенялись угольно-черными бровями, смуглой кожей и темными глазами. Что ж, он стал еще красивее с момента нашей первой и последней встречи.

Я даже вспомнила его имя.

Иллидан.

Оторвавшись наконец от вдохновенного созерцания безупречного профиля, я прислушалась к перепалке, которую он затеял с Айзаном Эмдером. К моему удивлению, жгучая ненависть Айзана перешла в холодную ярость, а таким он был намного опаснее – теперь дроу не станет бросаться очертя голову. Он будет выжидать, умело и расчетливо загоняя нас в ловушку.

Что ж, я могла себя поздравить – за последние две недели умудрилась приобрести сразу двух смертельных врагов, причем оба – мастера своего дела. Хорошо еще, что Валериана и Эмдер не знают о существовании друг друга, потому что, если они объединятся, мне не жить...

А перепалка постепенно переходила в холодные оскорбления, после которых, голову даю на отсечение, обычно следует драка. Короткая, жестокая и кровавая, потому что моя магия еще толком не восстановилась, а Иллидан в одиночку против пяти дроу не выстоит...

– Выходит, она тебя все-таки освободила... Что же, для меня нет большей радости, чем прикончить двух своих злейших врагов одновременно. Сегодня вы умрете, и ваши головы займут почетное место перед моим ложем...

– Айзан Эмдер, ты столь же безумен, как и раньше. Я еще могу понять, когда ты считаешь злейшим врагом меня, но что такого тебе могла сделать эта человеческая девочка? Или ты причислил ее к своим недругам только за то, что она освободила меня?

Дроу хрипло рассмеялся и указал на меня лезвием меча:

– Посмотри на нее повнимательнее, Иллидан, Несущий Гибель. Загляни в ее лицо, ты поймешь, кто перед тобой и почему я желаю убить ее, пожалуй, сильнее, чем тебя.

Эльф повернулся и буквально впился в меня взглядом. Я же, стоя перед ним, незаметно стянула уцелевшую резинку с косы и с сожалением подумала, как же жутко сейчас выгляжу – лицо покраснелось, косы расплелись, ладони расцарапаны, дубленка в крови, штанина разрезана клинком Айзана... Красавица, да и только!

Я смущенно взглянула на Иллидана, ища в его глазах хоть бы тень узнавания.

Лесной эльф отвернулся и поудобнее перехватил свое странное оружие.

Ни фиги. Он меня не вспомнил.

– Я не знаю ее. После того как ты продержал меня во льду почти четыреста лет, множество воспоминаний стерлись из моей памяти. Но когда смотрю на это дитя, чувствую,

что я уже видел ее когда-то... Хотя этого не может быть – она слишком молода, а я томился здесь так долго...

Я? ДИТЯ?

Эмдер расхохотался так, что едва не выронил один из клинков. Темные эльфы медленно подходили к нам, а Айзан, успокоившись, ответил:

– Ты помнишь ту, что отняла у нас королевского отпрыска? Ту, что отправила меня и мой народ в заточение в эти проклятые ледяные пещеры? Ту, которую я пронзил собственными клинками и которая упала в пропасть?

Иллидан нахмурился.

– Ее помню. Я шел к тебе, чтобы отомстить за ее смерть, но ты заманил меня в ловушку...

– Так вот. То «дитя», что стоит у тебя за спиной, и есть Калимдор, Лик Судьбы. Ей почти столько же лет, сколько нам с тобой.

В этом он ошибался. Лет мне намного меньше, но не объяснять же дроу, почему для меня прошел только век, а не шесть.

– Не может быть! Калимдор была человеком, а люди не живут так долго! К тому же ни одно живое существо не могло выжить после того падения и при таких ранениях! Ты лжешь мне, Айзан. Эта девушка никак не может той, которую звали Ликом Судьбы.

– Иллидан, не веришь мне, узнай у нее сам.

А может, не надо меня ни о чем спрашивать?.. Но было уже поздно – лесной эльф повернулся ко мне и, глядя в глаза, потребовал объяснений. Врать было бесполезно – Первороденные во всех мирах всегда безошибочно определяют, лжет ли стоящее перед ними разумное существо. Отпираться тоже смысла нет – Иллидан все равно учует неладное. Поэтому я выпрямилась и, откинув окончательно распустившиеся волосы, твердо ответила, глядя в глаза лесного эльфа:

– Меня зовут Ллина Путешественница, но в вашем мире я была известна как Калимдор, Лик Судьбы. Так меня называли дроу в тот день, когда я выкрала из их обители ребенка королевской крови, эльфийского принца, чьим предназначением было встать во главе лесных эльфов и объединить разрозненные кланы... Что было дальше, ты, Иллидан, видел. Ведь именно тебе я в тот день передала ребенка. Насколько я помню, ты уходил последним.

В пещере повисла тишина. Иллидан смотрел на меня, словно пытаюсь сравнить с моим лицом сохранившийся в его памяти образ доверчивой, не знающей, с какой стороны братья за меч, двадцатилетней девчонки...

Я знаю, что за сотню лет я почти не изменилась. По крайней мере, внешне. И только глаза иногда выдавали мой истинный возраст. Я стала жестче и уверенней в себе, и это тоже видно по моему взгляду... Сила магии, сила Путешественницы, сила Зеркальной галереи...

Я глубоко вздохнула и почувствовала, что за то время, пока Иллидан выяснял отношения с Эмдером, моя магия худо-бедно восстановилась, так что, когда дроу бесшумными тенями бросились на нас, я уже была готова к бою.

Вокруг меня мощным пламенем вспыхнула огненная стихия, которая ринулась обжигаящими языками к пытавшимся увернуться темным эльфам. Я стояла в центре воронки пламени, не щадящего никого и ничего, кроме меня и Иллидана, которого я схватила за руку, чтобы охраняющая аура защитила и его. Пещера под воздействием вырвавшейся на свободу стихии превратилась в настоящий ад, в котором горел даже синий лед и камни, не говоря уже о живых существах...

Из пяти противников в живых остался только один.

Айзан Эмдер.

Он находился ближе всех к выходу, и, когда вокруг меня, ревя и опаливая жаром, закружилась выпущенная на свободу магия, он успел сбежать.

Пламя погасло. Я, тяжело дыша, отпустила руку Иллидана и коротко бросила ему:

– Идем отсюда.

Я первой выбежала из закопченной и заполненной едким дымом пещеры. Сегодня я

впервые осознанно испепелила живьем сразу четыре разумных существа. Ощущения были хуже некуда. Я бежала, оскальзываясь на льду, а в голове билась одна-единственная мысль: КАК Я МОГЛА?! Хладнокровно сжечь их заживо?

Хотя нет. Не хладнокровно. Меня до сих пор трясло, а от обморока удерживало только то, что сейчас Айзан поднимет тревогу и ловить нас выбегут все здешние темные эльфы. Для них месть – это священнодействие, а убить хотя бы одного из их соплеменников означало подвергнуть себя пожизненному преследованию. Я не хотела принимать то, что только что сделала, – иначе впору сесть на пол и никуда больше не идти...

Рядом со мной был Иллидан, закинувший свое оружие на спину. Длинные серебряные волосы эльфа развевались на бегу, а темные глаза смотрели серьезно и сосредоточенно...

Я тряхнула головой и почти силой заставила себя отвести от него взгляд. Наверняка после того, что я устроила в пещере, он считает меня безжалостной убийцей с нехилой магической силой...

Ну и фиг с ним. Главное сейчас – выбраться из этого мира живой и относительно невредимой, а там уж каким-то образом переправить Иллидана на родину.

Мы выбежали в многоярусную пещеру, ту самую, с которой началось это приключение, и остановились в изумлении – почти все этажи были заполнены темными эльфами, грозно потрясающими оружием. Иллидан покосился на меня и тихо спросил:

– Это что, ВСЕХ их сюда отправила ты?

Я пожала плечами:

– А черт их знает... Похоже, что да...

– Мощно... – коротко резюмировал он.

– Знаешь, тогда мне это очень дорого обошлось, – ответила я и запнулась, потому что дроу все как один повернули головы в нашу сторону. Я запоздало вспомнила, что так и не погасила пульсар, который плавно кружился над нашими головами по причудливой траектории, напоминая слегка перебравшего гномьей спотыкаловки светлячка.

– Иллидан, я тут подумала... – медленно отступала я в какой-то боковой коридор. – Может, нам пора покинуть сие не слишком гостеприимное место?

– Полностью с тобой согласен, – в тон мне ответил эльф.

Дроу издали сплоченный крик ярости и ринулись в нашу сторону.

– Бежим!!! – заорала я, копируя фирменные командные нотки Гидеона.

К чести Иллидана, он моментально просек, что к чему, обгоняя меня на поворотах.

Туннель кончился до обидного быстро, выведя нас в более широкий, засыпанный снегом округлый коридор, уходивший куда-то вниз под довольно-таки крутым углом.

– Что делать будем? – невозмутимо поинтересовался лесной эльф, прислушиваясь ко все более нарастающему шуму погони за спиной и как бы ненароком потянувшись к оружию.

Я же глядела на заснеженный коридор, и в голову настойчиво стучала МЫСЛЬ. Перед нами была практически идеальная горнолыжная трасса! Пускай коридор слабо освещен – для того, чтобы увидеть яму или пропасть, этого вполне достаточно, дополнительно же всегда можно зажечь несколько пульсаров. Я сосредоточилась, и на снегу появились две сноубордные доски.

Схватив одну из них, я бросила ее прямо перед спуском и окликнула Иллидана:

– У тебя с равновесием как?

Он пожал плечами:

– Не жаловался вроде как...

– Отлично. Вешай свою палку с лезвиями на спину и слушай сюда.

Эльф безропотно подчинился. Я заставила его встать на доску и уверенным движением застегнула крепления.

– Сейчас тебе представится шанс испытать доселе невиданное в этом мире средство передвижения. Запоминай. Ноги держишь неподвижно, повороты вправо-влево осуществляешь с помощью корпуса. Сильно не разгоняйся – не сможешь остановиться.

Скорость будешь гасить, поворачиваясь из стороны в сторону. Главное – держать равновесие. Захочешь остановиться – разворачиваешься боком и тормозишь ребром доски. Вопросы есть? Ну, тогда в добрый путь! – С этими словами я безапелляционно подтолкнула эльфа в спину.

Н-да, первый в жизни спуск на сноуборде, да еще и по «красной» трассе, оставляет массу впечатлений. Сама пробовала. Начала я этим заниматься в своем родном мире, продолжила в остальных – и вот результат. На доске я спускалась по таким горам, что российские экстремалы обзавидовались бы. Поэтому, с несказанным удовольствием прислушавшись к удаляющимся воплям Иллидана, которые становились все более и более восторженными, я поняла, что открыла для этого мира новые горизонты. Н-да... Еще один экстремал родился!

Когда из коридора вылетел Айзан Эмдер с мечами наперевес, я не удержалась и, послав ему воздушный поцелуй, соскользнула вниз по склону. Дроу дернулся было за мной – но куда там! Сноубордиста на хорошей доске да на крутом склоне еще никто не догонял. За исключением другого экстремала.

Снаряжения у Айзана не наблюдалось, поэтому я могла с уверенностью сказать, что черта с два у него что-нибудь получится...

– Будь ты проклята, Калимдор!

Я уже почти скрылась за поворотом, когда услышала прощальное напутствие темного эльфа, радостно засмеялась и весело прокричала в ответ:

– Пошел к черту, Айзан! – С этим пожеланием я, противореча своим же собственным словам о правилах катания на доске, поехала по прямой в надежде догнать значительно опередившего меня Иллидана.

Эльфа я настигла на следующем же повороте. Судя по всему, с реакцией и равновесием у него было не просто хорошо, а великолепно – для того, чтобы научиться стоять на доске так, как это делал он, мне понадобился не один сезон тренировок, а Иллидан нате вам – встал и поехал! Я обогнала его, одарив мимоходом совершенно счастливой улыбкой, которая помимо воли расплылась у меня на лице, и прокричала:

– Сбавь скорость. Мы уже достаточно оторвались. Если возникнет неожиданное препятствие, то нам останется тормозить только одним способом!

– Каким же? – поинтересовался эльф.

– Лбом. Иногда помогает! – честно ответила я.

Иллидан секунду смотрел на меня, а потом рассмеялся:

– Калимдор, ты совсем не изменилась!

Я сразу погрустнела оттого, что он назвал меня этим чужим и холодным именем... А еще потому, что он так и не понял, насколько мне пришлось измениться. Я посмотрела на него и прокричала:

– Ты даже не представляешь, насколько я стала другой!

Иллидан взглянул на меня, словно желая возразить, но я, запустив вперед поисковик, обнаружила, что у нас на пути возникло неожиданное препятствие.

Проще говоря, тупик.

Откатались. Говорила же я, не фига так разгоняться!

– Иллидан, впереди стена!

– Что?

– Впереди!!!

Он взгляделся в полумрак и побледнел – стена действительно была, причем на редкость прочная и монолитная. Я выбросила перед собой раскрытые ладони и призвала стихию Земли.

Стена вздрогнула, и по ней пробежала частая сетка трещин. Второй удар выбил ее, и в образовавшуюся дыру хлынул дневной свет.

Мать моя женщина!..

– Иллидан! Забудь о том, что я говорила тебе, разгоняйся до предела!

– Зачем? Что там?

– Пропать! – ответила я.

– Ты что, с ума сошла?

Впервые эльф высказал диагноз, который Арсений поставил мне лет семьдесят назад, имея в виду мои рискованные и абсолютно невероятные предприятия, которые тем не менее стабильно заканчивались положительным результатом. Потом Голос махнул на меня рукой, предоставляя мне возможность спасти миры своим способом, который даже на самый первый взгляд выглядел полным бредом.

Я прокричала Иллидану:

– Лучше контролируемый полет, чем бесконтрольное падение!

Возразить он не успел – спуск кончился, и мы вылетели из пробитой мною дыры. Глянув на пропасть, в которую мы падали, я то ли от избытка чувств, то ли от страха во весь голос завопила, как черепашки-ниндзя из популярного когда-то мультлика:

– Банза-а-ай!

Крик раздался в поднебесье, распугав всю разумную и неразумную живность в радиусе двух километров. А потом под нами внезапно открылось золотистое «окно» портала, в которое мы благополучно и провалились...

Я чувствительно приложилась о мраморный пол Зеркальной галереи, помянув всю родню Арсения вплоть до седьмого колена, и услышала рядом с собой абсолютно довольный смех. С удивлением повернув голову в сторону весьма неожиданного звука, увидела лежащего рядом с собой Иллидана, который хохотал с явным удовольствием.

– Не поняла... – протянула я, но вспомнила, что сама, впервые встав на сноуборд и благополучно упав после двух десятков метров, вела себя точно так же.

Наконец эльф удосужился оглядеться и застыл аки соляной столп. Я проследила за его реакцией. Ну, Галерея, ну разноцветные зеркала... Щелчком пальцев я распылила доски, поднялась, с удовольствием потянулась и, увидев, что Иллидан все еще пребывает в весьма удивленном состоянии, слегка тряхнула его за плечо. Мой приятель вышел из ступора и вопросительно уставился на меня. Я ехидно улыбнулась и сказала:

– Это еще что! Вот сейчас ты моего Хранителя встретишь... О, а вот и он!

В трех метрах над полом закружился золотой вихрь, превратившийся в ангела с широко распахнутыми белоснежными крыльями. Дождавшись, пока Голос спустится настолько, чтобы до него можно было дотянуться, не используя левитацию, я цепко ухватила его за край белоснежной ризы и возмущенно завопила:

– Арсений! Ты куда меня забросил?! Я просила Риону, а что вышло? Ты меня к дроу отправил!!! Выкинь свой ангельский компьютер и обнови базу данных – она безнадежно устарела.

Голос некоторое время беспомощно трепыхался в моих цепких ручках, а потом начал оправдываться:

– Линочка, ну как ты не поймешь?! Это действительно был портал в Риону. Но Валериана воспользовалась Печатью Серафима и сбила настройку. Вот тебя и выкинуло в случайно выбранный мир.

– Хорошо, а если я сейчас захочу все-таки добраться до Рионы, то это получится?

Ангел аккуратно отцепил мои пальцы от своих белоснежных одеяний и с достоинством ответил:

– Я провел кардинальную проверку. Теперь все исправлено. Валериана больше не сможет проделать такой фокус, так что спокойно отправляйся в свою Риону.

– Э-э-э... Арсений, возникла одна маленькая проблема...

Я отодвинулась, давая ангелу увидеть Иллидана, который на протяжении всего разговора скромно стоял на том же месте, где и приземлился, честно стараясь ничему не удивляться. Получалось это у него плохо.

Точно так отреагировал и Арсений, когда разглядел, кого я притащила за собой из другого мира. Ангел на миг потерял дар речи, а потом накинулся на меня:

– Ллина, я тебе уже говорил, что ты сумасшедшая?
– Не раз, – спокойно подтвердила я.
– Так вот, теперь я официально заявляю, что ты единственная чокнутая Путешественница за все пять тысяч лет, что я служу Хранителем!
– И что? Главное – что мой метод работает!
– Нельзя притаскивать аборигенов из других миров в Зеркальную галерею, и ты это знаешь!

Иллидан, с некоторым офигением прислушивающийся к моей перепалке с ангелом, который, по его представлению, был высшим существом и с которым надо вести конструктивный диалог, а никак не банальный спор, уловил, что его обозвали аборигеном, и решил заявить о себе миру:

– Может, вы двое объясните, что тут происходит?
Мы с Голосом прекратили выяснять отношения и посмотрели на эльфа.
– Арсений, ты Хранитель. Вот ты все и объясняй.
– Не-е-ет, дорогая, – протянул ангел. – Ты его сюда притащила, сама и разбирайся. А я пойду настраивать окно в Риону. Учти, выход будет рядом с Вира-Нейн, как и в прошлый раз. Удачи! У тебя двадцать минут.

С этими словами Арсений распахнул крылья и, горделиво взлетев над полом, направился в глубь Галереи. Я тяжело вздохнула – не мог не покрасоваться перед эльфом – и повернулась к Иллидану, сверлящему меня пристальным взглядом умопомрачительно темных глаз.

– Пойдем со мной. Я тебе все объясню. – И мы направились туда, где в Зеркальной галерее была столовая. Я создала ее сразу, как только научилась преобразовывать пространство.

Столовой (на самом деле это была кухня, в точности повторяющая ту, которая была у меня в родном мире) я пользовалась крайне редко по причине сильной занятости, но все необходимое там было. Совсем недавно я модернизировала ее до такой степени, что в холодильнике можно найти любое блюдо – от самого простого до экзотического, а из духовки выудить что-нибудь горячее. Поэтому я привела Иллидана на эту самую пресловутую кухню и, заставив разоружиться, прикрыла стеклянную дверь, отделяющую вполне обычное помещение от величественной Галереи.

– Есть хочешь?

Эльф посмотрел на меня, как на диверсантку, пытающуюся уйти от темы, но все-таки чувство голода перебороло, и он кивнул.

– Ладно... – пробормотала я и вытащила из духовки свежезапеченную утку с яблоками и пирожки с рисом. Из холодильника достала салаты и, уставив этим весь немаленький стол, широким жестом предложила приятелю слегка подкрепиться.

– Так вот, Иллидан...

– Лучше просто Дан, – попросил эльф.

– Ладно... Представлюсь еще раз. Меня зовут Ллина, я Путешественница. Путешественники – это существа, наделенные способностью перемещаться по мирам, стихийной магией и бессмертием...

Дан поперхнулся:

– Ты что, бессмертна?

– Ешь и не перебивай!

Эльф, на удивление, послушался, и я продолжила:

– Бессмертие у Путешественников не абсолютное. Убить нас можно, хотя для этого надо очень сильно постараться. Просто мы живем очень и очень долго. Теоретически Путешественники могут жить дольше Первородженных, но практически таких случаев еще не было.

– Это почему?

Я грустно улыбнулась и взглянула в его глаза:

– Потому что мы охраняем миры, исправляем их судьбы, причем настолько незаметно, что те, кто там живет, зачастую о нас даже и не подозревают. Поверь мне, это очень рискованное занятие. Все Путешественники рано или поздно погибают. Тогда призывается новый доброволец.

– Тебя так же призвали?

– Да. Мой предшественник погиб в твоём мире от рук дроу, пытаясь остановить распад единого народа лесных эльфов на кланы. Как ты знаешь, твоё раса все-таки разделилась. Пока Арсений нашел подходящего человека, то есть меня, у вас прошло полторы сотни лет. В Галерее, конечно, меньше... Потом меня направили выполнить это задание – и оно опять едва не было провалено. Меня серьезно ранили – Арсений едва успел спасти. Я выздоровела, и за сотню лет посетила примерно тысячу миров... Рано или поздно я тоже погибну. Но, если бы я жила в своём родном мире, то умерла бы от старости давным-давно... Поэтому ни о чём не жалею... Почти...

Я замолчала и уставилась на смешную картинку котенка на стене. Календарь показывал июнь 2004 года – месяц, когда я покинула родной мир и стала Путешественницей. Я принципиально не стала менять его... Все ещё глядя на старый календарь, я тихо произнесла:

– А вот сейчас у меня есть шанс пополнить список безвременно ушедших из жизни Корректировщиков судьбы. Как ты уже видел, моим Хранителем является ангел. Но недавно я встретила с той, чьим Хранителем наверняка подрабатывает сам дьявол. Или, на крайний случай, демон... Она тоже Путешественница, но служит противоположной стороне. Так сказать, вечная конкурентка. Она старше и опытней меня, и на мою долю выпало с ней сразиться. Ты не подумай, что я жалею, – за столько лет я уже привыкла к мысли, что в один прекрасный день могу и не вернуться. Но... Все равно, идти к Валериане одной – чистое безумие. Поэтому я хочу тебя попросить...

– О чём же? – Эльф смотрел серьезным и всепонимающим взглядом, и мне показалось, что он догадался о моей просьбе заранее.

– Я хочу попросить тебя пойти со мной. Ты – превосходный воин, и я знаю, что смогу на тебя положиться. Конечно, ты не обязан соглашаться. Если откажешься, я все пойму...

– Я пойду с тобой. – Дан прервал меня, встал и протянул руку. – Ты рисковала жизнью ради меня и моего народа, теперь я хочу отплатить тем же.

– Спасибо... – улыбнулась я и взяла его за руку. – Кстати, всё хотела спросить: а что это за оружие, которое ты таскаешь с собой?

– Это – *at'tha hianda*, «двойное лезвие». Их делали Высшие эльфы, искусство владения ими передавалось в нашем роду из поколения в поколение. Например, моей *at'tha hianda* уже почти тысяча лет – её изготовил мой отец, потом передал мне, так сказать, по наследству...

– Ясно... Дан, мне нужно найти ещё некоторых своих друзей в других мирах. Ты отправишься со мной или пока с Арсением побудешь?

Эльф только выразительно посмотрел на меня и потянулся за оружием.

Мы стояли у голубого портала, ведущего, если судить по клятвенным заверениям Хранителя, прямо в Риону, в район Вира-Нейн. Я посторонилась, давая Дану пройти первым. На вопрос «почему» ехидно улыбнулась и ответила, что подобным образом хочу проверить наличие пространственных ловушек. Эльф одарил меня испепеляющим взглядом, но я поспешила его успокоить:

– На самом деле окно закроется, как только я пройду сквозь него. Поэтому тебе придется идти первым. Если ты ещё не передумал.

Дан фыркнул и шагнул из одного мира в другой. Я пожалала плечами и последовала за ним.

Ну, здравствуй, Риона! Давненько я тут не была.

– Та-а-ак, – недовольно протянула я. – Это не Вира-Нейн.

То ли Валериана опять напортила с настройками, то ли Арсений решил устроить мне маленькую месть за помятую ризу, но место, где мы очутились, явно было не вампирской вотчиной. Слишком высокие деревья обступили нас. Нет, я была убеждена, что эта местность Риона, но какая конкретно ее часть, фиг знает. А точно определить, где мы находимся, было необходимо – телепортироваться наугад не рискнула бы даже я.

Поэтому, оглядевшись, я пошлепала в восточном направлении по едва заметной тропинке. Дан присоединился, как бы между прочим спросив:

– А куда мы, собственно, направляемся?

Я беспечно пожала плечами и честно ответила:

– Понятия не имею.

Мой спутник удивленно взглянул на меня, видимо, в очередной раз убедившись в правильности поставленного Арсением диагноза.

– Слушай, кто из нас Корректировщик, а? Я уже не раз попадала в чужие миры, причем в места абсолютно незнакомые. И знаешь, какое самое первое правило?

Дан пожал плечами.

– Нашел дорогу – иди по ней. Куда-нибудь да выведет!

Эльф махнул рукой и окончательно сдался, не в силах постичь мою логику. А с тропинкой я угадала. Мы прошли по ней только полкилометра, когда Иллидан внезапно отстегнул арбалет от бедра и, почти не целясь, выстрелил в ветки дерева, отстоявшего от нас метрах в сорока.

– Ну-с, и кого ты там подстрелил? – скептически спросила я и тут же осеклась, потому как с того самого дерева в ответ прилетело сразу две стрелы, которые Дан поймал на лету. Я же, только бросив мимолетный взгляд на черные длинные стрелы с белым оперением, сразу же поняла, куда нас забросило.

– Дан, опусти арбалет. Мы в Златодревье.

Словно бы в подтверждение моих слов перед нами появился златоволосый эльф с коротким луком в руках. Я, всмотревшись в его черты, с воплем радости подбежала к нему.

– Элланон!

Эльф пригляделся, глаза его расширились от удивления, и он подхватил меня на руки.

– Ллина? – недоверчиво спросил он.

– А ты знаешь еще одну Путешественницу? – завопила я. – Как же я по тебе соскучилась!

Элланон наконец-то окончательно удостоверился, что это все-таки я, и сжал в объятиях.

– Невероятно! Ты же совсем не изменилась! За столько-то лет...

– То есть? – переспросила я.

– Почти восемьдесят шесть лет назад ты покинула Риону.

Я ощутила сильное желание присесть. Для меня прошло всего-навсего полтора года, а у них – целых восемьдесят шесть. Н-да. Время – штука серьезная.

Элланон поддержал меня за локоть, а я наконец-то вспомнила об этикете.

– Элланон – это Иллидан. Он тоже мой друг. Я привела его из другого мира.

Эльфы встали друг против друга и церемонно раскланялись. Я же поспешила добавить:

– Элланон, вообще-то я не должна была возвращаться, но возникли непредвиденные обстоятельства, и мне очень нужна твоя помощь. Твоя и Нииты.

Зеленоглазый эльф посерьезнел и ответил:

– Я отведу вас в Златодревье, а завтра мы отправимся в Вира-Нейн – Ниита поехала туда навестить родных в праздник Кладоцветень.

Я кивнула, и тут до меня дошло.

– Элланон, а что значит «поехала навестить родных»? Она переехала жить в Златодревье?

Эльф повернулся ко мне и улыбнулся:

– Вообще-то, Ниита моя жена, так что вполне логично, что она перебралась ко мне.

От этого заявления я выпала в осадок, в коем пребывала вплоть до того момента, когда Элланон вывел нас к Златодревью. Там я полной грудью вдохнула свежий лесной воздух и огляделась. Эльфийский город выглядел точно так же, как и в тот день, когда я впервые вступила под сень его домов-деревьев. Те же ажурные лестницы и мостики-паутинки, та же тишина и спокойствие...

Внезапно идиллия была нарушена громким возмущенным воплем. Мы с Даном, не сговариваясь, повернулись в сторону звука. Элланон же скептически уставился на домик, из которого неслись возмущенные крики.

– Что ЭТО такое? – в смятении поинтересовалась я.

Элланон улыбнулся и ответил:

– Молодожены...

Стена домика треснула и осыпалась на землю.

– Клинические, – уточнил Элланон.

Из неровной обугленной дыры вылетел приличных размеров боевой пульсар и устремился по непонятной траектории в небо, оставляя за собой дымный след.

– И кто же наслаждается семейным счастьем? – заинтересовалась я.

В этот момент раздалась нецензурная фраза на орочьем языке, а потом из дома выскочил черноволосый встрепанный эльф, который перемахнул через чудом уцелевший балкон и очутился на узкой лесенке, серпантином обегавшей ствол ясеня, на котором находилось пострадавшее строение.

– Узнаешь Элдариэна. Женился пять лет назад, – ухмыляясь, ответил зеленоглазый эльф. Иллидан же просто стоял и смотрел на разворачивающееся перед нами батальную сцену с приоткрытым от удивления ртом. – Ллина, это еще что! Вот сейчас его жена выбежит...

И точно – на слегка закоптившемся балкончике показалась девушка двадцати лет с длинными снежно-белыми волосами. Она перегнулась через ажурное плетение и прокричала стоявшему на лестнице супругу:

– Рин! Еще раз потащишь меня на прием к своей высокопарной дальней родне, останешься сиротой!

Тот в долгу не остался и моментально парировал:

– Алена, а ты соображаешь хоть что-то? Зачем ты им сказала, что знакома с властителем темных эльфов?

– Не фига было передо мной нос задирать только потому, что я человек!

– Еще слово, и я пойду к Властителю!

Элдариэн действительно сделал пару шагов по лестнице, тогда девушка на балконе опасно перегнулась через ограждение и невозмутимо поинтересовалась:

– И на фиг?

– Разводиться!

Молодожен гордо спустился еще на четыре ступеньки, а беловолосая повысила голос:

– Ну и катись к своему Властителю. Все равно не разведешься!

– Это еще почему? – удивленно спросил супруг.

Честно говоря, интересно было не только ему – я оглянулась и заметила, что как минимум пять десятков эльфов побросали свои дела и наблюдали за бесплатной театральной постановкой сцены из бытовой жизни супругов. Девушка на балконе невозмутимо оперлась на балюстраду и заявила:

– Во-первых, потому, что на следующий день ты от скуки взвоешь, во-вторых, ты меня любишь, а в-третьих, я уже вторую неделю беременна!

Все, аншлаг! Выдав сию убойную фразу, молодая жена нахально уселась на балюстраду и с обольстительной улыбкой уставилась на своего благоверного. Элдариэн секунд тридцать переваривал сказанное, а потом выдал фразу, которую говорят 99,9 процентов мужчин, услышав от своих половин такое признание:

– Ты уверена?

Девушка на балконе кокетливо откинула прядь белоснежных волос и ответила:

– Ведьма я или нет? Разумеется, уверена.

Элдариэн сделал несколько пассивных руками, телепортировался к жене, аккуратно снял ее с балюстрады и на руках отнес в дом. Дыра в стене моментально затянулась...

Элланон улыбнулся и сказал:

– Все, спектакль окончен. Продолжение ждите дней через пять.

– Откуда такая точность? – осведомилась я.

– А они раз в неделю подобные разборки устраивают. Правда, может теперь Алена угомонится...

– Я-асно... – протянула я. – Все вокруг женятся, всем весело... Может, и мне замуж выйти? – пробормотала я себе под нос, а потом, повысив голос, спросила у Иллидана: – А ты на мне женишься не хочешь?

Эльф подскочил, как будто ему кнопку на стул подложили, и уставился на меня настолько дикими глазами, что я поспешила его успокоить:

– Да шучу я, шучу!

Элланон хитро блеснул глазами:

– Ллина, а ты ведь такая же шептунья, как и Алена. Ох, не позавидую я твоему мужу... Если такой когда-нибудь появится...

– Кто бы говорил. А то я Нииту не знаю. Вампириши-то в гневе о-го-го!

Элланон смутился и поспешил сменить тему:

– Вон там мы и живем. Предлагаю вам расположиться у нас, а там с утра пораньше отправимся в Вира-Нейн. Возражения есть?

Мы с Даном переглянулись и покачали головами. Элланон улыбнулся и сказал:

– Вы устраивайтесь, а я пока схожу к Властителю. Надо предупредить, что меня какое-то время не будет.

– Элланон! – Я придержала его за рукав туники. – Спасибо, что согласился помочь.

– Ллина, – эльф положил мне ладонь на плечо, – я ведь говорил, что если тебе что-то понадобится, то никогда не откажу.

– Но ты ведь даже не знаешь, какого рода помощь может потребоваться!

– А это не важно. Ты мой друг, и в беде я тебя не оставлю. – Элланон улыбнулся и, распахнув дверь домика, построенного не на дереве, а на земле, сказал: – На втором этаже свободные комнаты. Располагайтесь, а я скоро буду.

Мы с Даном переглянулись и одновременно рванули вверх с твердым намерением отхлпать себе максимально широкую и удобную кровать, коя нашлась во второй комнате слева. Ложе было воистину королевским, шириной метра два с половиной, застеленное лиловым шелковым покрывалом, с кучей разномастных подушечек, а венчалось все нежно-фиалковым полупрозрачным балдахин. Я, первая добравшись до этого чуда, с размаху в длинном прыжке рухнула на покрывало, сметая на пол добрую половину шелковых подушек и едва не сорвав с петель балдахин. Дан, увидевший, что я умудрилась оттяпать, после тщательного осмотра остальных комнат, впрочем, не содержащих никакой другой кровати, пришел ко мне и безапелляционно растянулся рядом, скинув на пол оставшиеся подушки. Я недовольно покосилась на него, но наглый эльф ответил мне настолько обезоруживающей улыбкой, что я даже не стала пытаться спихнуть его с честно занятой мною роскоши, ограничившись мелкой местью в виде внезапно взлетевшей с пола подушки, которая со всего маху впечаталась в аристократическое эльфийское лицо.

Дан возмущенно воскликнул, но повторить фокус с левитацией не сумел, поэтому ограничился тем, что просто спихнул меня с кровати. В ответ я предусмотрительно заползла под сей шедевр столярного искусства, откуда принялась вести партизанскую войну с помощью разом взлетевших с пола подушек, которые планомерно бомбардировали эльфа, наслаждавшегося отвоєванным у меня постельным пространством. Я же, прислушиваясь к воплям Дана, пытавшегося под подушечным обстрелом добраться до меня, тихо хихикала, лежа под кроватью.

Веселье закончилось тогда, когда Иллидан догадался-таки приподнять покрывало с пола, видимо, решив укрыться в единственном надежно защищенном месте комнаты. Одним рывком он выдернул меня из убежища и тотчас стукнул пойманной за уголок лиловой подушкой по месту чуть ниже спины, так что из несчастной подушки ворохом посыпались перья. Я взвизгнула и, подняв с полу бледно-сиреневую подушку, мастерским ударом запустила ее в ухмыляющуюся физиономию своего приятеля. Состыковавшись с ним, подушка треснула по шву, засыпав эльфа с головы до ног перьями...

Когда Элланон вернулся, то вся комната оказалась заваленной перьями из порвавшихся подушек, балдахон скромной тряпочкой валялся в углу, а на ложе размера king size безмятежно почивали мы оба, по уши засыпанные перьями, но так и не поделившие кровать... Элланон оглядел комнату, представлявшую собой Святую Русь после татаро-монгольского нашествия, и аккуратно прикрыл дверь...

Пробуждение для меня стало крестной мукой. На таком ложе, да еще в нормальном доме. В общем, когда я соизволила оторвать голову от шелковой подушки, то представшая пред очами картина заставила меня подпрыгнуть. Вокруг царил погром... Нет, не так. Вокруг царил ТАКОЙ погром! Бардак был просто жуткий – две или три подушки лежали, порванные по шву, и перья их них неровным слоем засыпали весь пол. А в довершение ко всему я обнаружила, что во сне переползла на половину Дана, да там и осталась, свернувшись калачиком и прильнув к эльфу. Тот, судя по всему, против этого обстоятельства явно не возражал, так как его руки обвили мою талию. То-то мне всю ночь было так тепло и уютно...

Ошарашенная всем этим, я перевела взгляд на спокойное лицо эльфа и вздрогнула, увидев, что он проснулся и теперь смотрит на меня своими удивительными глазами цвета черного жемчуга. Я не придумала ничего умнее, как тихо пробормотать:

– А у тебя перья в волосах...

Дан улыбнулся и, убрав руки с моей талии, ответил:

– У тебя тоже. Причем если их все повытаскивать, то можно набить маленькую подушку.

– Для иголок? – съязвила я.

– Нет, – невозмутимо ответил мой приятель, сладко, с хрустом потягиваясь и закидывая руки за голову, – значительно большую подушку.

– Нахал! – ответила я.

– Обижаешь, – отозвался он.

– Ничуть. Это не оскорбление, а констатация факта, – назидательно ответила я, сложила ладони лодочкой и призвала стихию Ветра.

В ту же секунду в комнате возник вихрь, который буквально за полминуты восстановил ее первоначальный вид. После этого я бросила взгляд на Дана и сползла на пол, тихо хихикая и честно стараясь не сорваться на неприличный гогот. Дело в том, что гордый эльф выглядел сейчас так, словно его пропылесосили старым, еще совковым пылесосом «Буран». Серебряные длинные волосы были идеально чистыми, но страшно спутанными и слегка вздыбившимися, отчего создавалось впечатление, что на эльфе надет побитый молью парик. Дан ощупал то, что в данный момент сотворилось у него на голове благодаря моим стараниям, и выразительно скривился. Я окончательно расклеилась, и смех прорвался-таки из меня совсем уж неприличным ржанием. Сделать так, чтобы его волосы приняли свой первоначальный вид, мне удалось только через пять минут. Мгновение спустя входная дверь хлопнула, и на пороге появился уже одетый по-походному Элланон.

– Ну как, готовы ехать?

Мы переглянулись и синхронно кивнули. Хозяин дома улыбнулся и вышел. Я сорвалась с места и устремилась за ним.

– Элланон, думаю, проще телепортироваться прямо к Вира-Нейн. Как раньше, помнишь?

Он посмотрел на меня:

– Вообще-то я думал, что тебе будет приятней проехаться по Рионе на лошадях. Тем более что это займет всего лишь неделю.

Я задумалась:

– Знаешь, вообще-то ты прав. Мне действительно хотелось бы попутешествовать по этим местам обычным немагическим путем.

– Тогда чего мы ждем? Кони уже оседланы и ждут нас у границы города. – Эльф склонился в шутовом поклоне. – После вас, Путешественница.

– Благодарю! – Я присела в легком реверансе и вышла на улицу, туда, где разливался ласковый солнечный свет.

Вира-Нейн встретил нас осинами, заросшим оврагом и недовольным Стражем. Эльфы-то прошли без проблем, но вот меня он отказывался впускать наотрез, мотивируя тем, что сегодня Кладоцветень и не фига мне его портить. Я обиделась не на шутку и потребовала отвести меня к Мастеру. Страж нахохлился. Впустили меня только после того, как в спор вмешались эльфы.

Пока мы неспешно ехали по улицам, я внимательно осматривала отстроенный город. Дома стояли гораздо реже, чем раньше, – настолько уменьшилась численность вампиров после войны. Мы проезжали по чистым улочкам, по которым гуляли празднично одетые горожане, но в моей памяти почему-то постоянно всплывали совершенно иные картины – те же улицы, только залитые кровью, засыпанные мусором и горящими баррикадами.

Элланон, видимо, почувствовал мой настрой. Его рукопожатие меня немного успокоило, и я наконец-то поняла, почему Путешественники почти никогда не возвращаются в однажды исправленные миры – слишком тяжело это для собственной памяти. Я выпрямилась в седле и заставила себя думать о Ниите. Интересно, какой стала девушка-вампириша за прошедшие годы? Изменилась ли вообще?..

Вампириша свалилась как снег на голову. Причем в буквальном смысле. Мы с Даном шарахнулись в разные стороны, когда на Элланона в длинном прыжке набросилось что-то, издававшее дикие вопли. Я уже соображала, каким заклинанием угостить столь дерзкого нападающего, как вдруг с изумлением обнаружила, что эльф схватил это нечто в охапку и тут же запечатлел на его губах смачный поцелуй. Удивившись еще больше, я присмотрелась повнимательнее и обнаружила, что у Элланона на коленях сидит Ниита!

За прошедшие годы моя приятельница практически не изменилась – разве что фигура утратила юношескую хрупкость и приобрела более женственные формы. Ее длинные черные волосы были уложены в сложную прическу, а вместо обтягивающего костюма на вампирише оказалось надето лиловое платье с корсажем, обшитым пышными кружевами... Глядя на абсолютно счастливых Нииту и Элланона, я подумала, вправе ли отрывать своих друзей от мирной жизни, звать туда, откуда они могут и не вернуться?.. Дан наклонился ко мне и тихо сказал:

– Ты уверена в том, что хочешь разрушить их жизнь?

Удивительно, как он угадал мои мысли. Я печально посмотрела в глаза цвета черного жемчуга и покачала головой.

Разумеется, я не хочу.

И не буду.

Я уйду и больше сюда не вернусь. Пусть я навсегда потеряю друзей, но зато они останутся живы. Я глубоко вздохнула и уже собралась напомнить о себе миру, как вдруг Ниита наконец-то меня заметила.

Честно говоря, я думала, что не выживу после столь крепких объятий полуторагодовалой вампириши. Свободу я получила лишь после того, как Иллидан соизволил деликатно напомнить, что у меня голова уже свесилась, как у придушенного кошкой куренка.

– Ллиночка... – Вампириша еле слышно всхлипнула. – А я уже и не надеялась, что ты

вернешься.

– Я и сама не знала. А ты, смотрю, уже и замуж вышла. И каково оно? – ехидно спросила я.

Ниита слегка покраснела, а Элланон приобнял ее за талию.

– Все ясно, – вынесла я свой вердикт. – Можете не отвечать.

Супруги переглянулись, а потом вампирша сказала:

– У нас сегодня Кладоцветень. Ты не присоединишься?

Я задумалась. С одной стороны, нужно торопиться, но с другой... А, какая разница! В конце концов, повеселюсь напоследок. Я улыбнулась и ответила:

– С удовольствием!

– Отлично! – Подруга отклеилась от мужа и подхватила меня под локоток, уводя куда-то вниз по улице. Я попыталась было воспротивиться, выразительно оглядываясь на столь невежливо брошенных нами спутников, но Ниита была непреклонна.

– Ллина, перестань! Мальчики позаботятся о себе сами, а девочки тем временем выпьют легкого вина и поболтают. Возражения есть? – преувеличенно ласково осведомилась она, демонстрируя острые белоснежные клыки.

Я подумала и замотала головой.

– Вот и чудно! – Она улыбнулась еще шире и потащила меня за собой.

Я не сопротивлялась – бесполезно.

Мы с Ниитой сидели друг против друга, потягивая сладкое эльфийское вино и отрешенно глядя на солнечный закат. День в ее обществе пролетел совершенно незаметно – сначала вампирша устроила мне расслабляющую ванну с душистыми маслами и розовыми лепестками, после которой я совершенно размякла и потихоньку рассказала про годы, которые я провела, будучи Путешественницей, про то, как я жила после нашей разлуки, про Валериану, которая, скорее всего, будет моей последней попыткой сделать миры лучше. Ниита слушала, не перебивая, глядя на меня шоколадно-карими мудрыми глазами, а после того как я закончила, задала только один вопрос:

– Если ты пойдешь к Валериане прямо сейчас, то погибнешь?

Я не стала выпендриваться и кривить душой, а просто кивнула. Вампирша посмотрела мне в глаза и твердо сказала:

– Тогда я иду с тобой.

– Ниита...

– Не спорь! Ты рисковала собой, чтобы спасти Вира-Нейн. Так неужели я не могу теперь тебя отблагодарить? Или считаешь, что раз уж спасаешь миры пачками, то их жители недостойны того, чтобы прийти тебе на помощь?!

– Нет, конечно. Просто Путешественники не ждут подмоги ни от кого. Разве что от своих Хранителей.

Я притихла, а Ниита внезапно улыбнулась и положила ладонь мне на плечо, совсем как Элланон.

– Я твой друг, Ллина. И ничто этого не изменит. Я пойду с тобой. Даже если ты будешь против... Я тебя не брошу.

– Спасибо, Ниита. – Впервые за все время после столкновения с Валерианой я улыбнулась по-настоящему легко. – Теперь мне уже не так страшно.

Вампирша ехидно ухмыльнулась и проскрипела донельзя противным голосом:

– Ой, а наша девочка, оказывается, чего-то боится... Ла-ла...

– Ниита! – угрожающе протянула я, старательно пряча в глазах пляшущих чертиков. – Утоплю в этой самой ванной!

– Попробуй! – оскалилась та.

Следующие полчаса мы отрывались по полной и устроили в бане самый что ни на есть настоящий потоп, залив пол и расплескав почти всю воду. На шум прибежала банщица и выгнала нас в три шеи, причем мы с Ниитой при этом хохотали и визжали как сумасшедшие.

Потом наступила очередь шатания по вампирским лесам, где мы благополучно распугали всех леших и поиграли со стайкой ребятишек в казаки-разбойники, попутно разбив три окна (случайно) и ограбив чей-то огород (уже целенаправленно). В общем, день удался. И вот теперь мы сидели в Ниитином домике на веранде, попивая охлажденное вино и болтая о всякой ерунде в ожидании Кладоцветня.

– Кстати! – подскочила вампирша. – Я забыла! У тебя есть платье?

Я помотала головой.

– В принципе я могу его создать...

Приятельница только отмахнулась:

– Не-эт, я уж лучше тебе сама чего-нибудь подберу! Подожди меня здесь! – Она скрылась в комнате, я же рассеянно поправила розовый шелковый халат, в который была обряжена, и бесцельно уставилась на небо.

Солнце уже почти зашло, раскрасив небо у горизонта в ярко-красный цвет, который постепенно бледнел, заполняясь вечерней синевой. Я вздохнула, и вот тут появилась вампирша, потрясая в воздухе чем-то бледно-голубым с белоснежными кружевами.

– Что это такое? – спросила я.

– Платье! – радостно ответила Ниита.

Тихо застонав, я страдальчески закатила глаза...

Я смотрела на свое отражение в большом зеркале и думала, что Дан наверняка оценит то, что для меня отыскала подруга. Нет, платье, безусловно, было великолепно – бледно-голубая летящая юбка до середины лодыжек мягко облегла бедра, зрительно делая их стройнее, атласный корсаж с кружевами подчеркивал талию и настолько приподнимал грудь, что мой второй номер смотрелся более чем достойно, а довершали картину асимметричные рукава и открытые плечи.

– Шикарно... – мрачно пробормотала я.

– Нравится? – довольно спросила Ниита.

– Очень... – призналась я. – Вот только подол бы покороче.

– Ну, это легко исправить. – Ниита встала и потянулась было за ножницами, но я остановила ее, аккуратно укоротив подол до колена с помощью магии.

– Так-то лучше! – улыбнулась я, представив выражение лица Дана, когда он вместо вечно занятой, встрепанной Путешественницы в мужской одежде обнаружит вполне симпатичную девушку. Этой мыслью я поделилась с Ниитой, вызвав ее понимающую улыбку.

– Только попробуй сказать, что он мне нравит-ся... – начала было я.

– Не буду, не буду! – пообещала вампирша.

– Потому что так оно и есть! – закончила я.

Ниита секунду смотрела на меня округлившимися глазами, а потом звонко засмеялась.

– Поня-я-ятно. О, чуть не забыла! – Она пошарила в шкафу и выудила бежевые туфли на высоком каблуке. – Думаю, что эти подойдут.

Я с сомнением покосилась на высоту каблука, после чего представила, как буду на них ковылять, и наколдовала себе белые кожаные сандалии на плоской подошве. Вампирша пожала плечами и убрала туфли обратно.

– Ладно, подожди меня минут десять – я оденусь. Потом причешемся и пойдем гулять. В конце концов, сегодня Кладоцветень! А в этот праздник надо делать только то, что хочется, и не мешать веселиться другим.

Подруга скрылась в соседней комнате, а я еще раз критически оглядела себя в зеркале. Ладно, сейчас я просто Ллина. Путешественница осталась во вчерашнем дне и снова появится только с восходом солнца. Сегодня я буду веселиться, не думая ни о чем.

Улицы были заполнены празднующимся народом. Повсюду раздавались музыка, смех и восторженные крики. Вира-Нейн жил своей жизнью. Ниита подцепила меня под локоток и потащила туда, откуда неслась залихватская мелодия. Волосы я укладывать не

стала, ограничившись тем, что распустила извечные косы и вплела в несколько кудряшек небольшие ярко-синие цветы. Мы шли по городу, постреливая по сторонам чуть подведенными глазками и откровенно веселясь каждой попытке завести необременительное знакомство. Про опрометчиво оставленных кавалеров я спросила только раз, да и то мимоходом, на что Ниита, фыркнув, ответила, что Элланон прекрасно знает, где она предпочитает шляться, так что мы с ними обязательно пересечемся.

– Ага, а папоротник искать не будем? – ехидно спросила я.

– Не-а. Вот танцы на лесной поляне не пропустим.

– А поподробнее? – заинтересовалась я.

Вампирша задорно улыбнулась и пояснила:

– В Кладоцветень на одной из полян запаливается приличных размеров костер, и все танцуют вокруг него. Пожара можно не опасаться – жена Мастера ведьма, она зачаровала эту поляну настолько, что, кроме костра в ее центре, там вообще ничего зажечь нельзя.

– И мы сейчас идем туда?

– Да, – подтвердила Ниита.

– Тогда – вперед!

Музыка становилась все громче по мере того, как мы приближались к залитой золотисто-оранжевым светом поляне, посередине которой горел костер высотой метра в три. Когда мы к нему вышли, музыканты заиграли новую мелодию – она начиналась с медленных переливов, после чего темп резко возрастал. С каждым «всплеском» музыка становилась все громче и быстрее. Ноги пустились в пляс, и мы с подругой, сами того не заметив, оказались танцующими. Не знаю, в какой момент я умудрилась снять сандалии, но у огня была уже босиком, ощущая под ногами мягкую траву и теплую землю.

Ниита красиво выгнулась в такт мелодии, и я восхищенно ею залюбовалась – ярко-зеленое платье подчеркивало красоту вампирши, в ее глазах играли отблески пламени, а волосы растрепались и теперь в художественном беспорядке обрамляли лицо. С интересом подумав, как же выгляжу сама, я краем глаза заметила, что Ниита танцует уже в паре с Элланом, который неизвестным мне образом очутился рядом.

Я сделала шаг назад и тотчас с кем-то столкнулась. Обернувшись, чтобы извиниться, я буквально провалилась во взгляд бездонных глаз цвета черного жемчуга, в которых отражался костер. Дан протянул мне руку, и я вложила в нее свою ладонь. В конце концов, сегодня Кладоцветень. И наплевать, что будет завтра! Я улыбнулась и позволила эльфу увлечь себя в круговорот танца.

Утро настигло меня в мягкой и донельзя удобной постели. Я с наслаждением потянулась и отбросила одеяло. Внизу уже вовсю хлопотала вампирша, занятая приготовлением завтрака, – это я определила по аппетитному запаху и ее возмущенным воплям:

– Элланон, убери руки! Сколько раз можно говорить – не хватай ничего до завтрака!

Милые семейные будни. Как хорошо.

Я встала и подошла к большому зеркалу, висевшему на противоположной стене.

Придирчиво оглядела себя.

Вроде все в порядке – волосы на месте, все остальное тоже. Стоп. А ЭТО ЧТО?

На шее, ближе к ключице, у меня темнел свежий кровоподтек, как от чересчур страстного поцелуя.

Та-а-ак, девушка, и чем же вы вчера занимались?

В полной непонятке я уселась на разобранную кровать и задумалась, восстанавливая события прошедшего вечера.

Мы с Даном танцевали почти до упаду, абсолютно забыв о существовании кого-то еще. Потом я утатила его в лес, искать папоротник. На кой черт, спрашивается?.. Ну, ладно, а засос-то откуда?

Вот черт!

Я подскочила, вспомнив последствия опьянения от вина, выпитого накануне. Нет, спиртного было не так много, чтобы впасть в полубессознательное состояние и частичную амнезию, просто у меня слегка отказали внутренние тормоза. Этого оказалось достаточно, чтобы в процессе поиска папоротника забрести лесом, где я, оглядев Дана уже нетрезвым взглядом, потребовала романтики. Эльф некоторое время пытался деликатно выяснить, что именно я под этим подразумеваю, после чего я без лишних разговоров впиалась в его губы страстным поцелуем. К чести приятеля, он не стал отпихивать меня с воплем «Насилуют!», а попросту деликатно отстранил. Я обиделась и тихонько сказала, что я, кажется, влюбилась в него... Иллидан как-то странно посмотрел на меня, а потом, видимо решив, что в дальнейшем подобной возможности может и не представиться, сам склонился ко мне... Очнулась я только тогда, когда эльф начал страстно лобызать мою шею, постепенно спускаясь все ниже. То ли он перестарался, то ли я протрезвела, но вырвалась из его объятий с таким ошалелым видом, что перепугала и себя, и эльфа, после чего незамедлительно телепортировалась в Ниитин дом, где и отрубилась, не успев снять с себя платье.

Я тихонечко взвыла, представив, как после вчерашнего мне придется смотреть в глаза Дану. Вот что значит расслабиться и забыть о том, что ты Путешественница. Я встала с кровати и, сняв изрядно помятый наряд, умылась холодной водой из кувшина и натянула привычный дорожный костюм и сапоги, после чего легкой походкой сбежала вниз по лестнице.

– Всем доброе утро! – поздоровалась я и немного покраснела, столкнувшись с прямым взглядом Иллидана, уже сидевшего за столом.

Впрочем, я быстро взяла себя в руки и уселась напротив него, запустив зубы в попавшийся мне пирожок. Ниита понимающе переглянулась с супругом и вышла с кухни во двор, откуда мы вскоре услышали ее голос:

– Лан, помоги мне!

Зеленоглазый эльф сорвался с места, Впрочем, задержавшись в дверях, чтобы подмигнуть мне. Я поперхнулась, Дан принялся услужливо стучать мне по спине. Наконец подлый кусочек был проглочен, а эльф виновато посмотрел на меня:

– Ллина, вчера...

– Не надо. Я сама виновата, поэтому давай просто забудем этот инцидент, ладно?

Возможно, я слишком смутилась, поэтому слова прозвучали излишне сухо и жестко. Иллидан помрачнел, и его лицо застыло маской непроницаемого равнодушия. Помолчав, он саркастически улыбнулся и отвесил мне шутовской, полный иронии поклон.

– Прошу прощения, Путешественница, за то, что заподозрил в вас теплые чувства по отношению ко мне. Поверьте, такого больше не повторится. Я буду ждать отправления во дворе. Мое почтение.

Эльф встал из-за стола и, не оборачиваясь, вышел из кухни. Я же тупо смотрела в свою тарелку, пытаясь понять, чем же я его так обидела? Возможно, была с ним слишком резкой? Не знаю.

Через пару минут вошла Ниита, одетая уже по-походному. Я подняла на нее глаза и вяло улыбнулась, мимоходом отметив, что на подруге костюм, который как две капли воды походил на тот, который она носила во время вампирской войны. Волосы она стянула в хвост, а множество разнокалиберных метательных ножей внушало уважение. И это с учетом того, что количество скрытых кинжалов знала, пожалуй, только одна Ниита. Вампириша уселась рядом со мной и обеспокоенно спросила:

– Ллина, что вы с Даном не поделили? Он вылетел во двор злой, как мой муж, когда я однажды чистила картошку его фамильным кинжалом... Спрашивается, зачем нужно такое оружие, которое от какой-то картофелины ломается?

Я мрачно посмотрела на Нииту и красноречиво оттянула ворот рубашки, демонстрируя кровоподтек. Вампириша уставилась на него, как на священный стигмат, а потом тихо спросила:

– Это Дан?

В ответ я кивнула. Подруга подскочила с тихим рыком и метнулась к двери, которую я с помощью магии едва успела захлопнуть прямо перед ее носом.

– Ллина, не держи меня. Этот эльф слишком много на себя взял!

– Успокойся. Я сама этого хотела.

– Тогда не понимаю... – Ниита отошла и уселась рядом со мной. – Чего ж он тогда такой злой вышел?

– Потому что я попросила его забыть об этом...

– Но...

– В приказном тоне, – закончила я.

Лицо вампириши прояснилось, и она улыбнулась:

– Теперь мне точно все ясно. Поверь, милые бранятся...

– Здесь другое, – раздраженно отмахнулась я. – Мы с Даном друзья.

– Только ли? – хитро улыбнулась Ниита. – Мне кажется, что между вами установилось нечто большее, чем просто дружба.

– Вряд ли. – Я встала, с грохотом отодвинув стул. – Ниита, нам пора отправляться. К тому же мне необходимо заскочить в еще один мир.

– Туда, где живет еще один эльф, про которого ты мне говорила? – прищурилась подруга.

– Да.

Я широким шагом прошествовала через кухню и вышла во двор, где нас уже дожидались Элланон и Дан, с лицом, напоминавшим мраморную маску. Я подождала, пока вампириша закроет дом на ключ и, сосредоточившись, раскрыла золотистый портал в Зеркальную галерею.

– Прошу. – Я сделала широкую отмашку рукой. – Билет в Галерею уже выдан.

– То есть как – ты идешь туда одна? – Вопль Нииты, переходящий в ультразвук, буквально ввинтился в уши и эхом разнесся по Галерее.

Я поморщилась, а Арсений демонстративно поковырял пальцем в ухе. Это подействовало, и вампириша, ко всеобщему облегчению, сбавила обороты.

Я страдальчески взглянула на Элланона, который полностью разделял позицию жены, и, возведя очи к потолку Галереи, принялась объяснять:

– Ниита, тебе туда нельзя. Вампиров в этом мире не просто недолюбливают, как в Рионе. Их там люто ненавидят все расы без исключения, причем совершенно бесспорно. Вампиры там кровожадные существа, убивающие не столько ради пропитания, сколько для забавы. Это чума того мира. Понимаешь, моих друзей я, предположим, еще смогу убедить, что ты кардинально отличаешься от тех чудовищ, но объяснить это целому городу я не сумею. А подвергать тебя дополнительному риску просто не хочу. И не имею права.

Кажется, мои слова возымели действие, потому что Ниита ответила спокойнее:

– Хорошо, но почему тогда ты не возьмешь с собой Элланона или Дана?

– Элланон должен остаться с тобой. А Дан... Его присутствие будет выглядеть для горожан слишком подозрительно. В том мире некоторые агрессивно настроенные личности меня еще наверняка не забыли.

– С чего ты так решила? – заинтересовался Элланон.

– Потому что в одиночку Валериана не смогла бы выкрасть Печать Серафима. Ей помогли. И это был тот, кто наверняка знает обо мне. Поэтому я пойду одна, и точка.

– Нет. – Спокойный голос Дана с металлическими нотками заставил меня обернуться. Эльф стоял в пяти шагах от меня, сжимая в руках свою at'tha hianda. – Одну я тебя не отпущу.

– Тебя не спросила! – фыркнула я. – Уже сотню лет по мирам мотаюсь, поэтому мне лучше знать, куда надо идти с кем-то, а куда можно и в одиночку!

– Без меня ты туда не пойдешь, – по-прежнему спокойно повторил он.

В ответ я демонстративно направилась к бирюзовому portalу.

Иллидан ухватил меня за локоть, когда я находилась буквально в двух шагах от «окна». Я посмотрела в его глаза, ставшие черными от едва сдерживаемых эмоций, и тихо сказала:

– Отпусти.

– Нет.

– Придется. – Я окуталась сеточкой белоснежных молний, которые больно жалили ладонь эльфа, но он только сильнее сжал ее.

– Отпусти, – повторила я.

Дан упрямо мотал головой. Я смотрела в его глаза и видела, что он скорее позволит сжечь себе руку, чем отпустит меня одну туда, откуда я могу не вернуться...

Неужели моя «смерть», которую эльф наблюдал шестьсот лет назад, так сильно на него повлияла?

Я улыбнулась и тихо сказала:

– Прости, но тебе туда правда нельзя... – С этими словами я направила крошечный, почти безболезненный разряд в его ладонь, она на мгновение разжалась, а я скользнула в портал, который моментально захлопнулся за моей спиной...

Иллидан, тебе действительно туда нельзя.

Потому что там уже есть один эльф, с которым мне предстоит разговор с глазу на глаз.

Аннимо Орве...

Глава 4

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В АД

Портал выбросил меня прямо на ступеньки Храма Семи Дорог. Я с чертыханиями потеряла ушибленный копчик и, слегка покряхтывая, поднялась. К моему удивлению, местность вокруг напоминала Хиросиму после того, как на нее сбросили атомную бомбу, – вместо прихрамовой области и хозяйственных помещений повсюду красовались живописные развалины. Самому храму досталось незначительно – разрушенным было только северное крыло, которое в данный момент обросло строительными лесами. Некоторые фрагменты стены уже восстановили, из чего я сделала вывод, что не так уж плохи дела в храмовом «королевстве». Ладно, будем надеяться, что за прошедшие одиннадцать лет меня здесь не забыли.

Некоторую информацию об изменениях, которые произошли в этом мире, я получила, когда проходила сквозь портал. Эльфы, к моему глубочайшему сожалению, перебрались из западных лесов на юг. Гномы появляются все реже, а вот тролли, напротив, переселились ближе к людям. Прочий информационный хлам вроде смены правления у людей и изменения государственных границ я пропустила мимо ушей. Итак, что мы имеем? С троллями проблем нет, но... Интересно, как я найду тех, кто мне нужен? Ведь за одиннадцать лет их могло разнести по разным концам света. Ладно, людей отыщу, тролля, возможно, тоже, но вот с эльфом и гномом будут проблемы. Что, если Аннимо отчалил вместе со своими сородичами на юга?..

С такими невеселыми мыслями я постучала тяжелой чугунной колотушкой в дубовую дверь. Не открывали настолько долго, что у меня сложилось впечатление, будто в храме либо все вымерли, либо находятся в длительном запое. Наконец приоткрылось маленькое окошко, забранное чугунной решеткой, и за ней возникло бледное лицо.

– Что вам здесь надо? – невнятно пропищал его обладатель.

– Поговорить с настоятелем. Когда-то он отправлял меня за Печатью Серафима. Мое имя Ллина.

В ответ тихонько икнули, и дверь подозрительно быстро распахнулась, явив миру тощего служителя в коричневой рясе. Наклонив чисто выбритую голову, он затараторил:

– Проходите, я отведу вас к настоятелю.

Я пожала плечами и вошла.

Мы шли, долго и упорно петляя коридорами и поднимаясь вверх по лестницам. Покорно идя следом, я наконец-то поняла, почему монах такой худой – если каждый раз носиться по зданию с такой оригинальной архитектурой, то никаких жиров и в помине не останется! А если еще вспомнить о грехе чревоугодия, от которого служители старательно избавляются... Втайне посочувствовав нелегкой монашеской доле, я невольно улыбнулась, вспомнив невысокого и кругленького, как колобок, настоятеля. Уж кто-кто, а он-то плоть явно не умерщвляет.

Наконец служитель остановился перед простой дверью и, смиренным жестом указав на нее, тихо произнес:

– Здесь обитель настоятеля. Проходите.

– Эй, погоди! – Я поймала развернувшегося было монаха за край рясы. – Раньше к настоятелю без предварительной записи вообще было не прорваться, а теперь стоило только попросить – как сразу пускают. В чем дело?

– Другие времена – другие нравы, – непонятно пояснил служитель и, аккуратно высвободив из моих пальцев край одежды, скрылся за поворотом.

Я озадаченно посмотрела ему вслед, а потом негромко и очень вежливо постучалась. Дождавшись, пока раздастся тихое «Войдите», толкнула дверь и оказалась в светлой келье, которая напомнила мне рабочий кабинет: шкафы с книгами, огромный письменный стол у окна, заваленный бумагами, и только узкая, аккуратно застеленная кровать у дальней стены свидетельствовала о том, что это была все-таки жилая комната. Человек, сидевший за столом, поднял голову, и я с трудом узнала в этом старике настоятеля Храма Семи Дорог.

За прошедшие годы он сильно постарел и осунулся. Каштановые волосы почти полностью поседели, а лицо покрылось сетью морщин. Только яркие серые глаза были прежними. Настоятель взглянул на меня и пригласил присесть. От удивления я подчинилась и уселась на стул напротив письменного стола.

– Здравствуй, дитя мое. Хотя, я уверен, ты можешь обратиться ко мне точно так же.

– Простите?

Видимо, впереди меня ждало немало сюрпризов. Осведомленность настоятеля просто настораживала.

– Ты ведь с возрастом не меняешься, не так ли? Так мне объяснила девушка, которая вместе с Кризаном Восьмым выкрала из нашего храма Печать Серафима.

– Как она выглядела?

Я лично знала только одну такую...

– Молодая, стройная, но со старыми и жестокими глазами. Темные глаза, красные волосы...

– Валериана, – тихо сказала я.

– Да, именно так она представилась. А тот маг, который разрушил наш храм, чтобы добраться до Печати, называл ее Хозяйкой. У него была огромная мощь – наши маги пали в первые же минуты боя. Потом он попросту забрал Печать... Мы, к сожалению, ничего не смогли сделать...

– М-да... – Я стала осмысливать полученную информацию.

Все-таки Кризан не погиб, когда на него рухнул потолок. А жаль, скольких проблем я избежала бы...

– Попробую вернуть Печать, – наконец объявила я. – Или, по крайней мере, сделать так, чтобы она никогда более не оказалась в недостойных руках.

Настоятель внимательно посмотрел на меня и уточнил:

– Но ведь не просто так вы этим займетесь?

Так, со мной уже на «вы»... Я печально улыбнулась и ответила:

– Разумеется.

– Назовите вашу цену, – вздохнул старик.

– Мне нужна информация. Сведения о местонахождении тех, с кем я ходила в поход за Печатью одиннадцать лет назад. В идеале лучше собрать всех, кого сможете, прямо здесь, в

Храме. Больше я ничего не потребую. Кроме, конечно, пищи и крова. – Я улыбнулась, а взгляд настоятеля ощутимо потеплел.

Он хитро улыбнулся и сказал:

– Думаю, что с Гидеоном и Камиллой вы сможете встретиться уже сегодня вечером. Они живут в этом городе.

Я нервно мерила шагами обеденный зал в южном храмовом крыле в ожидании встречи со старыми друзьями. Как и было обещано, меня накормили и предоставили отдельную комнату на втором этаже, которая обладала необходимым минимумом удобств. К Камилле и Гидеону были отправлены юные послушники, бывшие при храме на побегушках. Ребята справились со своей задачей на удивление быстро – через час они вернулись с известием, что лорд и леди Лайкстон прибудут к вечеру. До меня не сразу дошло, что «лорд и леди» и есть мои друзья. Интересно, как прожженный авантюрист и алхимик-экспериментатор умудрились получить титул, а пуще того – пожениться? Именно в тот момент, когда до меня донесли эту весть, я всерьез задумалась, что же время делает с людьми. А еще я поняла, что Гидеона и Камиллу я с собой точно не возьму – хватит с меня одной семейной парочки. А за одиннадцать лет в семье и дети случиться могут...

Когда я дошла до этого умозаключения, двери обеденного зала широко распахнули, и монах-привратник патетично провыл тонким голосом:

– Их сиятельства лорд и леди Лайкстон!

После этого, держась за руки и чинно ступая по каменному полу, в зал вошли Гидеон и Камилла.

Первое, что мне бросилось в глаза, – прилично округлившийся живот подруги, месяц седьмой, не меньше. Потом я медленно перевела взгляд на Милино лицо... Да-а, девушка превратилась в настоящую красавицу! Подростковая угловатость сменилась округлыми формами, веснушки пропали начисто, оставив после себя безупречную жемужную кожу... Карие глаза, после того как она узрела мою вечно встрепанную шевелюру и слегка уставшее лицо, расширились до размеров царского пятака. Таким же взгляд стал и у Гидеона. Мила отцепилась от локтя мужа и тихо, очень неуверенно спросила:

– Ллина?

– Мила... Да я это, честное слово.

– Ллина! – Бывший алхимик с восторженным визгом, никак не вязавшимся с образом элегантной дамы, кинулась меня обнимать. Я ответила тем же, поворотив ее волосы, черным потоком ниспадавшие на плечи. – Ллина, это правда ты?

– Правда, правда. Не веришь, могу напомнить, как мы с тобой обсуждали достоинства одного эльфа с фиалковыми глазами...

– Не надо. – Подруга покосилась на мужа и как бы ненароком положила ладонь на округлившийся живот. – Я теперь дама замужняя.

– ...И будущая мать, – улыбнулась я. – Поздравляю. Хочешь, скажу, мальчик будет или девочка?

– Нет, не хочу. – Камилла счастливо улыбнулась. – Нам вообще-то все равно. У нас уже есть и мальчик, и девочка. Так что в принципе не важно, кто родится. Главное – чтобы здоровый...

– Уже двое?... – севшим голосом переспросила я.

Господи, как же летит время для людей! Я Путешественница, вот и забыла о его силе. А у Милы, моей подруги, которую я помню семнадцатилетней девчонкой и к которой до сих пор отношусь как к младшей сестре, уже двое детей! И скоро родится третий! А я... Я до сих пор одна... Мила, видимо, почувствовала мое настроение.

– А ты все такая же... Как в тот день, когда уходила... Честно говоря, до того момента, когда я увидела тебя стоящую на парапете перед золотым порталом, я сомневалась в том, что ты не обычный человек. Сколько лет тебе сейчас?

– Сто двадцать. – Я печально улыбнулась.

– И до сих пор никого?

Я покачала головой. Камилла улыбнулась и хитро подмигнула:

– А ведь одиннадцать лет для эльфа – это ничтожный срок. Ты понимаешь, о чем я?

Я ехидно фыркнула:

– Для эльфов и шестьсот лет ерунда. В одном мире меня помнили на протяжении именно такого срока. И не забыли до сих пор.

– Ну ты крута, подруга! И чего же ты, спрашивается, успела там натворить, если память о тебе не стерлась за шесть веков?

– Да так... – беззаботно пожала я плечами. – Спасла эльфийского принца, заточила в горе толпу темных эльфов и эффектно умерла, упав с обрыва в пропасть.

– Да-а, Ллина, судя по всему, ты развлекалась лучше нас с Милой. – Гидеон ласково обнял жену за плечи. – Мы всего лишь устроили тут маленький государственный переворот, получили в благодарность от нового короля графский титул и успели обзавестись двумя славными наследниками.

– Ну что же, – усмехнулась я, – для людей совсем неплохо. Но теперь все-таки пойдем в мою комнату, если так можно назвать обычную келью. Мне очень нужна ваша помощь.

Через два часа я уже ехала вместе с Милой в карете по направлению к особняку, щедро выделенному в придачу к титулу. Друзья, узнав, что мне нужно, клятвенно пообещали разыскать всех участников того похода или, по крайней мере, разведать, что с ними случилось. Камилла настояла на том, чтобы я переехала к ним на все время, пока буду в этом мире. Поскольку возражения не принимались, я согласилась.

Особняк четы Лайкстонов напомнил мне уменьшенную копию настоящего дворца. Огромный, светлый, украшенный лепниной – от него буквально веяло роскошью. Внутри замок оказался еще лучше – Миле удалось внести в этот немного крикливый внешне дом тепло и уют, чувствовалось, что в этом семейном гнездышке вовсю царит любовь. Радужная хозяйка мило улыбнулась и, подмигнув мне, громко крикнула:

– Дети! Идите, познакомьтесь с маминкой подругой!

Из-за перил лестницы второго этажа высунулись две донельзя любопытные мордашки, чем-то перемазанные, и тут же спрятались обратно. Мила уперла руки в бока и воззвала к своим непутевым чадам:

– Опять шоколад с кухни таскали! Киана, иди сюда и тащи брата, а не то заставлю самостоятельно прибирать всю детскую!

Угроза возымела действие, и по лестнице к нашим ногам буквально скатилась черноволосая девчушка лет восьми, державшая за руку брата, который был копией Гидеона. Мальчику от силы было года четыре, но все-таки он моментально заявил:

– Мама, какая же это тетя? Это девочка.

Мило, очень мило. Я знала, что выгляжу моложе своих лет, но чтобы настолько... Камилла укоризненно поглядела на сынишку и ответила:

– Орион, этой тете больше ста лет. Она волшебница, а волшебницы всегда молодо выглядят.

Теперь детвора смотрела на меня с почтительным недоверием. Наконец Киана попросила тонким серьезным голосом, явно копируя мамин интонации:

– Докажите.

Я улыбнулась, и тотчас надо мной закружилась стайка иллюзорных бабочек. Дети восхищенно захлопали глазами, бабочки превратились в маленьких фей, которые со смехом закружились вокруг нас. В воздухе разлился аромат полевых цветов, и заиграла тихая нежная музыка, которую феи исполняли на малюсеньких серебряных флейтах. Я плавно развеяла иллюзию. Теперь уже не только малыши, но и их родители смотрели на меня с нескрываемым восторгом. Гидеон первым пришел в себя и начал раздавать команды направо и налево:

– Итак, дети, скажите тете Ллине «до встречи» и марш умываться. Через десять минут

чтобы оба были в кроватях. Мила, отведи Ллину в ее комнату, пускай сегодня отдохнет, а завтра сядем вместе и решим, что делать. На ночь глядя мы точно ничего не придумаем. А я пока скажу слугам, чтобы в гостевой комнате подготовили горячую ванну. Возражения есть?

Мы все синхронно помотали головами, а я в очередной раз убедилась, что наш командир почти не изменился.

Утро началось с восторженных детских воплей над моим ухом. С трудом приоткрыв глаз, я увидела перед собой Киану и Ориона, которые сидели на краешке моей кровати, корча друг другу страшные рожицы и смущенно хихикая. Увидев, что я проснулась, они радостно завопили на широченной кровати, подбираясь ко мне все ближе.

– Тетя Ллина, а мама уже приказала завтрак накрыть.

– Да, там сегодня шоколадное печенье дают и булочки с повидлом!

– А еще оладьи.

– Нету там оладьев, – возразила восьмилетняя Киана брату.

– Нет есть, есть. Я сам слышал, как мама приказала кухарке сделать оладьи!

– Ничего ты не слышал.

– Нет слышал!

Та-а-ак, сейчас они подерутся. Я протерла глаза и щелчком пальцев заставила подлететь к себе сиреневый шелковый халат, который Мила презентовала мне еще вчера. Дети моментально перестали препираться, глядя на то, как одежда плавно спланировала мне в руки.

– Тетя Ллина, поколдуйте еще чуть-чуть, ну пожалуйста!

Я закатила глаза к потолку и терпеливо ответила:

– Тетя Ллина спросонья не колдует. Вот после завтрака – пожалуйста.

– Но...

– Не раньше. – Я улыбнулась и подмигнула. – Поедите, пойдем гулять, и я вам покажу несколько фокусов... Ладно?

– Да!

Дети рванули с кровати и вымелись из комнаты в рекордные сроки. Я же, посмеиваясь, натянула на себя шелковый халат и, позевывая, подергала за золотистый шнур.

Горничная появилась подозрительно быстро, причем уже нагруженная кувшином с теплой водой и полотенцем. Пока я приводила себя в порядок, другая горничная, помоложе, приволокла шелковое бледно-розовое платье с высокой талией и длинными летящими рукавами. К наряду прилагались белые кожаные туфельки на низком каблуке и белоснежный шифоновый шарф. Зачем он был нужен, я поняла только после того, как горничные в четыре руки упаковали меня в это розовое платье, а шарф подвязали под грудью так, что концы его свисали почти до пола. Потом они меня причесали, уложив мои волосы короной и выпустив несколько прядок на висках и лбу. После этого девицы поклонились и вышли, тихо прикрыв за собой дверь. Я улыбнулась своему отражению в зеркале. Что ж, выглядела я замечательно, а длина платья удачно прикрывала шрам на правом бедре, которым меня наградила Валериана. Я специально не стала заживлять его до конца: этот и еще один шрам – над сердцем – напоминали мне о том, насколько опасна Путешественница с другой стороны Света. Мне нельзя было забывать об этом, иначе я расслаблюсь, в очередной раз понадеясь на свою неуязвимость, и вот тогда точно хана – следующего шанса может и не представиться. А в том, что встреча с Валерианой состоится, у меня не было никаких сомнений – мы обе жаждали расставить точки над *i* в этом деле.

От размышлений меня отвлек голос Милы.

– Ллина, пойдем завтракать. Гидеон направил людей на поиски наших приятелей, так что первые сведения поступят уже через несколько дней. Правда, посланцы к эльфам и гномам придут не раньше чем через неделю...

– Не страшно, – отмахнулась я. В конце концов, в Галерее время течет несколько иначе. Но вот в других мирах могут быть проблемы... Конечно, мне хотелось бы все сделать побыстрее.

В ответ Камилла только развела руками – мол, сама понимаешь, возможности людей ограничены. Я-то, конечно, все понимала.

Первая встреча состоялась уже через четыре дня. Как я и ожидала, легче всего оказалось найти сэра Маркуса и Гирдыка, которые ошивались в городе: тролль – в поисках очередной работы для наемника, паладин – на службе у нового правителя. Их нашли и позвали в графский особняк. Те явно недоумевали, зачем их пригласили, но когда увидели Милу и Гидеона, то что-то в их головах стало проясняться, а уж после того, как навстречу к ним вышла я, держа за руки Киану и Ориона, их челюсти синхронно стукнулись об пол. Я стояла, довольная произведенным эффектом. Наконец Гирдык пришел в себя и попытался что-то сказать. Высказывание состояло сплошь из непечатных слов, а результатом стало то, что Мила сорвалась с места и попыталась стукнуть тролля по макушке.

– Ты как при детях выражаешься?!

Тролль недовольно покосился на разгневанную хозяйку дома и, видимо решив, что с беременной женщиной спорить бесполезно, повторил ту же фразу, но уже в цензурных выражениях:

– Ведьма, ты где столько лет шлялась?

Я улыбнулась:

– По другим мирам. Кстати, я тоже рада тебя видеть.

С этими словами я подошла к троллю и от души хлопнула его по спине. Гирдык осклабился и ответил мне тем же. Я пошатнулась, но устояла. Таким образом, обмен любезностями был завершен, и я повернулась к паладину.

Сэр Маркус почти не изменился – просто стал серьезнее и сосредоточеннее. Носил он те же серебристые доспехи, на которых теперь красовался герб нового короля. Я протянула ему руку, и паладин почтительно ее поцеловал.

– Леди Ллина, я готов исполнить свою клятву и биться за вас, а если понадобится, то и умереть.

– Сэр Маркус... – Я растроганно улыбнулась. – Искренне рада снова видеть вас. Спасибо, что не оставили в беде.

– Это долг рыцаря, леди. – Паладин еще раз склонил голову и выпустил мою ладонь.

Тролль, окинув нас всех скептическим взглядом, прокомментировал:

– Милка, ты тут хозяйка, вот и корми гостей. Ведьма, а ты колись, что у тебя стряслось. Авось вместе что-нибудь и придумаем...

– Не знаю, с чего и начать...

– С самого начала, – посоветовал мне Гидеон, наблюдая за тем, как Камилла распоряжается насчет обеда. – А там видно будет.

На протяжении последующих полутора часов я вдохновенно расписывала свои похождения. Разумеется, большую часть пришлось опустить – к делу они не относились, но моим слушателям и без того хватило. Гробовое молчание, отвисшие челюсти и округлившиеся глаза – такой была первая реакция. Наконец общее мнение озвучил тролль:

– Ведьма, а ты... того... не звездишь маленько?

– Отправишься со мной, воочию убедишься, – мрачно ответствовала я. – Если я вру, то как ты объяснишь тот факт, что за прошедшие годы я никак не изменилась?

– Ну, я не знаю, – развел ручищами тролль. – Может, у тебя бессмертные в роду были или переспала с эльфом... Поговаривают, что от этого можно омоложиваться...

– Убью! – тихо рыкнула я, и тотчас перед носом Гирдыка завис ярко полыхающий огненный шар размером с кулак.

Тролль икнул и уподобился цветом лица свежепобеленному потолку:

– Э-э... Ллина, убери эту гадость, я ведь пошутил... Хотя, кто вас знает...

Я вздохнула, дезактивировала огненный шар и благополучно сделала вид, что ничего не услышала. Застольное перемирие было восстановлено.

– Итак, – подвел итог Гидеон, – каков вердикт?

– Не знаю, о чем ты говоришь, – громогласно заявил тролль, – но я с ведьмой пойду. Хотя бы для того, чтобы этого пернатого благодетеля увидеть.

Ага, а ведь про вампира я им еще ни слова не сказала...

За Гирдыком высказался сэр Маркус:

– Я тоже с леди Ллиной.

– Что, на ангела глянуть интересно? – ехидно спросила я.

Паладин смутился и начал что-то бормотать о высшей цели каждого воина света, святой вере и прочей ерунде. Короче, смысл его высказываний сводился к тому, что воочию увидеть Голос для него – высшее счастье, ради которого он пойдет на любые испытания.

– Ладно. – Я встала из-за стола. – Будем ждать вестей от Торина и Аннимо. Если найдем, то попробуем уговорить идти с нами. Не выйдет – отправимся без них. Вопросы есть?.. Тогда, как говорит Арсений, наберемся терпения и будем ждать. – С этими словами я позволила себе откланяться...

Следующая неделя прошла в ожиданиях. Надо сказать, что люди Гидеона провели серьезную работу по поиску эльфа и гнома, но, к сожалению, без результата. Вернее, найти-то их нашли, но вот увидеться не получилось – Торин, как выяснилось, отправился с сородичами в глубь Восточного Хребта, и вызволить его оттуда не представлялось никакой возможности. Так что от идеи заманить гнома в свои ряды пришлось с большим сожалением отказаться. С Аннимо дела обстояли не лучше. Оставшиеся в Западных лесах эльфы так хитро заныкались в глухих чащобах, что разыскать их не представлялось никакой возможности. Несколько дней проплутав по лесам, вестники набрали на эльфийскую стоянку, но ее обитатели не знали ни кто такой Аннимо Орве, ни где он может находиться. Правда, они взяли одно из писем, которое я написала для каждого из участников похода, и клятвенно обещали его передать Орве, если вдруг его встретят. Случайно.

Выслушав доклад помощников, я в расстроенных чувствах отчалила в свою комнату, где активно задумалась о смысле жизни вообще и о царящей в ней несправедливости в частности... Не знаю, сколько времени я так прохандрила, но когда ко мне заглянули Киана и Орион, жизнь показалась мне чуточку веселее.

Малыши забрались на кровать и начали слаженно меня тормошить. Я долго хохотала, отпихивалась, но настырные дети не унимались. В конце концов они пообещали перестать меня щекотать, но только в том случае, если я продемонстрирую им «настоящее волшебство». Пришлось согласиться...

Для начала я материализовала в правой руке нечто вроде волшебной палочки с голубоватым огоньком на конце. Разумеется, я в подобной фигне не нуждалась, но выглядело это всегда эффектно. Я плавно взмахнула палочкой, отчего мое простое домашнее платье превратилось в темно-синюю мантию с серебряными звездами, а на голове появился черный высокий колпак. Дети восторженно захлопали в ладоши. Ничего, вот сейчас начнется настоящее представление...

Я взмахнула палочкой еще раз, отчего в воздухе повис шлейф звездочек, и дала волю своей фантазии, создавая одну за другой весьма качественные иллюзии. Вот сквозь ковер комнаты на полу пробилась яркая изумрудная трава и пестрые невиданные цветы, мебель становилась деревьями и кустами. С потолка хлынул солнечный свет, озаряя созданную моим воображением лесную поляну. Киана и Орион застыли от восторга, благоговейно взирая на возникшее чудо. Я улыбнулась, послышалось чудесное птичье пение. Но на этом я не остановилась.

На каждом цветке возникла переливающаяся всеми цветами радуги фея, напоминавшая прекрасную бабочку. Сотня маленьких прелестниц взмыли в воздух, заливаясь смехом, напоминающим серебряный колокольчик, и посыпая нас золотистой пылью. Поляна наполнилась радостными звуками, и над нами закружились разноцветные птицы, а в траве замелькали сказочные звери. Наконец к нам вышел маленький белоснежный единорог. Я улыбнулась и подмигнула ребятам:

– Идите поиграйте с ним.

– А... Можно? Он настоящий? – неверяще спросила Киана.

– Нет, все они ненастоящие, но потрогать их вполне можно. Так что – вперед.

Дети с восторженными воплями начали резвиться, умело лавируя между кустами и деревьями, в которые превратилась мебель. Я улыбнулась и, преобразовав наряд волшебницы в короткий светло-зеленый сарафанчик, принялась вместе с детворой упоенно тискать розовых хомячков и танцевать в кругу фей. Потом мы по очереди катались на маленьком единороге, вернее, катались Киана и Орион, я же шла рядом, босая, с распущенными волосами, засыпанная пылью, которая играла и переливалась на солнце, образуя вокруг меня золотистый ореол...

Наконец дети стали играть в догонялки с маленьким лесовиком, который появлялся то здесь, то там, как суслик из норки, а я присела на камень у небольшого прозрачного ручейка. Удивительные это существа – дети. Наивные, с чистой душой, и так искренне радуются сказке, которая возникла наяву буквально из ниоткуда. Я глубоко вздохнула, когда Киана подняла голову и указала куда-то за мою спину:

– Тетя Ллина, а эльф тоже игрушечный?

Что?

Я обернулась и увидела стоявшего за кустами на том месте, где, по идее, должна была быть дверь, златоволосого эльфа. Я взглянула в его фиалковые глаза и тотчас ощутила, как сердце подпрыгнуло и на миг сбилось с ритма.

Аннимо Орве, ты все-таки нашелся...

Я медленно поднялась с камня и выпрямилась. Эльф не двигался, словно он был не живым существом, а прекрасной статуей. Я смотрела во все глаза и мимоходом отмечала, что он совсем не изменился. Те же безупречные черты лица, те же длинные золотистые волосы, гладко зачесанные ото лба, только на висках добавились хаотично расположенные тонкие косички, закрепленные на концах серебряными заколками. Его фиалковые глаза стали чуть серьезнее, в них появилась легкая грусть, но эльф выглядел точно так же, как и одиннадцать лет назад.

Я мимоходом отметила, что Аннимо был в походной одежде и вооруженный до зубов, значит, прочитал мое письмо, в котором я просила о помощи. Судя по всему, решил помочь... Заметила я и то, что, как обычно, выгляжу рядом с ним встрепанным воробьем – сарафанчик измятый, в некоторых местах уже проступили пятна от травы, волосы растрепаны, а сама я с головы до ног усыпана золотой пылью...

– Тетя Ллина! – Орион тихонько подергал меня за подол сарафана. – А эльф настоящий?

– Настоящий... – рассеянно подтвердила я, все еще разглядывая Аннимо. – Дети, на сегодня хватит – тете надо поговорить с этим эльфом...

– Ну-у-у... – разочарованно протянули малыши.

Я осмотрелась вокруг и, протянув руку, взяла с полки маленькую музыкальную шкатулку, открыла ее и сосредоточилась на магии...

Результатом моих действий стало то, что всю созданную мною полянку затащило в шкатулку. Когда исчезла последняя фея, я закрыла крышку и передала шкатулку Киане:

– Теперь всякий раз, когда вы захотите поиграть, просто откройте крышечку – и поляна появится. А теперь идите к маме. – Я ласково погладила девочку по голове и поцеловала мальчика в макушку.

Ребятки слаженно кивнули и дунули за дверь – судя по всему, хвастаться новой игрушкой. Я проводила их несколько мечтательным взглядом и, непринужденно усевшись на застеленную кровать, похлопала по покрывалу ладонью.

– Аннимо, хватит стоять у дверей, ты все же не статуя! Садись рядом, все равно, кроме кровати и дурацкого пуфика, тут сидеть не на чем.

Эльф молча кивнул, снял длинный лук с плеча, пересек комнату и уселся рядом со мной. Я немного смутилась под его пристальным изучающим взглядом и подчеркнуто

непринужденно сказала:

– Кстати, я даже не поздоровалась. Извини, с детьми заигралась... Как у тебя дела?

Аннимо неопределенно пожал плечами. Что ж, немногословен, как всегда. Я улыбнулась и продолжила:

– Ты все-таки получил мое письмо?

Короткий, немного отрывистый кивок.

– Ясно. И что ты по этому поводу думаешь?

Эльф спросил низким мелодичным голосом:

– Чем это грозит тебе лично?

Я не стала выпендриваться, а просто призналась:

– Смертью. Хорошо, если она будет быстрой и относительно безболезненной. Но, зная Валериану, могу с уверенностью сказать только одно – в случае неудачи буду умирать долго и мучительно. На милость противницы рассчитывать не приходится – уж слишком я ей насолила...

– Понятно. А тебе обязательно сражаться с ней?

Вот уж чего не ожидала от бесстрашного эльфа, так это позорной капитуляции! Поэтому я взглянула в его ставшие лиловыми глаза и тихо сказала:

– У меня нет выбора. Защита миров – мой долг. Тебе ли не знать истинного значения этих слов. К тому же, – я горько усмехнулась, – у меня никого нет, кроме моего Хранителя и пары-тройки друзей. Один из них в последний раз видел меня шестьсот лет назад... Ангелу не привыкать призывать новых Путешественников. Не я первая, не я последняя... Корректировщики очень важны для судеб миров, но, по большому счету, мы расходный материал. Нас рано или поздно убивают... – Я замолкла и отвернулась, чтобы Аннимо не заметил моих слез.

Эльф некоторое время сидел неподвижно, а потом бережно взял меня за подбородок и осторожно повернул к себе мое лицо:

– Так ли это, Путешественница?

Его голос успокаивал и погружал в некоторое подобие оцепенения. Примерно то же самое я ощущала, когда ко мне обращался Дан. Хотя рядом с Иллиданом мне хотелось либо стукнуть его как следует, либо поцеловать покрепче. С Аннимо же я чувствовала себя защищенной. Поверьте, для Путешественницы это чувство очень редкое. Но от этого оно не менее желанно...

– Ллина, почему ты тогда не сказала, что уходишь? – неожиданно спросил Орве.

– А ты бы отпустил меня? – тихо прошептала я, глядя в его лиловые глаза.

– Да... – Прекрасное лицо эльфа оказалось от меня слишком близко, нас разделяли какие-то жалкие сантиметры. – Но я ушел бы с тобой... – С этими словами его губы прикоснулись к моим.

От удивления я широко распахнула глаза и попыталась отстраниться. Эльф не стал меня удерживать – он отодвинулся, но руки не опустил.

– Ллина, я пойду за тобой даже в ад, если ты попросишь.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. ЭТО и будет АД. Самый настоящий. И не факт, что мы вернемся оттуда живыми.

– Значит, такова моя судьба... – Эльф ласково провел ладонью по моим волосам и встал с кровати. – Пойдем, а то Камилла сочтет, что мы тут занимаемся чем-то неприличным.

Я весело улыбнулась и выскочила за дверь, крикнув:

– Аннимо, лук не забудь!

С этими словами я съехала вниз по перилам, до полусмерти перепугав горничную своими дикими воплями.

Провожать нас вышел весь дом. Мила и Гидеон стояли прижавшись друг к другу и в сотый раз просили быть поосторожнее. Мы кивали с умным видом, попутно не забывая

поправлять амуницию и проверять оружие. Камилла насовала нам в походные сумки горю провизии, мотивируя тем, что дорога длинная, ситуации разные бывают, а кушать-то хочется всегда... Мы поколебались было, но потом все-таки решили, что в крайнем случае большую часть можно запросто скормить троллю – благо его габариты позволяли. Так вот мы и собирались. Делали это долго, потому что сначала выяснилось, что сэр Маркус засунул куда-то свой нателный крест немаленьких размеров, без которого отказывался куда-либо идти, потом Гирдык потребовал дополнительный паек, сообщив, что на нас он не надеется, а в конце концов обнаружилось, что Киана с Орионом под шумок растащили половину эльфийских стрел из колчана Аннимо. Провизии набрали, стрелы вернули, зато крест пришлось искать очень долго. В итоге выяснилось, что его прикарманил вороватый слуга. Крест вернули законному владельцу, а вот с прислужником Гидеон зловещим голосом пообещал разобраться лично...

Я смотрела на бардак, разворачивающийся перед моими глазами, и тихо косела. Бог ты мой, то ли они уезжать не хотят, то ли волнуются больше, чем обычно. Я даже представить себе не могла, что эльф позволит хоть кому-то безнаказанно скоммуниздить полтора десятка стрел из колчана, да еще и заметит пропажу в самый последний момент. Вот что значит век живи – век учись. Иллидан точно никому бы не позволил прикоснуться к своим арбалетным болтам...

Когда все нашлось и проверилось, мне заявили, что десант к отправке готов, в ответ на что я сделала в воздухе легкий пасс правой рукой, и перед нами возник бледно-золотистый портал.

– Прощу. – Я язвительно улыбнулась. – Итак, если кто-то передумал, то просто втолкните меня в «окно» перед собой, догонять и возвращать не стану.

– Ну, ведьма... – обиженно пробасил тролль. – За каких трусов ты нас принимаешь? Значит, ты так постоянно ходишь, а мы бояться должны?

С этими словами Гирдык закинул на плечо свою алебарду и тяжелой поступью первым шагнул в портал. Сэр Маркус и Аннимо Орве последовали за ним. Я послала воздушный поцелуй гостеприимным хозяевам и скрылась в портале последней.

Прибыли мы к очередной разборке. Оказывается, Ниита, увидев, что из портала кто-то выходит, вполне логично обрадовалась и подошла поближе, всю сверкая своей клыкастой улыбкой. Когда я попала в Галерею, моим глазам представилась оригинальная, но вполне предсказуемая картина: новоприбывшие, обнажив оружие, выстроились полукругом напротив вампирши, которую заграждали собой Элланон и Дан. Напряжение висело такое, что достаточно было одного неверного движения, чтобы началась конкретная драка. Я почувствовала, что пора вмешаться и встала между ними.

– Вы что, обалдели тут все разом? Стоило вас только на полторы минуты оставить, как уже разборки устроили! Опустить оружие!

– Леди Ллина, это же вампир! – как-то беспомощно-озадаченно произнес сэр Маркус.

Я резко развернулась к нему:

– И что дальше?

– Как «что»?.. – Бедный паладин даже меч опустил от удивления. – Ей надо загнать кол в сердце, потом сжечь, а пепел развеять по ветру...

– Я тебе сейчас сама этот кол в одно место загоню! – взвилась Ниита. – Ишь ты, шальной ведьмак выискался! Элланон, пусти меня, я ему сейчас все-е объясню!

Я страдальчески закатила глаза, и тут же узрела там Арсения, который покатывался со смеху, глядя на перепалку.

– Эй, мотылек пернатый, лети сюда. Это же твоя обязанность – вносить мир и порядок, вот и отрабатывай зарплату, – крикнула я.

Арсений слегка поморщился, а сэр Маркус, тоже заинтересованно запрокинувший голову, дабы увидеть, с кем я так фамильярно общаюсь, узрел ангела и сразу же рухнул на колени, превознося хвалу Всевышнему. Голос смиренно вздохнул и соизволил плавно

спланировать на пол.

Новоприбывшие заткнулись и уставились на Хранителя квадратными от удивления глазами. Я посмотрела сначала на них, потом на Арсения. Махнула рукой и направилась к Ниите.

– Как вы здесь?

Вампирша радостно обняла меня.

– С Арсением очень интересно – он столько всего знает...

– Понятно. Не тосковали, значит... – Я развернулась к Иллидану, который до сих пор сжимал в руках свое двойное лезвие.

– Дан... Прости меня, пожалуйста...

– За что? – Высокомерность в голосе и лед в темных глазах сразили меня наповал.

– За все... – с этими словами я протянула эльфу руку.

Он секунду недоверчиво смотрел на мою ладонь, словно ожидая подвоха, но потом все-таки убрал оружие за спину. Я заглянула в глаза цвета черного жемчуга и почувствовала, что ледяной ком в горле, образовавшийся с того дня, когда мы поссорились, стремительно тает. Я сжала ладонь Дана в своей и тут же оказалась в его объятиях. Эльф крепко прижал меня к себе и тихо шепнул на ухо:

– Я так волновался... Если б ты не вернулась, я бы не обрел покоя. Никогда больше не уходи в одиночку...

– Ты же знаешь, что не могу. Я – Путешественница. У меня нет выбора. Если мы победим Валериану, то тебе придется вернуться в свой мир...

– Почему? – Он ласково провел ладонью по моим спутанным волосам. – Неужели мне нельзя будет остаться с тобой?

Я запрокинула голову и, глядя ему в глаза, тихо сказала:

– В Галерее могут находиться только Путешественник и его Хранитель. Ну, может, еще кто из ангельской братии. А двух Путешественников одновременно здесь быть не может – один уходит, и его место тут же занимает другой...

– Неужели выхода нет?

Я на секунду замолчала, а потом честно ответила:

– Может, и есть, но я его не знаю...

Выразительное покашливание за спиной заставило меня вздрогнуть и выскользнуть из объятий Дана. Обернувшись, я увидела Аннимо Орве, который многозначительно уставился на нас обоих. Та-а-ак, а вот это уже проблема. Эльфы смерили друг друга одинаково оценивающими взглядами с оттенком легкой враждебности, а потом все же решили представиться, причем в таком тоне, что лучше бы они сразу обматерили один другого и успокоились. Начал, разумеется, Дан:

– Приветствую тебя, эльф. Мое имя Иллидан. *(Так-так, кого я вижу? Конкуренты объявились.)*

– И я приветствую тебя, Перворожденный. В западных лесах меня звали Аннимо Орве. *(От конкурента слышу. Еще неизвестно, кто останется с носом.)*

– Я, кажется, слышал о тебе от Ллины. Ты – тот самый эльф, с которым она ходила в поход за Печатью Серафима. *(И который бросил ее в гоблинском лагере на поругание, не удосужившись сделать хоть что-нибудь.)*

– Я тоже слышал о тебе. Правда, не от Ллины, а от ее подруги, но это не суть важно. *(Уж кто бы говорил. Ты вообще позволил ей умереть. Причем даже не дернулся, чтобы хоть как-то помочь.)*

– Ребята, ребята. – Я встала между эльфами. – Может, хватит, а? А то я вас разошлю по мирам, а к Валериане пойду сама.

Эльфы неприязненно покосились на меня, но смолчали. Потом четко, по-солдатски развернулись и направилась в разные стороны. Я обалдело посмотрела вначале вслед одному, потом другому. Пожав плечами, я направилась к Ниите, которая уже отошла от встречи с паладином и деловито проверяла снаряжение. Я, тяжело вздыхая, под села к ней.

– Ниита, как ты думаешь, я зря привела Аннимо?

Вампирша покосилась на меня, но потом все-таки ответила:

– Знаешь, как лучник эльф нам был необходим, но, судя по тому, что с Даном они уже сцепились...

– Да это вообще дурость какая-то! – в сердцах воскликнула я. – Ну что эти двое успели не поделить за полторы минуты?

Подруга озорно покосилась на меня, но смолчала.

Меня же просто понесло:

– Вот зараза, не успела прийти, уже полный бардак творится! Ты с паладином сцепилась, эльфы – друг с другом, а мне что делать? Ладно, тут Арсений, он кого хочешь уговорит на мирные переговоры, но мне-то что с того? Валериану надо искать, а она черт знает в каком мире! Каким оружием мне ей христианские мысли внушить, а? Магией пробовала – не помогает, а на все остальное она чихать хотела с высокой колокольни.

– Ну-у, с этим проблем не будет.

Я подняла голову и увидела ангела, стоявшего передо мной. Арсений печально улыбнулся, а в руках его внезапно забила золотая молния. Она изгибалась и рвалась, словно живая, но Голос провел по ней ладонью, и молния вытянулась в прямую линию, после чего застыла, превратившись в меч.

Оружие переливалось всеми цветами радуги. Рукоять его в точности повторяла Печать Серафима: вместо крестовины – распахнутые крылья, между которыми играл темно-синий камень с золотистым отблеском, а по длинному узкому лезвию пробегали разноцветные блики. Хранитель протянул мне меч, и я приняла его, почти не дыша.

– Ллина, вообще-то это меч ангела-воителя, но использовать его могут и Путешественники. Сейчас ситуация очень напряженная, поэтому мне разрешили снабдить тебя этим оружием. Меч почти живой – с ним ты будешь в состоянии защитить себя. И вот еще что – когда встретишься с Валерианой, будь осторожнее, ладно?

Голос печально улыбнулся, а я только и сумела, что тихо прошептать:

– Спасибо тебе...

Я посмотрела на великолепное оружие, не в силах поверить, что оно принадлежит мне... И тотчас ощутила тепло, идущее от рукояти. Меч словно подбадривал меня, говоря: «Ну же, не бойся...»

А я и не боюсь.

Я вскочила на ноги и, взяв клинок в правую руку, сделала несколько пробных взмахов, отчего оружие засияло золотистым светом, а я окуталась яркими сполохами. Друзья все как один заворуженно уставились на пляску света, а когда он погас, я улыбнулась и сказала:

– Вот теперь я готова. Арсений, в каком-нибудь из миров есть портал, ведущий непосредственно в Адские Врата?

– Ку-уда? – удивленно переспросила Ниита.

– Аналог Галереи, только для темных Путешественников, – пояснила я, а ангел, пролистав свою базу данных, сказал, что нашел такой мир.

– Отлично. Тогда настраивай портал, и мы пойдем туда.

– Но... Ллиночка, ты уверена, что Валериана будет там?

Я усмехнулась:

– Даже если ее не будет у Врат, то она непременно появится. – Я нехорошо улыбнулась и взмахнула мечом, отправляя его в наспинные ножны. – Потому что мы разнесем там все, что подвернется под руку.

Арсений провел нас к багрово-красному portalу с неровными, будто бы обгоревшими краями, остановился и печально переспросил:

– Ллина, ты уверена?

Я твердо посмотрела в его глаза и молча кивнула.

– Что ж, ладно... Вы выйдете недалеко от замка, стоящего на проклятой земле. Предупреждаю сразу, что на мою помощь в том мире вы можете даже не рассчитывать. Под

дворцом есть сеть пещер естественного происхождения, где, собственно, и находится нужный вам портал. План замка, а заодно и пещер получите при переходе, так что, по крайней мере, не заблудитесь...

– Спасибо, Арсений. Ну что, воины света, вперед.

Я пропустила своих спутников вперед, подмигнула Голосу, перешагнула границу миров и только тогда вспомнила, что забыла обменяться традиционными фразами с ангелом...

Портал выплюнул нас в небольшую рощу, окутанную густым серым туманом. Стояла ранняя осень, и воздух был прохладен и свеж. Я оглянулась по сторонам, и окружающая действительность мне сразу не понравилась. Все деревья были искривлены под немыслимыми углами, завязываясь в узлы и закручиваясь в спирали. По своему опыту я знала, что НАСТОЛЬКО закрутить стволы столетних сосен и берез можно только заклинанием свертки пространства. Заклинание весьма любимое у черных магов, но, к счастью, не все могли им воспользоваться – оно имело пятиступенчатую систему построения, жрало уйму энергии, при этом производя жуткие разрушения. Я сталкивалась с ним лишь однажды – едва выжила. Тогда какой-то шибко догадливый некромант во время проведения ритуала угрохал двенадцать своих коллег, захватил их силу, чтобы применить это заклинание. Результат был попросту ошеломляющий – по полю битвы в радиусе десяти километров прошелся пространственный смерч, который ломал вектора измерений так, что двухсотлетние дубы завязывало в узлы. Что творилось с живыми существами, вспоминать мне не хотелось, настолько это было жутко и омерзительно. Потом мы нашли ту некромантскую сволочь и наглядно продемонстрировали результаты ее деятельности. Тогда я один-единственный раз в жизни позволила себе использовать магию смерти и вызвать из могилы нескольких человек, изломанных пространственным штормом... Некромант умер от разрыва сердца, когда я позволила тому, что осталось от этих людей, приблизиться к нему...

Здесь же все пространство в радиусе пятнадцати километров дышало каким-то злом, неуспокоенностью, что ли. Я опустилась на колени и провела ладонью над землей. Так и есть – роща росла буквально на костях! Тысячи непогребенных тел. Люди, погибшие здесь несколько веков назад... От этого стало дурно, и я обессиленно присела. Рядом со мной оказался Дан, который помог мне подняться. Я качнулась на ватных ногах и тяжело привалилась к нему.

– Ллина, что с тобой?

В этот момент туман слегка рассеялся, и я увидела... небольшой холм, начисто лишенный растительности.

Перед моими глазами восстала картина некогда прошедшей битвы...

«Я оглянулась на людей, плотно сгрудившихся рядом со мной. Похоже, все они разом поверили, что я смогу их защитить. Увы, далеко не всех. Моей силы не хватит...»

Я с каменным лицом смотрела на то, как к нам движется гигантская воронка черного смерча, искривляющего основы пространства, и как она захватывает все больше и больше людей, оставляя после себя завязанные в узлы потрескавшиеся деревья, вывороченные пласты земли и окровавленные куски трепещущей плоти.

Смерч приблизился. В этот момент я вскинула руки, и надо мной запылала золотая сфера Высшей Защиты, самого сильного щита, который я только могла создать.

Я была еще так неопытна, что силы у меня было слишком мало.

Что такое двадцать восемь лет для Путешественницы?

Щит накрыл только двадцать человек, включая меня.

Остальным пришлось с ужасом дожидаться своей смерти, которая не замедлила явиться.

Щит застонал, когда на него обрушилась мощь смерча, мне же оставалось только стоять и смотреть на то, что происходит с товарищами, затянутыми в пространственную воронку.

Сначала я не понимала, почему же закаленные боями воины рядом со мной кричат от ужаса, а в волосах их стремительно появляется седина.

Я не хотела ни видеть, ни понимать...

Но я Путешественница...

Я ДОЛЖНА была это увидеть.

Потому что для того, кто это сделал, я буду и судьей, и палачом...

Я заставила себя открыть глаза и смотреть сквозь прозрачно-золотистую пленку сферы на кошмар, творившийся вокруг».

Мою щеку обожгла хлесткая пощечина. Только тогда я поняла, что я кричала.

Я моментально заткнулась и посмотрела на своих друзей, сгрудившихся вокруг. Прямо передо мной были карие глаза Нииты, в которых застыла тревога. Вот кто с таким усердием хлестал меня по щекам.

Я мотнула головой и попыталась встать на дрожащих ногах. Это плохо получалось, поэтому я сразу же ощутила, как меня подхватили под руки и рывком утвердили на этой трижды проклятой земле. Меня всю трясло, во рту пересохло, а на лбу выступила испарина. Встревоженный голос Дана раздался справа от меня:

– Ллина, что с тобой было?

Я машинально повернула голову и столкнулась с до смерти перепуганным взглядом темных, почти черных глаз. Это был страх за меня... Я несколько раз кашлянула, дабы убедиться, что уже в состоянии говорить, и ответила:

– Четыреста лет назад тут произошла страшная битва. Здесь применили одно заклятие. Страшное заклятие...

– Такое страшное, что при воспоминании о нем ты начинаешь кричать от ужаса? – это уже был голос Аннимо Орве. Эльф поддерживал меня с левой стороны, и сейчас его фиалковые глаза стали темно-лиловыми, как грозовая туча.

– Знаешь, что самое жуткое? – почти выкрикнула я.

Эльф покачал головой, но глаз не опустил.

– То, что люди, которых буквально вывернуло наизнанку, оставались живыми.

Аннимо все-таки не выдержал моего взгляда и опустил глаза. А я продолжила:

– Вместе с жалкой кучкой спасшихся мне пришлось добивать их...

Повисла тяжелая, гнетущая тишина.

– Ллина, сколько тебе было лет, когда это случилось? – Тихий голос Нииты прозвучал в тишине, как выстрел из пистолета.

– Двадцать восемь.

С этими словами я оттолкнула обоих эльфов и, глядя только перед собой, зашагала в сторону холма, за которым должен был находиться искомый замок. Мне было очень жаль, что это место воскресило мои воспоминания, но с этим ничего нельзя было поделать. Я не была удивлена тем, что портал в Адские Врата располагался именно здесь.

На проклятой земле...

А еще я теперь была уверена, что Валериана наверняка сумеет при желании вызвать эффект свертки пространства...

С неба сыпался мелкий и холодный осенний дождь, который капитально отравлял наше существование последние два часа. Я с тихим вздохом поправила капюшон плотного темно-синего плаща, который не промокал только благодаря моему колдовству, и с тоской посмотрела на потемневшее небо. Все-таки осенью сумерки спускаются до неприличия быстро, а до холма, за которым находится замок, еще пилить и пилить...

Спустя час даже эльфы, стойчески переносившие тяготы ночного похода под непрекращающимся дождем, который плавно усиливался, грозя в перспективе перерасти в полноценный ливень, затребовали привала. Сама-то я устала шагать еще часа полтора назад, но разве кто-нибудь прислушается к несчастной уставшей ведьме? Не-ет, Дан и Аннимо

упорно, аки два тарана, перли вперед, доказывая что-то друг другу. Зуб даю, они бы шли всю ночь, но после общих требований прекратить марафон и устроить привал, упертые эльфы соизволили-таки остановиться и прислушаться к нашим вполне обоснованным стенаниям. В итоге мы дружно скучковались под навесом, который я наколдовала, так как палатку не догадался захватить никто, а спать под холодным осенним дождем не хотелось. Сэр Маркус и Гирдык, побродив в окрестностях минут двадцать, принесли огромное замшелое бревно уважительных размеров и широким жестом предложили нам развести костер. Вы когда-нибудь пробовали запалить огонь без спичек и сухой бумаги, имея в наличии только одно насквозь промокшее бревно, которое года два назад было деревом, рухнувшим из-за непогоды? Альтернативы не было, поэтому я, не мудрствуя лукаво, запустила в дерево небольшой шаровой молнией, отчего бревно рассыпалось ворохом разнокалиберных щепочек в радиусе тридцати метров, лишь по счастью никого не задев. После того как мои друзья высказали все, что они обо мне думают, мы дружно разбрелись собирать разлетевшиеся щепочки...

Глубокой ночью я проснулась оттого, что мне стало жутко холодно. Оказывается, Ниита, лежавшая рядом со мной, во сне нагло утянула теплое покрывало, которое было у нас одно на двоих, и сейчас из кулька, в который она превратила широкое меховое покрывало, выглядывали только ее небольшой изящный носик и черные пряди волос. Я смотрела на пригревшуюся вампиршу, и будить ее только ради того, чтобы вырвать свой законный кусочек одеяла, в который она вцепилась поистине мертвой хваткой, совершенно не хотелось. Поэтому я встала и, сжеживая зевки, подсела поближе к костру.

Согрелась я быстро, и меня тут же потянуло в сон, но вдруг совсем неподалеку послышалось тихое пение. Низкий мужской голос выводил нежную, приятную песню на языке, который я, как ни старалась, не могла понять. Вероятно, это было какое-то старое эльфийское наречие, которое было сейчас уже не в ходу. Я встала и пошла на голос, мимоходом отметив, что хотя дождь и кончился, но по-прежнему холодно, а ночь такая темная, что даже я со своим почти кошачьим зрением не вижу практически ничего дальше вытянутой руки. Песня стала звучать ближе, и я разобрала слова:

...Vania ni faniare karne anarore,
Nan lurea nie uma ielo...
Tiro, el eria e mor,
Areo nie, valar nin...

Голос резко оборвался, и передо мной возникла бесшумная тень, а у горла я ощутила холод стального клинка.

— Иллидан, не психуй!

Я осторожно отвела от себя лезвие at'tha hianda и укоризненно посмотрела в глаза эльфа, которые в темноте выглядели как два озера тьмы.

— Извини, Ллина. Ты так незаметно подобралась...

Я недоверчиво вскинула бровь. Это я-то незаметно? Лично мне показалось, что я ломилась сквозь чахлый кустарник с грацией бегемота, наверняка перебудив половину лагеря. А тут оказывается, что меня не заметил эльф, стоящий в дозоре... Поэтому я безапелляционно прошептала:

— Гоните, ваше превосходительство, еще как гоните. Дан, ты, наверное, услышал меня сразу, когда я к костру подсела.

Я зябко поежилась от густого ледяного тумана, который начал плавно подниматься от травы. Иллидан меня понял и, подойдя поближе, притянул к себе, укутав своим черным плащом. Вообще-то эльфы в основном предпочитают светлые тона в одежде, на крайний случай – зеленые или коричневые, но Иллидан был единственным на моей памяти Первородженным, который упорно одевался во все черное, начиная от рубашки и штанов и заканчивая теплым плащом. Я сразу согрелась, и меня опять потянуло в сон.

– Дан, а что ты пел? – сонно пробормотала я.
– Это старая эльфийская песня... – Эльф ласково поцеловал меня в макушку. – Я думал, ты все языки знаешь.
– Не все... А как она переводится?
– Если я начну переводить ее с начала, у меня на это уйдет весь остаток ночи, а ты уже засыпаешь.
– Ну хоть последний куплетик... – заныла я, с трудом поднимая смыкающиеся веки.
Уже сквозь сон до меня донеслось:

...Погасла в небе алая заря,
Но тьма меня не манит...
Взгляни, из мрака встает звезда,
И это ты, мой ангел...

– Спи, мой ангел... Я всегда буду с тобой, несмотря ни на что...
Не знаю, приснились ли мне последние слова или нет. Наверное, все-таки приснились.

Проснувшись я резко от ощущения жуткой неизбежности. Вздрыгнула и открыла глаза. Было темно, как бывает только осенью, перед самым рассветом.

И в этой тьме пряталось что-то жуткое.

Я вскочила, отпихнув Дана, в объятиях которого заснула, и выглянула из-под навеса, охваченная каким-то страшным предчувствием. Оглянулась на сэра Маркуса, который тоже с подозрением вглядывался в темноту, но пребывал в сомнениях – будить ли нас...

Вокруг стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь едва уловимым звуком.

Я узнала его.

Этот был треск деревьев, попавших в пространственную воронку!

Я побелела как мел и, выхватив из ножен подаренный ангелом меч, подняла его высоко над головой. Меч вспыхнул, как маленькое солнце, и осветил пространственный вихрь, который находился уже в полукилометре от нас.

Словно поняв, что его обнаружили, смерч, представлявший собой воронку абсолютной тьмы, двинулся на нас еще стремительнее.

Но на этот раз я была готова.

Сфера Высшей защиты золотым огнем запылала надо мной, накрыв собой всю стоянку. Крепко сжав руками меч, который оказался не чем иным, как генератором магии, я легко держала щит, хотя на нас обрушилась вся мощь пространственного шторма. Где-то на грани восприятия мелькали мои друзья – от грохота и треска магических разрядов они проснулись и теперь со страхом взирали на золотистую полупрозрачную пленку, которая отделяла их от смерти...

Странно, почему шторм не утихает? Он должен находиться на одном месте секунд двадцать, а потом либо развеивается, либо смещается. Но прошло уже две минуты, а смерч все так же бесновался над нами, в очередной раз ударяясь в защитную сферу, словно выискивая в ней слабые места...

И в этот момент я поняла, что этот шторм совсем не хаотичное явление. Валериана как-то сумела подчинить его своей власти, и теперь эта смертоносная воронка будет висеть над нами до тех пор, пока у моей противницы не кончатся силы или же пока я не ослабну и Высшая Защита не рухнет.

Тягаться со служительницей Тьмы в обширности магического запаса было бесполезно – она старше меня, так что даже с ангельским мечом в качестве дополнительной поддержки я с ней не сравняюсь. Но обыграть ее можно.

Я вслушалась в себя, а потом «выбросила» свое «я» внутрь шторма, разделяя заклинание на составляющие части и выискивая ошибки в построении, слабые «узлы», связывающие сложное пятиступенчатое соединение мысли, слова, силы, стихии в единое

целое. Время словно остановилось, когда я обнаружила ослабленный «узел», контролирующий весь механизм заклинания и приводящий его в действие. Теперь его необходимо было разрушить, но пытаться это сделать с помощью стихийной магии было все равно, что стрелять из пушки по отдельно взятому таракану в квартире. Результат мог быть поистине нежелательным – квартире хана, а таракану хоть бы хны. Эта аналогия была вполне уместной – долбанешь по «узлу» стихийной магией, а заклинание сдетонирует, и мы получим вместо холма симпатичную воронку в полкилометра глубиной. Тогда уж никакая магия не поможет...

Но рискнуть придется.

Я «вернулась» в свое тело и, сосредоточившись на обнаруженном «узле», направила с помощью своего меча на него узкий поток магии. Со стороны это выглядело довольно впечатляюще – на миг я, державшая в поднятых вверх руках горящий клинок, превратилась в статую цвета расплавленного золота, которая засияла нестерпимым светом, озарившим пространство на несколько километров вокруг, и тотчас из меча выстрелил вверх тонкий луч, который пронзил воронку, словно иглой...

Черный вихрь застыл и с тихим всхлипом исчез, распространив вокруг себя мощную воздушную волну, от которой немногие уцелевшие кусты пригнулись к земле, а моих друзей сбilo с ног и впечатало в округлую стену защитной сферы...

Нестерпимо яркий свет, идущий от меня, погас, и я, выронив меч, обессиленно опустилась на колени...

Сфера Защиты медленно растворилась, а небо на востоке окрасилось первыми лучами восходящего солнца.

– Ведьма, что это за... была? – возмущенный вопль тролля заставил меня дернуться и обалдело сфокусировать на нем взгляд.

Увиденное зрелище того стоило – на месте, где была стена защитной сферы, образовалась куча мала, в самом низу которой виднелась донельзя обозленная красная физиономия паладина, которому, несмотря на доспехи, капитально досталось от суммарного веса моих друзей. Ниита, оказавшаяся на самом верху «пирамиды», шустро соскочила на землю и кинулась меня поднимать.

Это ей удалось, но когда вампирша увидела шевелящуюся и виртуозно матерящуюся кучу из трех эльфов, тролля и паладина, звонко расхохоталась. Мат затих ровно на пять секунд, а потом грянул с утроенной силой. Ребята распутывались еще минуты полторы, столько же им понадобилось, чтобы определить «виновников торжества», а именно нас с Ниитой. Поскольку мы были признаны крайними, то досталось нам по полной программе. Элланон принялся отчитывать вампиршу, твердя, каким должно быть отношение жены к мужу, паладин на пару с троллем удивлялись, как в Путешественницы попадают ведьмы-недоучки, Дан скромно отмалчивался, а Аннимо подошел ко мне, шатающейся, аки былинка на ветру, и тихо спросил:

– Это была она, да?

Я кивнула, борясь с желанием послать всех к черту на кулички, а самой улечься и слегка вздремнуть. Эльф, судя по всему, желание это уловил и предложил всем продолжить прерванный отдых. От удивления друзья заткнулись, а Иллидан выразительно покрутил пальцем у виска и ехидно осведомился:

– Может, еще табличку повесим – мол, мы не умерли?! Повторите, пожалуйста, попытку!

Орве изящно вздернул левую бровь и приобнял меня за плечи покровительственным жестом:

– А ее тебе не жалко? Едва ведь на ногах держится.

Я с сомнением покосилась на ладонь, лежащую у меня на плече, но сбрасывать ее не торопилась – то ли проснулась не до конца, то ли мне это на самом деле нравилось... Дан в ответ на реплику Аннимо скрестил руки на груди и выпустил ответную шпильку:

– И ты готов подвергнуть нас ВСЕХ опасности только ради того, чтобы иметь

возможность покрасоваться перед Ллиной, демонстрируя свою заботу? Я же не говорю, что мы должны идти целый день без перерыва, но сменить привал сейчас необходимо.

– А Ллина? – желчно осведомился златоволосый эльф.

Вместо ответа Дан подошел, подхватил меня на руки, словно пушинку, окатил соперника неприязненным взглядом, после чего зашагал на вершину холма. Я открыла было рот, чтобы возмутиться, но, увидев, как споро мои спутники пакуют вещи и бодро взбираются наверх по едва заметной каменистой тропке, передумала. К тому же после колдовства мне действительно необходимо было поспать хотя бы час, чтобы прийти в норму. Поэтому я поудобнее устроилась на руках Дана и, решив отложить серьезный разговор с этими двумя на потом, погрузилась в сон...

Проснувшись я оттого, что эльф остановился. С трудом разлепив веки, полусонным взором обвела открывшуюся перед нами панораму, гадая, что же могло произойти. Рассвет наступил. Мы дошли до вершины холма, и мне очень хорошо был виден черный замок, до которого осталось идти пять километров... Конечно, после того как расправимся с толпой мертвяков, которая на нас прется, алчно щелкая челюстями...

ЧЕГО???

Я соскочила с рук эльфа и посмотрела на склон холма, по которому со скоростью танка действительно шли мертвяки. Немного – максимум полторы сотни. Для Путешественницы моего уровня особой сложности не предвидится, поэтому я с интересом исследователя стала разглядывать медленно взбирающуюся нежить.

Та-а-ак, тип мертвяка – скелет, возраст... А фиг его знает, по внешним признакам (голый скелет, покрытый известковыми отложениями и элементарной плесенью) лет двести, может больше...

– Интере-е-есно... – протянула я, продолжая флегматично разглядывать неуклонно приближающихся покойников. – Для чего понадобилось направлять на нас ораву таких хлюпиков?

– Ллина, а у тебя с головой как? – обеспокоенно спросила Ниита. – Это же нежить. А серебряных клинков у нас нет.

– У Дана есть, – беззаботно отозвалась я. – У меня меч ангелов, он вообще любую нечисть с одного удара завалит, а ваше оружие я сейчас заговорю.

Аннимо, пожав плечами, протянул мне колчан. Я вытряхнула темные с золотистым оперением стрелы на землю и провела над ними ладонью, заставив их слегка приподняться – призвала сочетание стихий Огня и Смерти.

Наконечники стрел окатило живым пламенем, который растекался вплоть до оперения и моментально впитался в сталь и дерево, заставив стрелы чуть светиться изнутри рыжеватым светом. Я щелкнула пальцами, и стрелы заняли подходящее им место в колчане. Аннимо недоверчиво принял свой боезапас, словно боялся, что тот взорвется. Я ободряюще улыбнулась:

– Не переживай. Теперь нежити придется несладко. Только одна просьба – целясь в голову. Сомнительно, что стрелы подействуют, если ты будешь попадать между ребер.

Эльф самодовольно вскинул подбородок, всем своим видом показывая, что таких снайперов этот мир еще не видел. Я спорить не стала – уже видела Орве в бою, поэтому была на его счет совершенно спокойна.

– Итак, ставлю первую боевую задачу. Аннимо, обстреливай особо наглые скелеты из лука, но особо не траться – стрелы нам еще понадобятся, не стоит их разбазаривать. Дан, стой на тропе. На всякий случай. Мне просто понадобится время, чтобы зачаровать остальное оружие, поэтому на вас двоих возлагается задача обеспечить нам это самое время. – Я уже потянулась за Гирдыковой алебардой, когда вспомнила одну немаловажную вещь. – Ребята, скелеты сами по себе не оживают. Некромант должен быть где-то рядом – управлять нежитью можно только в том случае, если она находится в поле зрения. Заметите мага – скажите мне. А еще лучше – уберите поскорее. На этой земле погибла тьма народу, а сколько покойников может воскресить некромант – не знает никто, в том числе он сам.

Особенно когда ему помогают...

Эльфы одновременно кивнули и заняли боевые позиции. Свистнула первая стрела, и где-то внизу раздался смачный треск – Аннимо, судя по всему, произвел пробный выстрел, который завершился упокоением одного из скелетов. Мертвяки захрипели, застонали, но движения не прекратили. Я же заторопилась, зачаровывая оружие друзей – что-то мне во всем этом не нравилось. Ну не могли на Путешественницу натравить ВСЕГО лишь полторы сотни скелетов.

Особенно Валериана. Тем более после того, как я разрушила ее заклинание свертки пространства.

Выводить на нас таких полудохликов – действия дилетанта, но никак не опытной Путешественницы.

Выходит, это не ошибка.

Нас целенаправленно отвлекают от чего-то, что принесет намного больше неприятностей. Только от чего?

Я в рекордные сроки закончила с оружием и подошла к Аннимо и Дану, которые мрачно на что-то уставились.

– Что там?

Дан отмолчался, а Аннимо тихо ответил:

– Взгляни сама.

Я взглядела туда, где солнце еще не успело разогнать мрак. И похолодела.

Нет, на нас натравили не полторы сотни скелетов. Те жалкие задохлики были только авангардом, разведкой.

Основная армия стояла у подножия холма, перекрывая собой подходы к черному замку, нерушимой стеной высящемся в чаше долины.

– Господи, сколько же их здесь... – Вампирша выглянула из-за моего плеча.

– Примерно десять тысяч, – упавшим голосом ответила я.

– Ллина... – Элланон подхватил меня под локоть и отвел в сторону. – Нам ведь не победить.

Эльф не спрашивал, он утверждал. Я посмотрела в его изумрудно-зеленые глаза и тихо призналась:

– Как повезет.

– У тебя есть план?

– Нет, но лишний козырь в рукаве найдется. – Я улыбнулась и с едва слышным скрежетом вытянула ангельский меч из ножен. – Сейчас вы увидите, на что способна Путешественница.

И я понеслась навстречу скелетам, которые обрадовались мне, как голодный хлеб. Я же с не менее ласковой улыбкой материализовала в левой руке сгусток синего огня и метнула его в нежить, толпящуюся у меня на дороге. Мертвецы вспыхнули, и в их плотном строю образовалась солидная брешь. Я хищно усмехнулась и, вызвав еще один огненный шар, ворвалась в неровные ряды.

Вокруг меня полыхало синее пламя, а золотистый клинок крутился сверкающей молнией, от которой скелеты осыпались серым пеплом. Развлечение длилось секунд сорок, а потом некромант, находившийся где-то внизу, заметил мои усилия по устранению нежити и решил, что пора вмешаться. В руках у покойников появились мечи и щиты, а двигаться они стали не в пример проворнее и осмысленнее. Моя задача усложнилась, но все-таки я успела уничтожить почти половину отряда, так что задавить нас численностью этот отряд скелетов не мог – моя магия была им явно не по зубам, к тому же краем глаза я увидела, как в нескольких метрах от меня серебряным веером мелькает двойное лезвие Дана, слышала, как свистят стрелы Аннимо, бьющие точно в цель, а где-то неподалеку раздавалась изощренная ругань тролля вперемежку с молитвами паладина.

Хорошие у меня все-таки друзья – вместе мы покروшили скелетово воинство минут за пятнадцать, тем самым получив для себя небольшую передышку. Дан, тяжело дыша,

буквально обрушился на меня.

– Сумасшедшая безалаберная девчонка! Мозгов у тебя нет, что ли? Или собственная сила голову замутила? К чему такое геройство?

Я покайно молчала, избегая смотреть эльфа в глаза. Он взял меня за плечо и слегка потряхнул:

– Ты слышишь меня?

Я перевела на него взгляд и тотчас с воплем выбросила левую руку в защитном жесте. Боевой ярко-красный пульсар срикошетил от преграды и ушел в сторону, пропахав на склоне приличных размеров борозду. Дан толкнул меня на землю и сам упал рядом, спасая нас от очередного заклинания, прилетевшего с другой стороны.

Переглянувшись, мы с эльфом побежали на самую вершину холма. Молнии и пульсары уже сыпались со всех сторон, и только отменная реакция позволила нам достичь места, где уже вовсю кипел бой.

Маг, обстреливавший нас заклинаниями, оказался на диво мощным – он умудрился вызвать сразу две элементарии – огненную и земную.

– Ох, ё ж твою в качель! – заорала я, увидев, что земная элементария, выглядевшая ожившим комом глины, одним рывком, который трудно было ожидать от такой громадины, прыгнула, едва не придавив нас своей массой. Мы с Даном рванули в разные стороны, и элементария, на миг «задумавшись», решила убрать в первую очередь меня, как наиболее слабую.

Ох, как она ошиблась!

Я увернулась от камня уважительных размеров, выплюнутого в меня элементарью, и стала носиться кругами по площадке, лихорадочно разыскивая того сволочного мага, который натравил на нас эту нечисть. Для того чтобы избавиться от вызванного воплощения стихии, нужно было убрать недоумка, который ее призвал. Очередная пущенная элементарью каменюга угодила мне в спину. По счастью, камень на этот раз был небольших размеров, но все равно приятных ощущений это не доставило. Я вскочила на ноги, кувырком уходя в сторону от окончательно озверевшей элементарии, которая продолжала самозабвенно гоняться за мной, напрочь игнорируя моих друзей, скакавших вокруг нее как подстреленные зайцы.

Внезапно я столкнулась с сэром Маркусом, который аналогичным образом уходил от элементарии огненной, вооруженной двухметровым мечом из переплавленной руды. Мы на долю секунды замерли друг против друга, а потом без слов стали спиной к спине, поджидая несущихся на нас во весь опор озверевших созданий...

Двадцать метров...

– Ллина, Маркус, вы что, с ума сошли? Уходите! – Истошный вопль Нииты перекрыл грохот боя. Мы же с паладином только слегка пригнулись, готовясь к прыжку.

Пятнадцать...

– Ллина, не геройствуй! – Элланон судорожно сжал рукоять меча.

Не лезь, друг мой. Ты не хуже меня знаешь, что вмешаться ты не успеешь.

Десять...

– Ллина!!! – Дан дернулся было к нам, но путь ему преграждали вывороченные земной элементарью камни...

Пять...

Аннимо отбросил в сторону лук и золотисто-зеленой молнией бросился на перехват.

Эльф двигался с нечеловеческой скоростью, но он все равно не успевал. Катастрофически опаздывал буквально на какие-то секунды. Время, казалось, растянулось, словно пружина, остановив свой ход. Словно в замедленной съемке я увидела, как земная элементария в прыжке отрывается от земли, намереваясь похоронить нас под собой, а огненная уже занесла над нами свой меч...

Пружина сжалась, и время понеслось с удвоенной скоростью.

Мы с сэром Маркусом все-таки успели сигануть в разные стороны, а элементарии с

грохотом сшиблись. Земля содрогнулась и почти сразу успокоилась. Я с трудом приподнялась на локте.

На месте столкновения гордых воплощений стихий теперь слабо дымился огромный спекшийся ком грязи, который застыл буквально в полуметре от моих ног. Я представила, что было бы, если б не рассчитала длину прыжка, и содрогнулась.

Рядом оказался встрепанный золотоволосый эльф. Он поднял меня с земли одним рывком, явно намереваясь снова отчитать за излишнее сумасшествие, как вдруг из-за валунов, которые набросала элементаль, гоняясь за мной по всей вершине холма, послышался крик Нииты:

– Ллина, сюда, скорее!

Я чертыхнулась и, кривясь от боли в отбитой спине, рванулась на зов.

– Что случилось?

– Ллина... Гирдык...

Я отпихнула вампиршу и склонилась над троллем.

Да-а, досталось ему крепко – нагрудные пластины, наклепанные прямо на кольчугу, глубоко вмялись в грудь, переломав ему ребра, левая рука сломана в трех местах, а судя по тому, как тролль надрывно кашлял кровью, у него было пробито как минимум одно легкое.

– Как он? – обеспокоенно спросил паладин.

– Хреново, – лаконично ответила я. – Его необходимо срочно переправить в Галерею. В свое время Арсений ставил меня на ноги и после ранений посерьезнее.

– А ты сама не можешь?

Я обвела рукой пространство:

– Разуй глаза, через полторы минуты здесь будут полчища нежити. Ты с ними сумеешь справиться, пока я буду возиться с раненым? Тогда сделаем так. – Я взмахнула рукой и рядом с троллем материализовались санитарные носилки. – Элланон, Аннимо, перекладывайте его. Сэр Маркус, Дан, вам придется переносить Гирдыка через портал. Все, пакуемся. У нас – тридцать секунд.

Пока ребята возились с раненым товарищем, я обозревала склон холма. Войско нежити неуклонно приближалось, хрипя и скрипя суставами на все лады. Я уже готовила портал, когда меня ледяным холодом обожгла так некстати пришедшая мысль – а КАК, собственно, некромант собираются всю эту нежить упокоить? Для того чтобы вызвать такую прорву мертвецов, силы особенно не надо – достаточно провести определенный обряд, настроив его на желаемый радиус охвата. Но для того, чтобы мертвяков упокоить, надо затратить либо чертову тучу энергии, которой не каждый Путешественник обладает, либо... Либо нежить должна напиться крови. Прикинув, сколько понадобится крови, чтобы окропить каждый скелет из почти десяти тысячной армии, я ужаснулась. Мы-то ладно, пришли и ушли, но ведь в этом проклятом мире кто-то живет! Если армия нежити не остановится, одним крупным городом в этом мире станет меньше.

Я тихо застонала сквозь судорожно сжатые зубы.

Если мы уйдем, оставив все, как есть, то я буду винить себя в смерти многих, очень многих местных жителей.

Вот зараза! Я не имею права уйти. Мой долг спасти мир, каким бы он ни был.

Вообще-то в моих закромах было одно убойнейшее заклинание под названием «инферно». Ему обучил меня лет сорок назад Голос, предупредив, чтобы пользовалась я им только в самых крайних случаях. Заклинание требует от Путешественника мгновенного выброса ВСЕХ сил сразу, в результате чего достигается эффект взорвавшейся ядерной боеголовки. Радиус поражения – от пяти сот метров до двух километров. Для того чтобы произвести взрыв на большей площади, необходимо сознательно отказаться от всех способностей раз и навсегда, тогда радиус растянется и до пяти километров. Но мне-то пять километров не надо, мне бы на полтора расстараться. Побочный эффект был один – у Путешественника на неопределенный срок пропадали все его магические способности. Неопределенный – потому, что восстановление их зависит от количества силы, имеющейся в

резерве на этот момент, мощности «инферно» и других индивидуальных качеств. Способности могут вернуться как через пару дней, так и через год. К тому же еще одной причиной, почему это заклинание использовалось крайне редко, было то, что оно уничтожало ВСЕ живое (вплоть до крыс и тараканов) в пределах обозначенного радиуса воздействия, кроме самого заклинателя...

– Ллина, ты что, заснула? – Голос Нииты выдернул меня из мрачных раздумий.

Друзья стояли в ожидании портала, нервно косясь на подступающих скелетов. Дан и сэр Маркус уже держали носилки, на которых тихо постанывал тролль. Вампирша слегка тряхнула меня за плечо:

– Быстрее.

Я словно во сне кивнула и сделала отработанный до автоматизма жест, позволявший открыть портал в Галерею.

Сила подчинилась беспрекословно, гостеприимно распахивая перед нами золотистый выход. Туда быстренько внесли носилки с троллем, затем шагнули Ниита и Элланон, а Аннимо, уже занеся ногу над порогом, внезапно обернулся и пристально посмотрел мне в глаза:

– Ллина?

Я рассеяно качнула головой, глядя на скелеты и прикидывая, успею ли вызвать «инферно» прежде, чем меня сомнут.

Эльф скользнул по моему лицу серьезным взглядом лиловых глаз и твердо сказал:

– Ты ведь передумала возвращаться.

Я ничего не ответила – какая разница, ведь эльф все равно почует ложь.

Орве решительно отошел от «окна». Он посмотрел сначала на нежить, до которой оставались какие-то жалкие три-четыре сотни метров, а потом на меня:

– Я остаюсь.

– Нет, – сказала я тоном, не допускающим возражений, – если останешься, то погибнешь.

– А ты?

– И я погибну. Возможно.

– Что значит «возможно»?

– Мой долг охранять и защищать. – С этими словами я резко выбросила руку в сторону эльфа, и мощный удар втолкнул не успевшего даже дернуться Аннимо в золотистый портал, который я сразу же сомкнула и намертво заблокировала, так чтобы Арсений смог открыть его только через пару часов.

Полдела сделано.

Осталось разобраться с нежитью.

Я вытащила из ножен ангельский меч и с размаху вонзила его в землю, образовав некое подобие креста. «Надгробия», – мрачно пошутил мой внутренний голос. Я невежливо попросила его заткнуться и поглядела в сторону разбушевавшихся мертвяков, которые подобрались так близко, что чувствовался уже легкий запах гнили и смерти.

Я встала на колени перед засверкавшим мечом и сложила руки на груди, стремительно погружаясь внутрь себя, вытягивая силу из всех уголков души, где я только смогла ее найти. Теплый сгусток голубоватой энергии собирался и рос где-то под солнечным сплетением, наливаясь мощью и одновременно ослабляя меня. Я тянула силу из всего – из теплых детских воспоминаний, из первой любви, из уже более зрелого чувства к Дану и удивительной нежности к Аннимо. Из всего, что у меня в жизни было доброго и счастливого...

...Мне пять лет. Папа подбрасывает меня в воздухе, а я все кричу: «Папа, не урони!» Он смеется, и я смеюсь тоже, потому что знаю, что он меня обязательно поймает...

...Мне двенадцать, и я, сидя за школьной партой, с трепетом разворачиваю записку от мальчика из параллельного класса, который мне давно нравится. Из записки выпадает вырезанное из красной бумаги неровное сердечко, и мне становится тепло-тепло...

...Двадцать лет, и я впервые попадаю в параллельный мир. Вокруг такие яркие краски, что дух захватывает. Жаркое солнце и синее-синее, почти прозрачное небо ранней осени. И эльфы. Такие красивые, такие... невозможные. Иллидан, берущий меня за руку. Я смотрю в его глаза цвета черного жемчуга и понимаю, что отныне и навсегда я буду любить этого эльфа, который словно сошел со страниц прекрасной сказки, появился из потаенной мечты...

Воспоминания обрываются, а сгусток силы в груди разрастается настолько, что еще немного – и он уничтожит меня. Тогда я распахиваю глаза и смотрю в безразличное тусклое небо с бегущими по нему серыми облаками, а с моих губ срывается одно-единственное слово...

Имя...

– Дан...

Когда в меня вонзаются первые стрелы, гремит взрыв, потрясающий всю округу и озаряющий своим светом пространство на десятки километров.

У-у-у, как же все болит... Я приоткрыла глаза и сразу же их закрыла, потому что мир закружился, подобно бешеной карусели. Переждав, пока головокружение пройдет, я сделала повторную попытку. На этот раз действительность не стала играть со мной в американские горки и предоставила моему мутноватому взору довольно невеселую картину: каменный потолок над головой, стены, теряющиеся в полумраке, и одно-единственное зарешеченное окошко тридцать на сорок сантиметров.

Как мило.

Я и раньше оказывалась в темницах, один раз даже дожидалась собственной казни, но тогда делала это сознательно, потому что в любой момент могла выбраться. Сейчас же мои магические способности после использования «инферно» сошли на какое-то время на нет, поэтому надеяться на то, что я выберусь отсюда прямо сейчас, по меньшей мере глупо. Я медленно, с трудом села и, опершись на прохладную стену, стала пристально изучать камеру.

Безусловно, приятным фактом являлось то, что обо мне, как о пленнице, соизволили позаботиться. Во-первых, помещение было относительно сухим и теплым, приличный ворох соломы на полу – довольно свежий, в том смысле, что до меня на ней никто не лежал. Во-вторых, тюремщики извлекли из ран стрелы, а сами раны перевязали чистыми тряпками. В-третьих, рядом со мной стоял кувшин со свежей водой и тарелка с хлебом и сыром, а в дальнем углу обнаружилась самая натуральная фарфоровая ночная ваза в бледно-голубой цветочек. На этом плюсы завершались.

Теперь минусы. Начать с того, что вся магия у меня исчезла, а с ней и преобразованные куртка, штаны и сапоги, так что на соломе я сидела в белой длинной ночнушке с вышитыми ярко-розовыми узорами по подолу и вороту. К тому же я была босиком, поэтому пришлось зарыться поглубже в солому. Меня приковали к стене. Цепи были мощные, звенья размером с сушку, а наручники застегнули с помощью магии – вручную их фиг откроешь. Значит, меня здесь знают. И боятся. Такие цепи в состоянии удержать обозленного тролля, что уж говорить о такой тощей и невысокой девчонке, как я.

Н-да, Валериана на выдумки богата. После наших встреч она стала перестраховщицей. Хотя, по правде говоря, по-другому со мной никак нельзя...

Я осторожно встала и попробовала пройтись. Ничего, двигаться могу, к тому же долголетие и регенерация остались при мне – это свойства не души, а тела, они никуда не делись. Именно поэтому я уже могла нормально двигаться, хотя одна стрела вошла мне точно под левую ключицу, а другая пробила правое легкое... Я сделала глубокий вдох и попробовала развести руки в сторону. Вдохнула без проблем, а вот рана под ключицей отозвалась резкой болью, от которой левая рука бессильно свесилась, а я со стоном согнулась пополам. Та-а-ак, значит, я нахожусь здесь меньше суток, иначе ранение так не болело бы... Я, звеня и громыхая цепями, как Кентервильское привидение, уселась обратно на солому и задумчиво уставилась в зарешеченное окно.

Интересно, меня спасать будут? Вряд ли. Скорее всего, решат, что я погибла. Арсений-то, разумеется, будет знать, что я жива, но моим друзьям он этого ни за что не скажет. Потому что Хранитель за сто лет нашего знакомства уже четко уяснил, что если уж я сама не выпутаюсь, то посылать кого-то мне на помощь дело заведомо гиблое. Если я не сбежала, то вытащить меня из передраги вряд ли кто сумеет, разве что он сам. Или кто-то, равный ему по силе...

Я тяжело вздохнула и прикрыла глаза. Хотелось одного – спать.

Разбудило меня ощущение чьего-то присутствия. Я резко открыла глаза и подняла голову. Судя по тому, что в камере стало темнее, снаружи был уже вечер, выходит, я проспала почти целый день. Я уселась на соломе поудобнее и, прислонившись к прохладной стене, спросила:

– Ну и чего надо?

Молчали так долго, что я решила было, что у меня галлюцинации на нервной почве, но потом сумрак расступился, и от противоположной стены отделилась фигура, с ног до головы закутанная в черный плащ с капюшоном. Я во все глаза смотрела на неожиданного визитера. Когда он слегка приподнял голову, то в глубине капюшона сверкнули янтарные глаза с вертикальными зрачками. Сердце подпрыгнуло и забилось где-то у горла. Все, если это тот, о ком я подумала, мне хана. Потому что, если он здесь, это означает только одно – Айзан Эмдер и Валериана все-таки нашли друг друга и объединились с одной-единственной целью – придумать наиболее изощренный способ уничтожить меня. В таком случае о спасении можно позабыть. Я откашлялась и спросила:

– Айзан, и что же тебя привело в мое скромное обиталище?

Глаза под капюшоном недобро сверкнули, и Эмдер откинул капюшон плаща. Дроу ничуть не изменился – те же яркие тигриные глаза, темная кожа и длинные белоснежные волосы. Только татуировку под левым глазом теперь пересекал тонкий, едва заметный шрам от моего меча. Айзан возвышался надо мной, как статуя, сотканная из мрака, с ожившими янтарями вместо глаз.

– Калимдор. – Колючий, ледяной, словно зимний ветер, голос разрезал тишину камеры, подобно лезвию меча.

Я не прореагировала, залюбовавшись медленным появлением первых звезд на небе. Это было все равно, что наблюдать за тем, как распускается цветок. Вроде бы не отводишь взгляда – и не видишь движение лепестков, а стоит на миг отвернуться – и бутон уже почти раскрылся...

– Калимдор, смотри на меня! – Голос Айзана хлестнул меня, слово кнутом, и я нехотя перевела на него глаза.

– Айзан, что тебе надо?

– Мести.

Меня бы удивило, если б дроу понадобилось от меня что-то другое.

– Не буду мешать. Мсти, – на полном серьезе ответила я и снова отвернулась к окну.

Все-таки красивые здесь звезды. Крупные, яркие. Как в моем мире в Крыму. И небо низкое, темное. Звезды кажутся такими близкими, что совсем немного – и их можно будет собирать горстями.

Рядом со мной раздался тихий, полный холодной ярости рык, и к горлу прижалось ледяное лезвие одной из сабель Айзана. Лезвие легонько шевельнулось, и по моей шее потекла тонкая струйка обжигающе горячей крови.

Мне стоило огромных трудов не дернуться и не отшатнуться, хотя инстинкт самосохранения буквально кричал: «Беги!» Вместо этого я искоса посмотрела на дроу и тихо сказала:

– Тут такие красивые звезды...

Сабля дрогнула, углубив порез, а темный эльф свистящим шепотом спросил:

– При чем тут звезды? Калимдор, неужели ты и вправду сумасшедшая?

– Именно, – согласилась я. – Путешественники все такие.

Я улыбнулась и снова устремила взгляд в окно.

– И ты не боишься?

– Смерти? Нет. Я слишком часто видела ее тень. Тебя? Да, возможно. Но тебя мне жаль. Ты целую жизнь потратил на бесплодную месть...

Лезвие слегка отодвинулось, и сразу же рука Айзана стальной хваткой вцепилась в мое раненое плечо, сильно сдавила и припечатала к стене. От боли я тонко, совсем по-девичьи взвизгнула и впила пальцами в руку дроу, пытаюсь высвободиться.

Бесполезно. Проще стальную подкову разогнуть. Темное лицо оказалось совсем рядом. Я встретила взглядом с пылающими глазами Эмдера и тихо прошептала:

– Отпусти...

– Ну уж нет, – жестко ответил он, сильнее сжимая рану, и без того уж стянутую судорогой. – Никто не смеет жалеть меня. К тому же, – он криво усмехнулся, – ты в моих руках, поэтому моя месть не бесплодна.

Сознание медленно, но верно уплывало, однако я нашла в себе силы усмехнуться дроу в лицо и прошептать:

– Как был пешкой, так ею и остался...

Сознание ушло окончательно, поэтому реакцию темного эльфа на свои слова я уже не помню...

Следующее пробуждение было еще менее приятным. Я очнулась, прикованная цепями к двум низким позолоченным столбикам, посреди какого-то зала, а передо мной на кресле с высокой спинкой сидела Валериана в длинном шелковом платье темно-бордового цвета. Рядом, гордо выпрямив спину, застыл Айзан Эмдер, а в высоком мужчине с опаленными волосами и обожженными руками я узнала Кризана Восьмого. Глаза мага безумно оглядывали меня с ног до головы. Чувствовалось, что стоит Валериане кивнуть, как от меня останется только кучка пепла, которую можно будет смести в совочек, после чего забыть о Ллине Путешественнице раз и навсегда.

Хозяйка насмешливо оглядела меня с ног до головы и резюмировала:

– И это жалкое существо почти сотню лет путалось у нас под ногами? – Она звонко рассмеялась и прищелкнула пальцами. – Даже самой не верится. Но ты БЫЛА сильна, Путешественница... Очень сильна... Надо же, я и представить не могла, что ты решишься применить «инферно». И помощников не пожалела...

Ага, значит, могучая Хозяйка даже не подозревает, что друзей-то я как раз спасла. Что ж, не будем ее разубеждать...

– Жизнь этого мира намного важнее, – ответила я, гордо вскинув голову.

– Ну, кто бы мог подумать. – Валериана подперла ладонью подбородок и задумчиво уставилась на меня. – А ты все-таки не безнадежна, Путешественница. К нам перейти не хочешь?

В ответ я оттопырила средний палец и продемонстрировала его Хозяйке. Валериана хмыкнула:

– Смелая. Уважаю. Но, дорогая моя, – ее вишневые глаза недобро блеснули, – ты забыла, что силы у тебя больше нет. Как и магии. По правде говоря, твоё «инферно» было неожиданностью для всех нас. Умеешь ты преподносить сюрпризы, Путешественница. Для бедняжки Ирадды это было последним, что она видела в своей жизни. Что ж, по крайней мере похороны у нее были эффектные. Кстати, спасибо за ангельский меч. В паре с Печатью он будет идеальным средством для завоевания всех миров. Правда, меч еще более своенравен, чем Печать, ведь он уже выбрал себе хозяина... Короче, Ллина. Что ты думаешь о совместном сотрудничестве?

Я приподняла бровь:

– Тебе еще раз продемонстрировать ответ или сама догадаешься?

– Понятно. Кризан!

- Да, Хозяйка.
- Действуй.
- Слушаюсь, великолепная.

Я фыркнула, хотя выражение лица мага мне совершенно не понравилось. Такие глаза бывают у маньяков, которым разрешили повеселиться с жертвой в свое удовольствие.

Кризан сделал несколько пассов, и под ногами у меня запылало пламя. Сжечь меня как ведьму? Оригинально. Только я на все двести процентов согласна поспорить, что Валериана не позволит нанести мне серьезный физический вред, поскольку абсолютно точно знает, что у Путешественников рано или поздно вырабатывается иммунитет к боли. Тогда уже путем пыток она ничего от меня не добьется. Поэтому огонь, скорее всего, иллюзорный.

Ноги обдало жаром, а потом и болью. Я вскрикнула и тут же закусил губу. Да, огонь иллюзорный. Значит, боль – тоже иллюзия. Обман. Но больно-то как! Я сначала тихо взывала, но потом, когда возникло ощущение, что загорелась каждая моя клеточка, позволила себе закричать.

Я вопила и чувствовала, как в душе поднимается ярость. И ненависть.

Пламя исчезло так же внезапно, как и возникло. Облегчение накатило волной, и я едва устояла на ногах. Но все-таки не упала. Я выпрямилась и в упор посмотрела на возмнившую себя ХОЗЯЙКОЙ. Тихо, почти не разжимая губ, произнесла:

- Тебе лучше убить меня. Потому что рано или поздно я приду за тобой.
- Ты уже пришла. И теперь в моих руках, – усмехнулась красавица, сидевшая на троне.
- Ненадолго, – шепнула я. Потому что ощутила, как во мне шевельнулась магия.

Ничего, скоро я отсюда выберусь...

Валериана хлопнула в ладоши, и я снова оказалась в камере. И хотя все тело ныло и горело, я смотрела на завтрашний день с надеждой. Сила возвращается ко мне, а значит, близок тот час, когда мы с Валерианой снова сойдемся в поединке.

Дни текли медленно и неспешно. Обо мне, казалось, забыли все и сразу. На допросы меня больше не водили, никто ко мне не приходил, за исключением стражника, который раз в день приносил пищу и менял ночную вазу. У меня сразу появилась куча свободного ничем не занятого времени, и я наконец-то смогла немного разобраться в своих чувствах.

Я впервые осознала, как же мне все-таки не хватает товарищей. Я быстро привыкла ощущать рядом дружеское плечо, на которое можно опереться... Когда я находилась рядом с друзьями, я чувствовала себя ЧЕЛОВЕКОМ.

Я закусил губу, чтобы не расплакаться.

Мне действительно не хватает друзей. Шутки Нииты, надежности Элланона, спокойствия Аннимо, вечных подначек Дана.

Дан...

Где ты, мой эльф с серебряными волосами?..

Та-а-ак, а это уже нюни! В конце концов, Путешественница я или выпускница института благородных девиц?

Я раздраженно стукнула кулаком по жалобно зазвеневшей цепи и с удивлением уставилась на золотые искорки, пробежавшие по моим пальцам. А вот это уже по-настоящему хорошая новость! Теперь, когда первые видимые признаки магии проявились, силы полностью восстановятся дня через четыре! И вот тогда...

– И что же тогда, Путешественница? – Я вздрогнула от неожиданности и пораженно уставилась на фигуру, закутанную в обтрепанный и вытертый шелковый плащ с капюшоном темно-коричневого цвета. Вначале я подумала, что это опять Айзан развлекается, но потом поняла, что голос был женским. И смутно знакомым.

– Кто ты?

– Не узнаешь? А ведь так часто виделись... – С этими словами незнакомка сняла капюшон и посмотрела на меня мудрыми сочно-бирюзовыми глазами.

Я смотрела на это молодое лицо со старыми, почти ВЕЧНЫМИ глазами, совсем как у

Арсения, и чувствовала, нет, ЗНАЛА, что где-то ее уже видела...

– Мы ведь знакомы... – неуверенно сказала я. – Вот только не помню...

– Ну, это неудивительно. – Девушка с глазами, в которых светилось ЗНАНИЕ, слегка улыбнулась. – Пребывание на ТОЙ стороне никто не помнит... Удивительно, что ты хотя бы смутно узнаешь меня. Мало кто удостоивается чести увидеть меня дважды...

– Смерть... – упавшим голосом произнесла я.

– Вот, теперь вспомнила. Буду признательна, если ты станешь звать меня Прекрасой. В конце концов, Смерть – это псевдоним. Да ты садись, не стой. В ногах правды нет.

– Но нет ее и выше, – машинально закончила я, устраиваясь на куче соломы.

Прекраса грациозно присела рядом и недовольно поморщилась при виде звякнувших цепей. Едва заметное движение бровей – и оковы свалились с моих запястий.

– Так-то лучше, – улыбнулась она, глядя на то, как я с наслаждением растираю руки.

– Спасибо.

– Не за что. Я тут, вообще-то, по делу...

Я побледнела, но все-таки нашла в себе силы уточнить:

– За мной?

– Нет, что ты. Я бы тебе это сразу сказала. Хочу тебе помочь.

– Почему?

Удивляться сил не было. Не каждый день беседуешь со Смертью. К тому же, когда она приходит не по твою душу...

– Видишь ли, Ллина... Кстати, тебя так называть или настоящим именем?

– Лучше так. Оно мне привычней.

– Отлично. Так вот, Ллина, у меня с Хранителями и со всеми, кто за вас, светлых Путешественников, отвечает, заключен договор. Суть его сводится к тому, что если Корректировщик попадает на Грань жизни и смерти до того, как выполнит свое предназначение, то я помогаю ему эту Грань НЕ пересечь. Иногда я делаю это по договору, иногда потому, что мне так хочется. С тобой вообще случай особый. Не успела ты стать Путешественницей – и сразу первое балансирование на Грани. Ладно, в тот раз тебе даже помогать не пришлось, но ты оказалась настолько умной и стала попадать на Грань так часто, что мы с твоим Хранителем только диву давались. Поэтому я и решила за тобой последить повнимательнее.

– Последить?

– Ну, понаблюдать, – отмахнулась Прекраса. – Не придирайся к словам. В общем, ты мне приглянулась. Мне пришлось по нраву твой стиль и ты сама – как живой огонь. А поскольку я могу заглянуть в будущее...

– И что? – любопытствовала я.

– Завтра ты умрешь, – просто ответила Прекраса.

– То есть как? – Я вздрогнула и взглянула в мудрые бирюзовые глаза, в которых отражалось... сожаление?

– Но твой путь еще не закончен. Поэтому по всем правилам тебе предстоит жить еще не одну сотню лет. Однако есть одно но...

– Какое именно?

– Эта выскочка, Валериана, возмнила себя всесильной! – холодно произнесла Прекраса, нахмутив золотистые брови. – Поднаторела в стихии Смерти и думает, что ей уже подвластны основы мироздания! Дурочка. Открыла для себя способ похищать душу из тела и оживлять с ее помощью любой неживой объект. Совсем обнаглела, волшебница липовая!

– Э-э-э... Прекраса, дурацкий вопрос можно? – любопытствовала я. – А зачем ей это?

Она воззрилась на меня как на умалишенную и, прикрыв глаза, терпеливо объяснила:

– Представь себе, что ты можешь оживить *любой* предмет. Не просто заставить его двигаться, говорить и выполнять приказы, а действительно оживить. Я бы даже сказала «одушевить». Крадешь живую душу, берешь какую-нибудь статую – и вуаля! – Прекраса щелкнула пальцами. – У тебя на руках оживший голем. Или дракон, или демон. Но с

интеллектом и характером того, чья душа ему досталась. Только памяти у него нет. Другой пример – берешь неподвластное тебе волшебное оружие, вкладываешь в него душу владельца и пользуешься им.

– Вот в чем дело... – Я задумалась. – Ей нужна моя душа, потому что без этого она не сможет подчинить себе ангельский меч.

– Именно. – Прекраса встала и накинула капюшон на голову. – Вмешиваться в ход дела я не имею права, но кое-что сделать смогу. Во-первых, когда я уйду, дверь откроется и стражи поблизости не будет. Во-вторых, помогу твоим друзьям найти тебя.

– Не надо, – быстро сказала я. – Не хочу подвергать их опасности.

Смерть улыбнулась одними глазами и тихо сказала:

– Они уже идут к тебе. Я только помогу добраться с наименьшими потерями. И еще, когда выберешься из камеры, мысленно позови свой меч, и он к тебе вернется. До встречи, Путешественница.

– До встречи... Прекраса, – тихо ответила я.

И она ушла в другой мир. Вот так просто – без порталов и заклинаний. Как будто штору отодвинула. Миг – и Смерть исчезла, а дверь камеры с едва слышным скрипом приоткрылась.

Путь открыт!

Я, еще раз мысленно поблагодарив неожиданную свою сторонницу, прикрыла глаза и представила себе меч, постепенно восстанавливая в памяти его мельчайшие детали. Эфес-крылья с небольшой царапиной справа, густо-синий камень, врезанный в крестовину, золотистое узкое лезвие с едва заметной вязью, сплетавшейся в неясный орнамент из плавных линий и завитков. Наконец я увидела ангельское оружие предельно четко, казалось, можно протянуть руку и забрать его – настолько реальным оно выглядело.

Я протянула руку, коснулась пальцами рукояти, обтянутой светло-бежевой кожей...

И тотчас ощутила ее наяву.

Тогда я, не раздумывая, сжала пальцы и резким движением выдернула меч в реальность.

Получилось!

Ангельский меч вернулся к своей хозяйке! Я осторожно провела пальцами по вспыхнувшей вязи на лезвии и снова почувствовала уверенность в себе и своих силах. Магия, пусть пока слабая, заструилась по моим жилам.

Подойдя к двери, я бесшумно скользнула в темноту проема.

Я неслась по полутемным коридорам, освещаемым только слабым пламенем факелов. Бежала и чувствовала, как во мне оживает сила. Еще слабая, неясная, но уже надежная. На бегу я переделала свою одежду. На преобразование ночнушки в полноценный дорожный костюм тратить силы не хотелось, поэтому ограничилась тем, что рубашка из тонкого полотна превратилась в темно-синее шерстяное платье длиной чуть ниже колен, на ногах появились кожаные черные полуботинки на мягкой подошве. К тому же я применила заклинание, эффект которого сводился к очищению волос и тела. В конце концов, даже после камеры я должна выглядеть достойно перед встречей с неизменно элегантной красавицей Валерианой.

Все, я готова! Бесшумной тенью сбежав по каменной лестнице, благо план замка сохранился в моей памяти, я на всех парах неслась к подвалу в западном крыле – именно там, судя по всему, должна быть дверь, ведущая в подземные пещеры, где, собственно, и располагался портал Адских Врат. Господи, что же за название-то такое! Неужели нельзя их «предбанник миров» именовать как-нибудь поблагозвучнее? Ладно, я там не живу, поэтому мне, в принципе, наплевать, какое название у обиталища Валерианы...

Интересно, а где сама Хозяйка? Голову даю на отсечение, после того как меч исчез, она спешно сматывает удочки. Потому что это было явным признаком того, что ко мне возвращается сила. А после «инферно» Валериана меня наверняка побаивается – не знает,

чего ожидать. К тому же ей неизвестно, насколько восстановилась моя магия, а Хозяйка все-таки слишком дорожит своей драгоценной персоной, чтобы на собственной шкуре проверять степень моей боеспособности. Думаю, сейчас она уже либо в Адских Вратах, либо спешно готовится к отбытию туда.

Я стремительно проскочила еще один пролет, отмечая свой путь факелами, которые гасли, как только я удалялась на пару метров. Со стороны, наверное, это выглядело эффектно – тонкая фигурка с мечом приближается к факелу, он вспыхивает, как праздничный фейерверк, на миг озаряя золотые волосы, красивой волной летящие в воздухе, и почти сразу гаснет. Интересно, а куда вся стража делась? Неужели Прекраса всех разогнала?

На следующем повороте я на полной скорости налетела на кого-то, сбила его с ног и покатила кубарем по каменному полу, едва не выронив меч и одарив неожиданное препятствие парой матерных слов. Вскочив на ноги, я узрела длинные белые волосы и совершенно ошалелые янтарные глаза на темном лице, после чего добавила еще одно семиэтажное выражение на пару со слабеньким парализующим заклинанием, которого хватало аккурат на полторы минуты. Я во всю прыть неслась по коридору, с удовольствием выслушивая гневные выкрики Айзана Эмдера. Надо же! На этот раз мне удалось довести расчетливого и холодного темного эльфа до белого каления. С другой стороны, понять его можно – идешь себе по коридору, никого не трогаешь, и тут на тебя из-за поворота вылетает нечто, сбивает с ног, а потом еще и убегает, покрыв десятком матерных эпитетов и парализующим заклинанием. Оттого, что это сделал заклятый враг, которому, вообще-то, положено гнить в темнице, в цепях, без магии и оружия, тебе становится плохо. Вот так наглые донельзя Путешественницы выводят из себя восьмисотлетних темных эльфов! Я радостно усмехнулась, продолжая свой спринт по переходам замка, совершенно, как мне казалось, вымершего.

Очень скоро Айзан освободится, и вот тогда за мной бросится погоня, причем довольно серьезная...

Наконец я добралась до западного крыла и остановилась, чтобы перевести дыхание, а заодно и сориентироваться. Здесь у них обеденный зал, значит, чтобы попасть в подвал, надо проскочить мимо оружейной и свернуть в третий поворот налево, а потом все время вниз по лестницам. В боку немилосердно кололо, пришлось пойти в нужном направлении неспешным шагом, стараясь восстановить дыхание. Все-таки я довольно долго не бегала по лестницам и коридорам так, как будто преодолеваешь стометровку, потому-то мне и было сейчас мутно.

Впереди послышались крики, лязг оружия и гневные вопли. Похоже, там шла капитальная драка. Стражники, что ли, чего не поделили? Я неосмотрительно выглянула из-за угла и едва не поплатилась за неумеренное любопытство – мимо меня просвистела стрела, и если бы я не успела спрятаться за угол, то золотистое оперение пронзило бы мою грудь точно над сердцем...

Темная стрела с золотистым оперением?

Аннимо Орве!

Теперь-то мне ясно, что и с кем не поделила стража, поэтому с воплем: «Не трогать меня!» – я выскочила из-за угла и тут же напоролась на здорового охранника. Тот явно обрадовался неожиданному счастью, но мне пришлось его разочаровать, приложив не в меру ретивого мужика рукоятью меча чуть ниже пояса. Стражник пискнул и сложился пополам, а я вырвалась из его лапиц и добавила мужику пинок под задницу, отчего охранник рухнул на пол, где и затих.

Драка в коридоре уже почти сошла на нет, поскольку двум десяткам стражников было явно не устоять против троих разъяренных эльфов и одной не менее взбешенной вампириши. Люди ровными кучками уже лежали на полу, когда подбежала я. И сразу же оказалась под перекрестным огнем четырех неприязненных взглядов. Пришлось стушеваться и опустить глаза:

– Ребята...

– Ллина, – жестко начала Ниита. – Ты нас зачем позвала с собой? Может, тебе попросту одной скучно было?

– Ниита... – жалобно промямлила я.

Но вампиршу уже было не остановить:

– Тебе вообще-то друзья нужны, а, Путешественница? Или мы просто пешки в твоей очередной игре? Лидером захотела стать? А как что серьезное – нас подальше с поля, портал заперла, и давай подвиги творить! Ну как? Навоевалась? Домой нас сама отправишь или нам Арсения попросить? – жестко закончила подруга.

Я похолодела и с отчаянием взглянула на Дана, но в черных глазах эльфа не сумела разглядеть ничего, кроме вселенской тьмы. Вампирша хотела еще что-то сказать, но Элланон положил ей ладонь на плечо и, глядя на меня холодными зелеными глазами, тихо и спокойно ответил:

– Прошу прощения, *Путешественница*, но моя жена очень в вас разочарована. Она действительно считала вас другом и сожалеет теперь, что так ошибалась. Как и все остальные. Мы пришли освободить вас из плена, но, судя по всему, у вас и без нас все неплохо получается. Жаль только, что вы не давали о себе знать – тогда бы мы с чистой совестью разъехались. Судя по всему, с вами все в порядке, поэтому я выскажу от лица всех единственную просьбу – отправить нас домой. Или хотя бы в Галерею, где ваш Хранитель укажет нам путь в родные миры. – Элланон слегка склонил голову в вежливом поклоне, а у меня защемило сердце.

Я действительно была очень перед ними виновата. Обманула, пусть и для их же блага. Но прямо сейчас я была не в состоянии даже открыть портал в Галерею – это требовало уйму энергии, которой у меня пока попросту не было. И вряд ли появится в ближайшее время. Словно сквозь вату я услышала безукоризненно вежливый голос Аннимо Орве:

– Госпожа Путешественница, так вы отправите нас в Галерею?

Я только покачала головой, потому что горло перехватило, а в моих глазах стояли слезы. Эльф продолжал допытываться тем же ледяным тоном:

– Вы хотите, чтобы мы умоляли вас?

Я снова покачала головой и тихо произнесла:

– Я не могу.

– Простите, Путешественница, как это понимать? Вы ведь столько раз делали это...

– У меня больше нет магии. Почти нет. На открытие портала не хватит... – еле слышно призналась я.

– То есть как «нет магии»? Куда же она делась?

Кажется, в голосе Нииты проскочило что-то похожее на волнение.

Я сморгнула слезы и повторила:

– Нет у меня больше магии. По крайней мере, в ближайшее время. А того, что есть, не хватит даже на полноценный боевой пульсар...

– Ты мне лучше ответь, куда ты ее разбазарить умудрилась? – Вампирша, похоже, решила на время оставить свою обиду, потому что положение сложилось действительно бедственное – я почти без магии, мы все в чужом, весьма враждебном мире, причем в случае чего экстренной эвакуации не предвидится.

– Ллина, отвечай! – Ниита слегка тряхнула меня за плечо.

Я подняла на нее глаза и по лицу у меня стекла маленькая слезинка.

– Когда «инферно» вызывала. Чтобы нежить уничтожить.

– Что еще за «инферно» такое?

– Оставь ее. Кажется, я понял, про что она говорит, – раздался от окна слегка взволнованный голос Дана. – Подойдите сюда.

Друзья дружно выглянули в довольно широкое окно, располагавшееся в конце коридора. Я тоже подошла, потому что результаты своей деятельности еще не видела.

– Ллина, ты уверена, что это ты сделала? – пораженно прошептала Ниита.

– Кажется... – не менее ошарашенно ответила я, глядя на выжженную равнину на месте

холма. Замку тоже досталось – стены, обращенные в сторону сработавшего «инферно», изрядно потрескались и закоптились, но все-таки устояли.

– Мамочки... – Я сползла по стене. – Хорошо, что вы были в Галерее...

– Да неужели? – ехидно спросила приятельница, но прежней обиды в ее голосе не было.

Я только кивнула и прижалась лбом к теплой рукояти меча.

– Ниита, я не буду объяснять принцип действия «инферно», скажу только, что он уничтожает все, в чем есть частица творца. То есть все живое, призраков, демонов, нежить... Вообще все, понимаешь. Как правило, за исключением того, кто это заклинание творит. Но и здесь тоже есть свои исключения – чем мощнее и обширнее «инферно», тем больше вероятность, что оно может уничтожить и своего заклинателя. В моем случае вышло так, что «инферно» пошло в глубь холма – то ли там было что-то такое, что заклинание посчитало опасным, то ли просто из-за того, что место зачарованное. Так или иначе, но шанс выжить у меня был один из десяти. Вас бы всех в порошок стерло...

– Ллина, а зачем ты вообще решишь на такое опасное заклинание? – Элланон присел рядом со мной на корточки, осторожно вытирая мне слезинки.

Я посмотрела в его потеплевшие зеленые глаза и вздохнула посвободнее:

– Там была армия нежити, которую некромантка никак не смогла бы упокоить самостоятельно. Если б мы просто ушли, то она отпустила бы эту армию на вольные хлеба. И нечисть не утихомирилась бы, пока не напилась бы живой крови. Представь, сколько разумных существ обречены были на смерть...

– Иди сюда, – мягко сказал зеленоглазый эльф и осторожно, как ребенка, обнял меня.

Мой меч, тихо звякнув, выпал на каменный пол. Я вцепилась в зеленую тунику друга и тихонько шмыгнула носом, чувствуя, что прощена.

– Элланон, мне так жаль, что я не предупредила вас. Я боялась, что вы непременно попытаетесь остаться... Как Аннимо... – Я снова шмыгнула носом. – Как этот невозможный, донельзя упрямый и безответственный эльф! Аннимо, прости. Но времени тогда уже не было... Друзья... Честное слово, я так больше не буду...

– Ладно, считай, поверили! Но это в последний раз, – улыбнулась вампирша и тотчас кинулась меня обнимать. – Зараза ты наша, мы так волновались!

– Да-а, – усмехнулся Элланон. – Это надо было видеть – мы прыгаем вокруг тролля, тут через портал влетает Орве, причем спиной вперед, как будто ему помогли... Затем «окно» превращается в зеркало, а Аннимо, не успев приземлиться, уже кричит, что ты нас всех обманула, а сама решила остаться там. Я как представил тебя одну против полчищ нежити, так мне плохо стало. Ниита верещит как резаная, Маркус всех матом кроет, чтобы заткнулись и дали Арсению делать свое дело, тролля нашего лечить, Аннимо ангела дергает, чтобы портал открыть, а тот только отмахивается – мол, если закрыла, значит, так надо, ты не маленькая, сама знаешь, что и как лучше. А Дан, когда узнал, что ты не вернулась и пробиться к тебе в ближайшее время нельзя, просто сел у колонны, да так целый день и просидел, опираясь на свою железку. На него вообще смотреть страшно было – глаза словно неживые, не двигаются... Ниита его все растормошить пыталась, да только без толку. Очнулся, только когда Арсений портал открыл...

– Кстати, – попыталась я вклиниться в словесный поток эльфа. – А где Маркус?

Элланон замолчал, жалобно посмотрел на Нииту, та – на Аннимо.

– Ллина... Видишь ли...

– Маркус погиб, когда мы пробирались в замок, чтобы тебя вытащить.

Ледяной голос Иллидана прозвучал похоронным звоном, а вампирша, словно смущаясь, вынула из кармана заляпанный кровью серебряный крест паладина и протянула его мне:

– Он просил, чтобы мы отдали тебе это. Сэр Маркус сражался до конца, потому что верил, что умирает не зря.

Я даже не отреагировала на реплику Иллидана, во все глаза уставившись на

серебряный крест паладина. Я гладила его пальцами и тихо шептала:

– Ты же обещала, что они пройдут сюда. С минимальными потерями. Почему же не сказала, что один из них не вернется?

– Если бы я сказала, что должна забрать одного из них... Что бы ты сделала?

– Прекраса?

– Ты не ответила. Что бы ты сделала, если б я сказала, что Маркусу не суждено добраться до тебя?

– Не знаю. Попросила бы...

– Ты знаешь, что такую просьбу я выполнить не смогу. У каждого есть свое предназначение. У меня тоже. Твоя просьба была бы бессмысленной...

– Но это я позвала его. Это я виновата в его гибели. Ведь если бы я оставила его дома...

– То он умер бы в этот же день во время подавления очередного мятежа. В его смерти твоей вины нет. К тому же, ТАМ ему несравненно лучше, чем здесь... Что может быть желаннее для воина света, чем рай?

– Ему там действительно хорошо?

– Думаю, что да. Когда я приходила за ним, он сожалел только, что так и не узнает, чем закончится вся эта история. Но я пообещала ему...

– Что же?

– Что, когда все закончится, я навещу его и все расскажу.

– Спасибо тебе, Прекраса.

– Не за что. Теперь побыстрее уходите, потому что за вами уже пришли.

Разговор прервался, а я, быстрым движением надев крест паладина на шею, подхватила меч и объявила:

– Уходим.

– Что, опять на коне, Ллина? – спросила Ниита.

– Нет, просто за нами сейчас придут.

– Приступ ясновидения? – съязвил Элланон.

– Нет, меня предупредили.

– И кто же, позволю спросить?

– Смерть. Я ей склонна доверять.

С этими словами я побежала к лестнице, ведущей вниз.

В конце концов, путь в Адские Врата только один.

И он лежит через подвалы западного крыла...

– Интересно, то, что здесь не убираются, это изощренная дизайнерская находка или просто руки не доходят? – ворчала Ниита, в очередной раз стряхивая с волос паутину, которая висела на низком потоке так густо, что выглядела чем-то вроде серых, пропыленных штор.

– Скорее всего, им попросту лень, – недовольно буркнула я, задев какую-то полку, с которой моментально осыпалось полведра пыли. Хорошо еще, что не мне на голову. Подруга фыркнула и пошла дальше, я же немного отстала, пропуская вперед Элланона, и, дождавшись Дана, замыкавшего нашу цепочку, пошла рядом с ним. Некоторое время мы брели молча, потом я все-таки решила начать разговор:

– Дан, ты по-прежнему на меня обижен? За то, что не успела предупредить?..

– Нет. Я на тебя не обиделся.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем, Ллина. Смотри под ноги, не то упадешь.

Эльф замолчал.

Подвал освещался лишь скудным светом факелов, которые освещали только сами себя, – остальное помещение терялось в сумерках. Я тяжело вздохнула и в сотый раз проверила себя на предмет восстановления способностей. В сущности, почти ничего не изменилось – сила по-прежнему держалась на отметке двадцати процентов общего уровня доступной мне в обычном состоянии магии. В принципе, это лучше, чем совсем ничего, – я

худо-бедно могла обороняться от не очень сильного мага или сотворить одну из стихий, но о вызове двух или более сразу до завтрашнего дня можно было забыть. Я отогнала от себя печальные мысли и сосредоточилась на том, что мне говорила Прекраса. Она сказала, что за нами кто-то придет, но не уточнила, кто именно и чем это нам грозит. Я понимала, что просто так Смерть предупреждать не будет. Отсюда вывод – если враги нам позволяют спокойно пройти в пещеры, значит, там скрывается какая-то особенная гадость, подготовленная Валерианой. То, что Хозяйка могла просто убраться в Адские Врата и не подстроить нам какую-то изощренную подлость... Не-ет, на такое великодушие с ее стороны рассчитывать нельзя. Скорее я поверю в то, что разъяренная голодная кобра интеллигентно извинится и поползет по своим делам, так никого и не укусив.

Я хотела было поделиться своими опасениями с друзьями, но они уже обнаружили перегородившую коридор дверь и теперь ломились в нее с упорством таранов. Ниита скромно стояла в сторонке и ехидно предлагала мужу подолбиться лбом. В ответ Элланон предложил вампирше прогрызть нам путь в пещеру. Ниита ограничилась фигой и нехитрым высказыванием, после чего работа по взлому закипела с удвоенной силой. Я прикинула на глаз толщину дубовых досок и пришла к выводу, что к тому моменту, когда друзья сломают эту треклятую дверь, силы у меня восстановятся полностью, и мы сможем безбоязненно переть грудью на амбразуру. Наконец Дан обозлился и, выхватив из-за спины свое двойное лезвие, вонзил его туда, где, по идее, должен находиться замок. Брызнули искры, что-то хрустнуло, и дверь поддалась после несильного удара ногой.

– Давно бы так, – не забыла отметить я, проходя в дверной проем под внимательным взглядом Иллидана.

Эльф только пожал плечами, но ничего не ответил. Я же в свою очередь расстроилась, потому что шпилек и подначек Дана мне явно не хватало. Недоставало наших прежних препирательств и состязаний в острологии...

– Ллина, ты как? – раздался голос Аннимо Орве.

Я машинально повернула голову, но на реплику не отреагировала. Фиалковые глаза эльфа потемнели, и он тихо спросил:

– Ты себя плохо чувствуешь?

– Не знаю, – неохотно ответила я. – Недельное пребывание в камере никого не радует. Да еще и Айзан здесь...

– Что? – Дан очутился рядом как по волшебству. Всю его холодность и высокомерие словно ветром сдуло. – Повтори. – Он взял меня за плечи.

– Айзан Эмдер здесь, – послушно повторила я.

– Ты его сама видела?

– Он в камеру ко мне заходил, – неохотно ответила я.

Глаза Дана почернели и сузились.

– Что-нибудь сделал?

– Не-а. Погрозил слегка, я высказала ему все, что о нем думаю, и больше он не появлялся.

– Интересно, что же надо было сказать темному эльфу, чтобы он настолько задумался?

– Я объяснила, что мне плевать, каким образом он собирается мстить.

– ???

– Да, еще я сбила его с ног, обматерила и связала парализующим заклинанием. Но это уже когда из камеры сбежала...

– Сумасшедшая... – потрясенно выдохнул Дан и легонько провел ладонью по моей щеке.

– Айзан сказал мне то же самое, – улыбнулась я. – Видимо, ему мое поведение тоже кажется малость нестандартным...

– Эй, вы идете или в подвале решили зимовать? – Ниита легонько хлопнула меня по плечу. – Пошли, а то мы к порталу еще не скоро дойдем...

Я машинально сделала несколько шагов, а потом до меня вдруг дошло.

- Ребята, вы что, в Адские Врата собираетесь?
– Разумеется. – Элланон недоуменно посмотрел на меня.
Я остановилась.
– Народ, стойте. Есть разговор.
– Да? И какой же? – саркастически спросил Дан.
Я с тоской посмотрела на него и ответила:
– Вам туда нельзя...

Лучше бы я этого не произносила. Соратники все как один замолчали и посмотрели на меня с осуждением. Я же уселась на каменный пол и стала объяснять, опустив глаза:

– Вы – мои лучшие друзья, самое дорогое, что у меня есть. С тех пор как я стала Путешественницей, я не жила ни в одном мире больше двух лет, а за это время даже надежных товарищей найти не получалось. Потом снова уход, другие существа... У меня... у меня вообще друзей не было. Никаких. Я не могу позволить себе потерять вас. Адские же Врата – это не аналог Галереи. Вернее, там тоже стоят порталы в другие миры, но на этом сходство заканчивается. Народу там хоть отбавляй, причем жить там может кто угодно – от Высших демонов до банальных гоблинов и мелкой нечисти. Именно потому, что у Адских Врат так много защитников, и существует мир с переходом туда. Для Галереи такого мира с прямым порталом быть не может, потому что в отсутствие Путешественника защитник у Галереи один – Хранитель. Именно поэтому ангел не имеет права покидать Галерею. В общем, если вы сунетесь в Адские Врата, велика вероятность того, что там и останетесь. Нам уже не вернуть Маркуса. Не хочу терять еще и вас...

Я подняла глаза на своих притихших друзей. А они смотрели на меня и улыбались.

– Вообще-то мы ждали от тебя что-то подобное. – Элланон присел рядом и взял меня за руку. – Видишь ли, мы с Ниитой, еще когда покидали свои дома, заранее предупредили своих близких о том, что можем не вернуться. Еще там решили, что идем с тобой до конца. Несмотря ни на что.

– От нас тебе так просто отделаться не удастся, – подвел итог Аннимо. – Мы все равно пойдем, и от твоего нежелания это решение не изменится. В путь?

Он протянул мне руку, и я, уцепившись за нее, встала, закинула меч в наспинные ножны, которые позволила себе сотворить час назад, и пошла вперед.

Пещеры мне нравились все меньше и меньше. Раздражали сталагмиты, растущие прямо из пола, которые так и норовили попасться под ноги. Еще больше злило то, что враг каким-то образом себя до сих пор не проявил. Вначале такое положение дел, безусловно, радовало, но потом возникло подозрение, что все гадости, которые могли попасться на пути, перенесли непосредственно к конечной цели нашего блуждания, а именно к portalу, ведущему в Адские Врата. Последнюю мысль я озвучила, и она нашла немедленный отклик в действиях моих товарищей – они одновременно, не сговариваясь, начали ненавязчиво проверять оружие, перемещая его так, чтобы можно было мгновенно пустить в ход.

Как оказалось, очень своевременно.

Из бокового хода на нас выскочило что-то небольшое, верткое и очень зубастое. Оно сбilo меня с ног, клacнуло зубами в опасной близости от моего уха. Я заорала и влeпила в клыкастую морду полноценный заряд пульсара. Тварь взвыла, принялась кататься по полу, пытаясь сбить пламя. В воздухе противно завоняло паленой шерстью, и тут же рядом со мной свистнула эльфийская стрела, вошедшая зверю точно в левый глаз. Существо дернулось и затихло, а я наконец-то смогла встать.

– Ллина, ты как?

Я только отмахнулась и подошла поближе к поверженному. Живность сильно смахивала на волка, имела угольно-черную шерсть, а на ее спине росли белесые, почти прозрачные иглы.

«Иглошерстый волколак», – безошибочно определила я.

Все, теперь влипли. Выходит, Валериана все-таки начала перетаскивать наиболее

неприятных монстров из других миров. Теперь понятно, откуда взялась иглистая сирена в мире Аннимо Орве...

– Ребята, у нас КРУПНЫЕ проблемы.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно поднял черные брови Дан.

Он-то меня уже давно знает и прекрасно понимает, что к пустой панике я совершенно не склонна.

– Только то, что чем быстрее мы отсюда свалим, тем лучше. Иглошерстый волколак лишь разминка. Теперь Валериана знает, что боевой магией я пользоваться могу. Значит, стоит ожидать кого-нибудь посерьезнее.

– А давайте просто быстро-быстро пойдем дальше, – предложила Ниита. – Мне тут как-то не по себе.

Я согласилась и ускорила шаг. Уж если вампирше с ее обостренной интуицией неуютно, то сваливать из этого лабиринта надо как можно быстрее.

С волколаком мы справились играючи, но дальше на таких же слабеньких противников можно не рассчитывать. Зная Хозяйку, могу сказать только одно – она постарается, чтобы к финалу мы вышли живыми, но полностью вымотанными. Вот тут-то она и возьмет нас голыми руками...

Я еще раз проверила свой магический резерв, и немало удивилась тому, что после драки мои способности не только не уменьшились, а, напротив, возросли. Я довольно улыбнулась – сама того не подозревая, Валериана поможет мне скорее восстановиться. Видимо, стресс, возникший во время схватки, стимулировал рост способностей, активизировал внутренние резервы. Отсюда вывод – чем больше драк на нашем пути, тем выше мои шансы. Последней мыслью я поделилась со своими друзьями. Ответом мне стали неуверенные улыбки и реплика Элланона:

– Вечно у тебя, Ллина, все не как у людей.

– Ага. – Я широко улыбнулась и тут же с удивлением обнаружила, что ко мне вернулось внутреннее зрение.

Недоверчиво обвела взглядом окружающее пространство – точно, так и есть. Я видела яркие, разноцветные ауры своих друзей, а посмотрев на свои руки, заметила, как меня окружает золотистый светящийся ореол. Живем! И вдруг на потолке прямо над ними появился ярко-красный сгусток ауры.

Огненный лук возник в моих руках сам собой, и тут же алое пятно на потолке приняло очертания огромного паука. Я взвизгнула и с перепугу выпустила две огненные стрелы сразу. Восьмилапое недовольно дернулось и оторвалось от потолка. Дан взмахнул своим двойным лезвием, отесняя очередное чудовище к стене. Взвизгнула тетива Аннимо, но стрелы отскакивали от хищника, как от стены.

– Аннимо, по глазам бей! – закричала я и, распылив огненный лук, вытащила из ножен меч, вспыхнувший ослепительным золотым светом.

Паук попятился было, и тут же стрелы Аннимо поразили два из его восьми глаз. Еще один выбила Ниита метательным ножом, и раненое членистоногое завертелось на месте, пытаясь уйти от света и эльфийских клинков. Сияние ангельского меча словно затормаживало его движения, и вскоре паук оказался покрошенным на кусочки.

– Ну, вы даете... – присвистнула я, оглядывая то, что осталось от гигантской твари. – С вами в темном переулке лучше не встречаться.

– Это смотря с какой целью, – ехидно усмехнулся Дан, вытирая лезвия at'tha hianda о собственный плащ.

Надо было идти дальше. Теперь, когда стало ясно, что спокойно одолеть оставшееся до портала расстояние не получится, мы сами стали кидаться на встречающих монстров, потрясая оружием и пугая разношерстную нечисть воинственными воплями. Особенно меня насмешил момент, когда из-за поворота выскочил огромный волосатый мужик с топором в руках. Увидев наши зверские, перемазанные грязью и чужой кровью рожи, сверкающее оружие, бандюга взвыл и скрылся в ближайшем боковом коридоре. Вампирша несколько

разочарованно посмотрела ему вслед и сокрушенно прокомментировала:

– Дожила. От нас уже мужчины с воплями сбегают...

Элланон ухмыльнулся и приобнял жену за талию:

– Дорогая, не волнуйся. Я не убегу... по крайней мере, не с воплями. Вот если втихомолку...

– Только попробуй! – Вампириша щелкнула клыками у носа супруга.

Тот притворился, что напугался до полусмерти, и пропищал измененным голосом:

– Вампира, вампира... Не трогай эльфа, однако... Моя не виновата, однако...

Не знаю, откуда Элланон знает анекдоты о чукчах, но у него это получилось настолько смешно и нелепо, что мы дружно расхохотались. Правда, смеялись недолго, потому что следующий поворот вывел нас в огромную пещеру, озаренную красновато-оранжевым светом.

Все как в классической преисподней – острые черные скалы, слева ущелье, на дне которого пышет жаром река раскаленной лавы, а посередине – высокий вытянутый портал в Адские Врата. Он сверкал и переливался всеми оттенкам настоящего огня. Я не могла не признать, что это было эффектно, даже завораживало какой-то злой, дикой красотой.

По поверхности портала пошло возмущение, словно круги по воде, и через несколько секунд перед нами предстала сама Хозяйка. Сегодня на ней было огненно-красное платье до пола с открытой спиной и разрезами до середины бедер. Алые босоножки на высоком каблуке довершали образ Королевы Тьмы. Что ж, Валериана была, как всегда, неотразима. Против нее я, в простеньком наряде, с волосами, заплетенными в косу, вымазанная кровью и грязью, смотрелась... Честно говоря, никак. И если Добро и Зло выглядят так же, как мы с Валерианой, то я понимаю, почему все больше разумных существ склоняются к темной стороне мироздания... Зло всегда прекрасно снаружи и уродливо внутри, но мало кто обращает внимание на содержание при наличии столь великолепных форм.

Я тяжело вздохнула и, вытянув меч из ножен, выступила вперед.

– Ну что, сама отдашь артефакт или мне забрать?

Хозяйка хмыкнула, и в руках ее появился жезл с Печатью.

– Вот этот? – Валериана небрежно повертела жезл в руках, и за ее спиной возникли Кризан Восьмой и Айзан Эмдер во всеоружии. – Нет, дорогая. Просто так не отдам. Обменяю.

Я удивленно посмотрела на нее, понимая, что весь этот треп просто попытка отвлечь нас от чего-то более серьезного, но я, приняв максимально непринужденный вид, величественно кивнула Хозяйке:

– И чего ты хочешь в обмен?

Валериана взглянула на меня насмешливо.

– Его, – и указала жезлом на Иллидана. – Айзан вот уже несколько столетий горит желанием с ним активно пообщаться, да и мне он... нравится. Ну, так как? Отдашь его, и Печать твоя. В конце концов, ты Путешественница. Думай. Что для тебя важнее – долг или любовь? Жизнь дорогого тебе эльфа или десятки тысяч судеб, которые ты сможешь спасти, когда Печать окажется в твоих руках и ни я, ни мои прислужники уже не смогут хозяйничать в твоих мирах? Решай, Ллина...

Валериана ухмыльнулась, а я задумчиво смерила взглядом расстояние сначала до нее, а потом до портала, прикидывая, успею ли вырвать из ее рук Печать, прежде чем Хозяйка перенесется в Адские Врата.

– Время вышло, Путешественница. Твой выбор?

Вот тогда я с огромным наслаждением показала ей оттопыренный средний палец.

И сразу же телепортировалась прямо к ней.

То ли от меня такого не ждали, то ли моя нахальная выходка ошеломила присутствующих, но на несколько секунд все застыли.

Этого времени мне хватило для того, чтобы сделать три вещи: одним движением срубить Печать с жезла, с размаху засветить противнице в глаз и, подхватив с пола пещеры

срубленный артефакт, благополучно телепортировалась к своим друзьям.

Время дрогнуло и пошло нормальным ходом, а в голове я услышала тихий голос:

– Молодец, Путешественница.

– Прекраса! Так ты на самом деле замедлила время, чтобы мне помочь?

– Да. И ты этот шанс использовала как нельзя лучше. У Арсения есть повод гордиться своей воспитанницей.

Я победно посмотрела на зашедшуюся истерикой Валериану, под правым глазом которой уже наливался черным цветом фингал приличных размеров. Еще больше меня порадовало, как взвыла Хозяйка, когда обнаружила, что в руке ее находится куций обрубок. Я улыбнулась и продемонстрировала ей Печать Серафима.

– Валериана, солнышко, спасибо за сувенир!

Хозяйка злобно взвизгнула и проорала:

– А вы что стоите? Убейте их! Печать и меч – мне!

Айзан словно только и ждал команды. Он метнулся к нам темной молнией, но тотчас был перехвачен Иллиданом. Заклятые враги скрестили оружие. Сабли дроу со свистом рассекали воздух, мелькая серебряными молниями, но Дан раскрутил свою at'tha hianda, как пропеллер вертолета, превратив ее в сверкающий по краям непробиваемый щит. Во время следующего приема темный эльф едва не лишился одной из сабель, и противники сменили тактику – теперь они кружили друг против друга, время от времени делая настолько стремительные выпады, что движения смазывались. А потом мне самой пришлось уходить из-под обстрела мощными шаровыми молниями, и я не могла больше следить за поединком эльфов.

Валериана разъярилась до такой степени, что смертоносные заклинания взрывали каменный пол пещеры прямо у меня под ногами. Я успевала только уворачиваться и отражать прямые заклинания ангельским клинком, но из-за того, что Печать Серафима была зажата в моей ладони, лишилась возможности отвечать Хозяйке магией. Защиту-то я ставить могла, но вот для атакующих заклинаний была необходима хотя бы одна свободная рука, а времени создать какой-нибудь карман, чтобы сунуть туда Печать, у меня не было. Вот я и носилась кругами, приводя Валериану в ярость еще сильнее и заставляя тратить ее свой резерв, а заодно значительно изменить интерьер пещеры.

Где-то рядом вскрикнула Ниита, но отвлекаться и смотреть, что с моей подругой, времени не было. Судя по тому, что обстрел начался с двух сторон, ребята никак не могли справиться с Кризаном. Немудрено – Валериана накачала своего помощника неслыханной мощью, при этом окончательно разрушив его разум, так что в данный момент Кризан Восьмой был как мартышка на ядерной боеголовке. Очередной взрыв магии отбросил меня прямо к обрыву – затормозила я в каком-то жалком метре от его края. На миг обстрел прекратился, и этого было достаточно, чтобы я успела вздеть меч высоко над головой. Ангельское оружие вспыхнуло, и с его острия сорвался слепящий шар белого цвета, который стремительно пересек поле боя и врезался в грудь сумасшедшего мага.

Кризан замер и тотчас осыпался кучкой серого пепла, не успев произнести ни слова.

Притихла даже Валериана, глядевшая на пепел, оставшийся от мага, накрывшего себя щитом с шестью ступенями защиты, пробить который было теоретически невозможно, так как это был человеческий аналог Сферы Высшей Защиты. Не всякий Путешественник с ходу такой проломит. Я же стояла напротив них, и в правой руке у меня белым огнем полыхал ангельский меч, а в левой сквозь пальцы пробивалось золотистое сияние Печати...

– Сильна, Путешественница. Но ты по-прежнему слишком правильная! – С этими словами с пальцев Валерианы сорвались сразу два «Отблеска Смерти» – огненных шара, созданных из багрово-черного адского пламени. Отразить его нельзя, убивает почти моментально, а защиту в своем нынешнем положении я могла поставить либо только на себя, либо на того, кому предназначен второй шар...

Время растянулось, и я с ужасом наблюдала за тем, как один шар летит к моей груди, а второй – в спину Дана, который, это я знала уже абсолютно точно, уклониться не успеет.

Собрав остатки своей силы, я воздвигла вокруг Иллидана бело-голубую стену, которая поглотит «Отблеск Смерти» и сохранит ему жизнь. Но на себя сил уже не оставалось...

Время дрогнуло и потекло с обычной скоростью. «Отблеск», направленный на эльфа, стукнулся о стену, вспыхнувшую белым пламенем, и моментально погас...

Второй шар пробил мне грудь насквозь и истаял алыми искрами, брызнувшими во все стороны от сквозной раны размером с кулак...

Я пошатнулась, камень под моими ногами дрогнул и начал медленно оползать в бездну...

Печать звонко хрустнула в моих судорожно сжатых пальцах, и по ним потекло что-то густое и прохладное...

Посыпался дождь камней, увлекавших меня за собой...

Я летела сквозь мрак навстречу синему свету с золотыми искрами, который становился все ярче. Где-то в бесконечной мгле мелькнули золотые волосы Прекрасы и ее мудрые бирюзовые глаза.

Неведомо откуда поднявшийся ветер отбросил с моего лица призрачные волосы и понес куда-то вдаль...

Туда, где искрил и переливался густой синий свет...

Оказывается, умирать совсем не страшно...

Здравствуй, Прекраса. Вот мы и свиделись...

Глава 5 СВЕТ И ТЕНЬ

Я медленно плыла по течению. Тьма вокруг прояснилась, и я с удивлением поняла, что нахожусь в океане. В темной и холодной воде, покрытой коркой льда. Сейчас я словно висела в толще океана, и над головой у меня была поверхность, затянутая белоснежной коркой, а под ногами – черная бездна... Я оглянулась, и мои волосы шевельнулись, будто подхваченные неощутимым течением. Здесь должно было быть холодно, но я почему-то этого не ощущала...

Я опустила взгляд, увидела свои полупрозрачные руки...

И тут все же вспомнила.

Я все-таки умерла. Мало того, что меня продырявили, я еще умудрилась попасть в реку лавы.

Печально, но ничего не поделаешь...

Я оглянулась в надежде найти хоть кого-то, кто подсказал бы мне, что теперь делать, но темно-синяя вода была абсолютно безжизненна. Безжизненна? Я горько усмехнулась. Какая, к черту, может быть жизнь ЗДЕСЬ? Я еще раз обвела взглядом лед над моей головой, посмотрела на черноту, разливающуюся под ногами, и решительно развернулась в ее сторону. Какая разница, вниз или вверх? Лед над головой я точно не пробью. Остается только мгла далеко внизу...

– Куда собралась, Путешественница? – Спокойный, хорошо знакомый голос раздался совсем рядом и, казалось, заполнил собой весь океан.

Я встрепелась и, подняв голову, столкнулась взглядом с мудрыми взглядом Смерти.

– Здравствуй, Прекраса. Как видишь, меня все-таки убили.

Смерть улыбнулась уголками губ и совершенно спокойно произнесла:

– А вот в этом ты ошибаешься.

– Да что ты говоришь! – усмехнулась я, с вызовом сложив руки на груди. – Я, конечно, вынослива, но не настолько, чтобы выжить, получив дырку в груди и упав в лаву.

– Ты попала на небольшой выступ уцелеть. Так что твое тело от лавы сейчас отделяет еще не меньше ста метров. – Прекраса плотнее завернулась в свой истрепанный коричневый плащ и приблизилась ко мне. – Ты снова на Грани. Тьма под

твоими ногами – это ТА сторона, откуда ты вряд ли вернешься. По крайней мере, не в этой эпохе. Лед над головой – возвращение к жизни, в твое собственное тело. Так что тебе выбирать, куда направляться.

– А что бы ты посоветовала?

Смерть на секунду задумалась, а потом решительно ответила:

– Знаешь, по всем правилам я должна была бы проводить тебя на ТУ сторону, но, поскольку ты спрашиваешь моего совета... Лично я посоветовала бы вернуться. Твой путь еще не закончен, ты еще не выполнила свое Предназначение.

– Понятно... – Я на миг задумалась, а потом оценивающе посмотрела на корку белоснежного льда над головой. – Я смогу пробить его?

Прекраса изящно пожала плечами и ответила:

– Кто знает. Я не говорила тебе, что возвращение дастся легко. УЙТИ всегда проще, чем ВЕРНУТЬСЯ.

Я посмотрела на нее и решительно стала подниматься.

Прикоснулась полупрозрачными ладонями к прохладной белой поверхности, на миг вслушалась в себя, а потом со всей силы ударила кулаком в преграду. Боль пронзила правую руку от кисти до локтя, но кровь не выступила. Все правильно, откуда взяться крови у бесплотной души? Я стиснула зубы и ударила еще раз. И еще... Треклятый лед и не думал поддаваться. Я с отчаянием взглянула на Прекрасу, в глазах которой читалось любопытство. Так наставник наблюдает за воспитанником, которому он поручил заведомо невыполнимое задание, и теперь ему самому интересно, справится ли ученик.

Я нахмурилась и перевела взгляд на девственно-белую преграду. Внутри меня поднималась злость на этот треклятый лед. А потом, когда я вспомнила, что после моей гибели друзья остались один на один с Валерианой без магической поддержки, то поднял голову и страх. Не за себя, а за них. От моего правого кулака во все стороны брызнуло сине-золотое свечение, и я ударила в преграду снова...

Во льду появилась небольшая трещина...

Я улыбнулась и принялась долбить поддающуюся ледяную корку. Разлом расширился, от него во все стороны побежали более мелкие трещинки-ручейки...

Удар, еще удар...

От преграды уже отпадали целые куски, сначала совсем крохотные, похожие на маленькие бриллианты, затем все более крупные. Наконец мой кулак пробил корку насквозь, и в холодные глубины хлынул ослепительно белый свет. Едва его первые лучи озарили меня, как все мое существо охватила удивительная легкость. Руки словно впитывали этот слепящий чистый свет, я растворялась в нем, постепенно становясь ИМ. Меня подхватило и понесло... А потом я помню только свет...

Ох, мать твою, как же больно!

Я с трудом приоткрыла глаза, обозревая окружающее. Правый глаз чем-то заливало, и я, с трудом подтянув руку, стерла с лица теплое и липкое. Кровь. Моя. Та-ак, а вот это уже не есть хорошо... Я попыталась перевернуться с живота на спину, но не смогла. Было ощущение, что на спине лежит что-то тяжелое. Я попыталась стряхнуть это «что-то», и оно сползло по левому боку теплой шуршащей волной. Я повернула голову и едва не заорала от неожиданности – слева от меня, почти полностью укрыв бок, лежало безжизненное крыло, покрытое сапфирово-синими перьями с едва заметным золотистым отливом. Поскольку шея у меня болела просто жутко и я была не в состоянии разглядеть подробности, то попросту дернула за это крыло, намереваясь его с себя стащить.

Крыло на удивление не поддавалось, а когда я дернула его посильнее, то почувствовала боль у левой лопатки. И как же это понимать? От догадки, посетившей мою голову, я побелела, как потолок в гостиной Милиного особняка, но мысль нуждалась в проверке, поэтому я слегка напрягла мышцы на спине, и распростершееся на черных камнях крыло тотчас дернулось.

От неожиданности я вскрикнула и подскочила на месте, встав на четвереньки. С правой стороны свесилось второе сапфировое крыло, слегка оттягивая спину, и до меня окончательно дошло, что это мои крылья.

– Спокойно, Путешественница, спокойно, – пробормотала я, осторожно садясь на теплые камни. – Без паники...

Я внимательно осмотрела себя, кое-где даже ощупала и наконец убедилась, что дырок во мне больше нет, если не считать продранной, а в некоторых местах даже прожженной одежды. Ноги были целы, руки тоже... Крылья... Я мрачно покосилась в сторону неожиданно-негаданно взявшихся конечностей и, попытавшись ими пошевелить, с удивлением обнаружила, что они подчиняются. Ощущения были похожи на те, когда во сне отлежишь руку – вначале ее вообще не чувствуешь, как будто и нет совсем, но потом кровообращение восстанавливается и все налаживается. Поначалу крылья висели безжизненным грузом, но спустя несколько минут я уже смогла заставить их аккуратно сложиться за спиной, так что их вес почти не чувствовался.

Ладно, с дополнительным «оборудованием» будем потом разбираться. Сейчас надо найти меч и подумать, как отсюда можно выбраться. Я задрала голову – где-то высоко полыхало алое зарево портала, позволяя мне четко отличить границу ущелья от потолка пещеры. Прикинув высоту подъема, я поняла, что в таком состоянии фиг туда залезу.

Разве что попробовать взлететь?..

Ага, с учетом того, что летать я не умею, а под ногами – река лавы. Оригинальная мысль. Безопасная, главное... Ох, какая же я все-таки оптимистка! Сразу вспомнился бородатый анекдот: падают два альпиниста – пессимист и оптимист. Первый кричит: «Я падаю, я падаю!». Второй: «Ух ты, лечу!»

С тяжелым вздохом я опустила взгляд на свои уже зажившие руки и с удивлением обнаружила, что татуировка на левом запястье изменилась. Теперь это был не хаотичный набор непонятных символов, а стилизованное изображение Печати Серафима – круг, от которого отходят длинные вытянутые крылья, обвивавшие всю руку и соприкасающиеся кончиками на тыльной стороне ладони. Внутри круга медленно проявлялись те же символы, что всплывали из синевы камня, вставленного в Печать, только...

Только теперь они мне были понятны.

Я уставилась на изменившуюся татуировку, и в этот миг мир сменил очертания.

У меня было ощущение, что мое внутреннее зрение каким-то образом наложилось на обычное, потому что, стоило мне пристально посмотреть на какой-либо предмет – и вокруг него моментально возникала цветная аура. Я мотнула головой, и ощущение пропало. Зато пришло *знание*. Теперь я откуда-то точно знала, что мой меч воткнулся в расщелину между камнями прямо под узкой площадкой, на которой я расположилась. Все еще не совсем доверяя своим новым ощущениям, я медленно приблизилась к краю и сразу увидела меч, довольно вспыхнувший при моем приближении. Дотянуться до него было проблемой – оружие застряло на три метра ниже между небольшими камнями на почти отвесной стене. Но стоило только пожалеть о том, что до клинка мне не добраться, как он залился золотистым светом и слегка дрогнул. Я наконец-то вспомнила, что меч можно позвать. М-да, головой я видимо хорошо приложилась, когда упала. Или это смена обстановки так на меня подействовала? В конце концов, не каждый день из обычной Путешественницы становишься гибридом ангела и человека... Знать бы еще, как это у меня вышло? Ну не канонизировали же меня, в самом-то деле! И нимба над головой, как у Арсения, вроде бы не наблюдается...

Печать!!!

Черт, я же ее разбила! Вот мне от ангела влетит... Шла за артефактом, а в итоге сама его и расколотила!

Со злости я стукнула кулаком по скале, ушиблась, помянула всех, кого вспомнила, матерными словами, а потом моя память услужливо напомнила, что с Валерианой я так и не разобралась. Кстати, что-то наверху уж больно тихо – если бы там продолжалась драка, то шум стоял бы до небес. Точнее, до потолка пещеры...

Я с отчаянием вслушалась в тишину над головой. Господи, ведь если там так тихо, то... Что же случилось с моими друзьями?

Меч влетел в мою ладонь, как горячая ракета, а я, подгоняемая беспокойством, раскрыла новоприобретенные крылья и, зажмурившись, шагнула в пропасть.

Ой! Зачем же я всегда сначала делаю, а потом думаю-у-у!

Я камнем пролетела метров тридцать, прежде чем удосужилась вспомнить, что крылья у меня за спиной растут не просто так. Ведь как-то же учатся птицы летать?! Но если они постигают это точно так же, то я начинаю понимать, почему большинство пичужек на всю жизнь остаются такими нервными-и-и!!! Я захлопала крыльями, как петух, взмывающий на забор, и, к моему огромному удивлению, падение замедлилось, а потом и вообще остановилось.

Оказывается, что летать – это как кататься на велосипеде. Сколько бы лет ни прошло, но если ты когда-то научился ездить на этом двухколесном устройстве, то потом всегда сможешь сесть и поехать. Другой вопрос, что понадобится какое-то время на восстановление навыков, но тело будет все помнить. Точно так же было и сейчас. Я полетела так, будто когда-то уже умела летать, просто позабыла, как это делается, и вот теперь тело медленно, но верно само выносило меня из ущелья.

Летела я, конечно, не лучше вороны, повстречавшейся темной ночью с деревом. Траекторию моего полета не смогла бы повторить даже ласточка, упившаяся вдрызг до полубессознательного состояния, а в воздушные ямы я проваливалась чаще, чем самолет «Ту-134» 1984 года выпуска, летящий по маршруту Москва – Анталия. Поэтому, когда я наконец-то подлетела к обвалившемуся краю ущелья, то была счастлива как никогда.

Ощувив под ногами твердую почву, я сложила крылья и принялась осматривать поле боя. Вон та кучка пепла у портала – все, что осталось от господина Кризана, чтоб его черти в аду на сковородке без масла жарили. Тел вроде бы нигде не видно, и это успокаивает – где бы ни были мои друзья, но здесь они не погибли. Значит, либо ушли, либо... Скорее всего они в плену.

Последняя мысль оптимизма мне не добавила, зато настроила на более деловой лад. Я поудобней перехватила рукоять меча и пошла по залу, заглядывая за крупные валуны, разбросанные по пещере. Камни имели вид изгрызенного мышами швейцарского сыра – это Валериана по мне вела обстрел... Интересно, а где же... Внезапно на глаза мне попался обломок оружия с длинным, причудливо изогнутым лезвием из серебряной эльфийской стали.

At'tha hianda Дана!

Я побледнела и, подбежав поближе, увидела, что двойное лезвие разрублено пополам как раз по древку. Где была вторая его половина вместе с Даном, я даже представить себе не могла. Но если оружие эльфа сломано, это означает только то, что друзья проиграли... Я неуверенно сделала еще пару шагов и увидела...

Иллидан лежал на каменном полу пещеры, намертво зажав в левой руке обломок двойного лезвия. Глаза эльфа были закрыты, серебряные волосы беспорядочно разметались по камням, а одежда оказалась изрезанной. Ангельский меч и второй обломок оружия Дана выпали из моих ослабевших пальцев. Будто в тумане я медленно подошла к распростертому на земле элфу...

Осторожно, словно боясь прикоснуться, провела пальцами по его щеке. Кожа на ощупь была холодная и сухая... Значит...

– ДА-А-А-АН!!!

Крик сорвался с моих губ. Я порывисто прижала уже холодное тело эльфа к себе и расплакалась. Господи, я ведь только сейчас поняла, что люблю его!.. Зачем я его с собой потащила? Я гладила лицо и волосы любимого, а в душе стремительно росла жгучая ненависть к той, кто это сделал. К Валериане. Вот теперь-то мне точно терять нечего.

Где-то рядом послышался едва слышный стон. Я медленно поднялась и побрела в сторону звука. Стон повторился, на этот раз громче, и, заглянув за камень, я увидела

пришпиленного к каменному полу Айзана Эмдера. Темный эльф умирал – это было ясно с первого же взгляда на рану, из которой торчал полуметровый меч из темной стали, пронзивший грудь дроу. Айзан хрипел, пытаясь выдернуть меч из раны, но тот сидел слишком прочно, и сил у раненого явно не хватало. Услышав звук приближающихся шагов, он прекратил попытки освободиться и уставился на меня замутненными от боли янтарными глазами. Увидел, узнал и тихо прохрипел:

– Добей, Калимдор.

Я посмотрела на него абсолютно равнодушным взглядом. Теперь, когда Дан погиб, мне было наплевать. Абсолютно на все. Кроме Хозяйки... Я сделала шаг к умирающему дроу.

– Добей... Чего ждешь?

Я раскрыла сапфировые крылья, бросившие тень на Айзана Эмдера, и дроу пораженно умолк, глядя на меня расширившимися янтарными глазами.

– Не двигайся, – тихо приказала я и, взявшись за черный меч, начала медленно растворять его в воздухе. Удивительно, но для того, чтобы призвать стихию Ветра, мне не понадобилось почти никаких усилий – она сама пришла ко мне, стоило лишь о ней подумать. Наконец меч стал полупрозрачным, и я моментально извлекла его. Протянула ладони, засиявшие золотым светом, к ране дроу, и та сомкнулась буквально на глазах, не оставив после себя даже намека на шрам. Айзан приподнялся на локте и неверяще провел по зажившей груди рукой, после чего перевел на меня подозрительный взгляд.

– Зачем?

Я покачала головой и провела все еще светящейся ладонью по его лицу, словно стирая что-то. Когда я убрала руку, то шрам на темном лице, оставшийся от моего меча, исчез, оставив после себя гладкую кожу. Дроу недоверчиво провел ладонью по тому же месту и уставился на меня еще более подозрительно. Я же встала и, взмахнув рукой, раскрыла золотой портал.

– Уходи, Айзан. Это – дорога в твой мир. Я сняла с горы запрет на выход, так что народ темных эльфов отныне свободен. Идите куда хотите, но не устраивайте масштабных войн, иначе следующий Путешественник уничтожит вас.

– Путешественник? Как ты? Ты ведь тоже хотела нас убить, но я помешал тебе, и ты всего лишь заточила нас. Не так ли, Калимдор?

Я печально покачала головой:

– Нет. Вам изначально было предназначено пробывать в заточении. Так же как мне суждено было погибнуть от твоей руки. Все случилось, как и должно. Это ведь Хозяйка ранила тебя, да?

Дроу мрачно кивнул. Я сложила крылья и подобрала с пола пещеры меч и обломок двойного лезвия.

– Уходи, Эмдер. С Валерианой я разберусь сама. В конце концов, терять мне больше **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** нечего...

Дроу некоторое время пристально смотрел на меня, а потом наклонился и подобрал одну из своих сабель. Сделал шаг к portalу, потом обернулся ко мне.

– Это точно путь в мой мир?

– Да. Слово... – Внезапно я поняла, кем стала. Знание пришло откуда-то из глубины души, заполнило меня... – Слово ангела-воителя.

Айзан вскинул бровь и, отсалютовав мне саблей, двинулся к portalу.

– Прощай, мой верный враг. Я рад, что не убил тебя. Ты – достойный противник, и подобного у меня уже не будет.

– Прощай, – эхом отозвалась я.

Дроу скрылся из глаз, и портал между мирами захлопнулся. Я несколько секунд смотрела на то место, где он находился, и медленно вернулась к Дану.

Эльф выглядел на диво спокойным, словно он не умер, а просто прилег и заснул. Я с трудом высвободила из его окоченевших пальцев обломок двойного лезвия, восстановила оружие с помощью магии. Положила его Иллидану на грудь и тихо шепнула:

– Отдыхай, любовь моя... Если б я знала, что ты погиб, я не вернулась бы, а осталась ТАМ, с тобой... Я обещаю, что мы еще встретимся... Вот только закончу одно дело – и сразу же к тебе...

Горло мое перехватило, и по щекам потекли слезы. Я вытерла слезинку и с удивлением обнаружила, что в прозрачной капельке мерцают золотистые огоньки. Ах да, я же теперь не человек. Внезапно вспомнила...

– ПРЕКРАСА!!!

– Ну, здесь я, здесь. Зачем же так кричать? – Смерть возникла у меня за спиной, как чертик из коробочки.

Я с тихим рыком метнулась к ней и, вцепившись в ее потертый коричневый плащ, закричала:

– Почему ты мне не сказала, что Дан погиб? Ты знала, что в таком случае я не вернусь!

– Ллина, спокойно. – На мои судорожно сжатые ладони мягко легли прохладные руки Смерти. – Начнем с того, что Иллидан не погиб.

– То есть как? Вон его труп, в пяти шагах от меня! И ты хочешь сказать, что он не умер?..

– Именно, – спокойно ответила Прекраса.

– Ни фиги не понимаю... – Я обессиленно уселась на пол пещеры.

Прекраса глубоко вздохнула и под села ко мне.

– Ллина, помнишь, я тебе говорила, что Валериана научилась похищать живые души?

Я кивнула, не в силах сообразить, к чему она клонит.

– Так вот. Иллидан точно не умер, потому что я за ним не приходила. Значит, все еще можно исправить...

– Поясни, – потребовала я.

Если Дана можно вернуть к жизни, то у меня, пожалуй, появится цель. Прекраса улыбнулась.

– Душа Иллидана похищена, но тело его не умерло. Вернее, пока не умерло. Оболочка сможет просуществовать сама по себе некоторое время. Но после этого возвращение души в тело будет невозможно.

– Сколько у меня времени?

– Откровенно говоря, не имею понятия. Это очень индивидуально. Но я могу попытаться сохранить тело Иллидана до того момента, когда ты разыщешь его душу.

Я затихла, погруженная в размышления, и вдруг до меня дошло, что Айзана в его мир я отправила напрямую. Это ж даже теоретически невозможно! По крайней мере, Путешественники не обладают способностью перепрыгивать из одного мира в другой, минуя Галерею. В этом наша слабость. Во что же я превратилась?

– Прекра-а-аса, – нервно протянула я. – Что со мной случилось? Почему я открываю порталы в другие миры? Откуда у меня крылья, в конце концов?

Смерть лукаво улыбнулась мне, пряча искорку смешинки в глазах.

– А ты знаешь, что сломала Печать?

– Ну, это я помню. И какая же, скажи на милость, связь между варварски уничтоженным мною артефактом и тем, во что я превратилась?

– Самая прямая, – пожала плечами Смерть, поправляя свой истрепанный плащ. – В Печати находилась сапфировая кровь самого что ни на есть настоящего серафима. Если ее выпить, то можно приобрести часть ангельской сущности. Если б ты была простым человеком, то у тебя всего-навсего возникли бы способности исцеления и аура слегка подчистилась. Но когда ты сломала Печать, то уже сотню лет была Путешественницей, носителем ангельской сущности. Вот и результат – у тебя выросли крылья, усилился дар исцеления и видения истинной сути вещей. Твоя магия перешла на новый уровень – теперь ты сможешь выплывать стихийные линии не интуитивно, как делала это раньше, а осознанно.

– Апгрейд, блин... – пораженно выдохнула я и покосилась на крылья за спиной. – Слушай, а с ними хоть что-нибудь сделать можно? Чтобы в глаза не бросались?

– Конечно. – Прекраса фыркнула. – Просто представь, что это часть одежды, вот и вся маскировка.

– М-да... Анализ никогда не был моей сильной стороной.

Я вздохнула и, слегка передернув плечами, обратила крылья в ярко-синий короткий плащ, укрывший художественно изодранную тряпочку, которая когда-то была вполне сносным платьем. С сомнением подсчитав количество и размеры дырок, в изобилии украсивших мою одежду, я недолго думая восстановила ее первоначальный вид, не чувствуя в себе на данный момент желания заниматься модельерскими изысками. Наконец, когда нервы мои слегка успокоились, я вторично оглядела поле боя и тут же с ужасом вспомнила о том, что до сих пор не знаю, куда подевались мои друзья...

– Прекраса... – начала я, – а ты случайно не знаешь...

– Случайно знаю, – перебила меня Смерть, – они у Валерианы. Все трое. – Прекраса нахмурилась, и перед ней возник огромный двуручный меч. На вид оружие казалось до ужаса тяжелым, но Смерть взяла его одной рукой и, подняв, словно пушинку, точным ударом вогнала в наспинные ножны, доходившие почти до земли. Она встала рядом со мной и, поправив на себе плащ, под которым оказалось свободное черное платье, скомандовала:

– Идем.

– Куда?

– За твоими друзьями.

– Минуточку... – Я попыталась подтянуть опустившуюся челюсть. – Ты что, со мной?

Прекраса гордо выпрямилась, откинула с лица золотистые волнистые волосы и ответила, глядя на меня спокойными бирюзовыми глазами, в которых мелькнула какая-то искорка.

– Разумеется. Если каждая чернокнижница станет так запросто хамить Смерти, то мне пора будет на пенсию. Никто не имеет право похищать души, слышишь, никто. Особенно смертные. Некроманты – и те с душами не связываются. Если таких Валериан станет много, представь, какой бардак начнется наверху. Да и внизу, по правде говоря, тоже. Каждая душа на счету, потерять ее просто так нельзя. А тут обнаглевшая чернокнижница мнит себя Хозяйкой жизни и смерти да еще осмеливается нагло об этом заявлять мне в лицо. Сейчас я получила официальное разрешение вернуть душу на место, то есть в тело, поэтому пойду с тобой.

– А что, нельзя просто появиться перед носом Валерианы, забрать душу и сделать ручкой?

– В том-то и дело, что не получится. В Адских Вратах один из высших демонов такую блокировку поставил, что мне туда не пройти. В смысле обычным путем. А как все – через портал – пожалуйста!

Я весьма заинтересовалась, какой обычно путь выбирает себе Смерть, но спрашивать не стала. Сомневаюсь, что Прекраса захочет отвечать на этот вопрос, и еще не факт, что я хоть что-нибудь пойму из этого объяснения. Поэтому я последовала примеру Прекрасы и, убрав меч в наспинные ножны, изъявила готовность идти. Смерть улыбнулась, перехватив печальный взгляд, адресованный мною Дану, сделала едва заметное движение кистью правой руки, и тело эльфа погрузилось в подобие зеркала, где и застыло. Само же зеркало полыхнуло белым огнем и пропало.

– Прекраса, а ты куда его?.. – тревожно спросила я.

– В надежное место. Теперь, сколько бы времени мы ни искали его душу, тело будет готово к оживлению.

– А... – Я открыла было рот, но Прекраса прижала палец к губам и подмигнула мне:

– Не волнуйся. Я же все-таки Смерть.

Да уж, не поволнуешься тут... И вообще, я дивлюсь своим не то что стальным – титановым нервам. Скажи мне хоть кто-нибудь, что когда-нибудь я буду на «ты» с самой Смертью, да еще и доставать ее своими подначками, ничуть не опасаясь за свою жизнь, то этому существу я непременно рассмеялась бы в лицо, а особо настырный получил бы

кулаком в ухо и молнией между глаз. И вот сейчас я, бывшая Путешественница (прискорбно, но факт – Арсению придется искать себе нового добровольца), как ни в чем не бывало, иду в компании Смерти вызволять моих друзей, знакомиться с фауной Адских Врат, а также учить правилам поведения зарвавшуюся темную Путешественницу.

Веселый поход намечается, однако...

С этой мыслью я последовала за Прекрасой, которая уже пересекала границу, отделявшую этот мир от Адских Врат.

Ну, здравствуйте, чертики-братишки.

Кто не спрятался... В общем, пеняйте на себя.

Бордовый портал полыхнул черным пламенем и попытался обжечь нас жаром, но безрезультатно.

Оказывается, ангелы, как и Смерть, адского пламени не чувствуют...

Адские Врата несказанно порадовали меня огромным количеством народа, который носился туда-сюда по своим делам, явно не замечая непрошенных гостей. Моя челюсть едва не застучала о каменный пол, когда я увидела, как мимо нас с воплями мчится ватага чертей с раскаленными вилами наперевес, а перед ними, высоко вскидывая тощие коленки и постоянно озираясь, пробегает бледный заморенный мужичок. Прекраса покосилась на меня и негромко сказала:

– Ллина, рот закрой. Тут еще и не такое увидишь.

– Да-а? А что тут еще есть интересного?

– Они.

Не меня выражения каменного лица, ответила Прекраса, кивая на толпу разношерстой нечисти, которая бросила заниматься своими делами и теперь увлеченно глядела в нашу сторону. Я потянулась было к мечу, но Смерть остановила меня небрежным покачиванием головы.

Толпа нечисти секунду пристально смотрела на фигуру в потертом коричневом плаще, а потом с дикими воплями разбежалась, буквально за полминуты полностью очистив далеко не маленькую пещеру Адских Врат.

– Кхм... – уважительно покашляла я. – И чем ты их так?

Смерть без слов повернулась ко мне, и я тотчас ощутила желание закопаться на два метра в землю – Прекраса впервые предстала передо мной в своем «рабочем» облике.

Честно говоря, нечисть я понимала – зрелище было явно не для слабонервных: из-под плаща, туго зашнурованного на шее, выглядывали скелетообразные руки, слегка светящиеся зеленым светом. Из-под подола черного ветхого платья виднелись костлявые ноги, но самое страшное было то, что у Смерти оставалось лицо Прекрасы, правда, застывшее белой восковой маской, в пустых глазницах которой горело изумрудно-зеленое пламя. Я шарахнулась от преображенной напарницы и попыталась пригладить свои вставшие дыбом волосы, гадая, много ли седины у меня сегодня прибавилось. Смерть печально вздохнула и снова приняла привычный для меня облик. Ее мудрые глаза смотрели укоризненно. Я смущенно кашлянула и попыталась успокоиться:

– Ну, подруга... Предупреждать же надо! Так заикой недолго стать...

– Вот поэтому Смерть боятся. С таким-то лицом... – грустно усмехнулась Прекраса.

– Ой, я тебя умоляю! – улыбнулась я и похлопала ее по плечу. – Я, пока странствовала, и не такое видела. Чего, к примеру, стоит легендарная вещая птица Сирий... Ты ее видела? Лицо белое, будто мраморное, глаза черные, без зрачков, а волосы как медная проволока. И еще тело крупного грифа. Очень жутко она с незваными гостями обращается – спрашивала всех о цели прибытия, и если ответ ей не нравился, то ее лицо превращалось в птичье, а это, я тебе скажу, зрелище еще то. Я к ней даже подходить не стала, хотя очень хотелось.

Прекраса улыбнулась, а я наконец-то смогла как следует рассмотреть Адские Врата. Тот же бесконечный зал, декорированный под пещеру с темными сводами, те же окна-порталы, только расположенные не как у нас, в Галерее – зеркальными рядами, а нишами в стенах пещеры. Некоторые ниши-окна сверкали всеми оттенками красного и бордового

цвета, но в основном порталы встречали нас тьмой. Н-да... Тоскливый интерьер у Валерианиной квартирки. Неудивительно, что из нее (Хозяйки, а не квартиры) за триста лет выросла маньячка со стажем... Разбежавшаяся нечисть уже слегка успокоилась и теперь осторожно выглядывала из-за углов, разнокалиберных острых обломков скал, художественно набросанных тут и там. Потом появился парламентар. Дипломат при более пристальном рассмотрении оказался самым натуральным чертом, жалобно стонал и упирался, но его буквально пинками вытолкнули прямо к нам, так что несчастный представитель адского племени распластался в позе морской звезды. Сверху на него спланировал обрывок белой простыни, в который перепуганный чертик вцепился, как в спасательный круг, и, глядя на нас маленькими красными глазками над трогательно-розовым пяточком, тихо произнес:

– Госпожа Смерть... Огромная честь для населения Адских Врат приветствовать вас и вашу спутницу в нашем скромном жилище. Прошу вас, сообщите цель вашего прибытия.

Выпалив это на одном дыхании, чертик сжался у наших ног и уткнулся пяточком в белый обрывок, служивший парламентарским флагом. Честно говоря, мне было его жалко – ростом не вышел, про таких обычно говорят «метр с кепкой», маленькие черные рожки, почти скрытые под рыжей шевелюрой, испуганные красные глазки и постоянно шевелящийся пяточок явно не делали его грозой нечисти. Ярko-красные шаровары спускались почти до земли, так что заметить маленькие лакированные копытца сложно, а вот длинный хвостик с кисточкой на конце меня умилил по-настоящему. Вот блин, и такого малыша отправили парламентаром к Смерти, хотя из-за скалы выглядывают более внушительные и устрашающие рожи! Нечисть она и есть нечисть, хотя ее тоже понять можно – лучше уж отправить парламентаром самого жалкого и ненужного черта, от потери которого никому не будет ни горячо, ни холодно.

Мы с Прекрасой переглянулись, а потом я сделала пару шагов к задрожавшему как осенний лист черту и, наклонившись, положила ладонь ему на плечо. Малыш побелел, как тряпка, которую он судорожно сжимал в руках, но сознания не потерял. Он только посмотрел мне в глаза и тихо спросил:

– Вы за мной?

Я постаралась максимально мягко улыбнуться и ответила:

– Нет.

Чертик шумно выдохнул, и краски моментально вернулись на его измученную мордашку. Он слегка приосанился и уже более спокойно спросил:

– Тогда за кем же вы пришли, уважаемая Смерть?

Я посмотрела в сторону Прекрасы, и та, обведя притихшую нечисть холодным взглядом, бесстрастно сказала:

– За Валерианой.

Нечисть шумно и возбужденно загалдела, а парламентар подозрительно уставился на нас:

– Госпожа Смерть, но вы не можете. Сам Хозяин договорился с верхами, что за Путешественниками Смерть самолично приходить не будет.

Прекраса смерила ледяным взглядом чертика (тот снова побелел и наверняка пожалел, что вообще на свет родился) и ответила голосом, от которого по пещере пополз холодок, а у меня по спине мурашки затеяли военный парад, маршируя от затылка до копчика:

– Валериана нанесла мне личное оскорбление, осмелившись посягнуть на живую душу. Так что ваши договоры в данный момент меня абсолютно не волнуют.

– В таком случае, госпожа Смерть, прошу проследовать за мной.

Приятный мужской голос раздался за нашими спинами. Он окатил меня душевной сладкой волной и сразу же отпустил, оставив после себя легкий привкус ванили на кончике языка. Я скривилась – терпеть не могу ваниль.

Нечисть моментально перестала галдеть, а Прекраса медленно повернулась, я же в точности повторила ее движение. Черт-парламентар почтительно поклонился и благоговейно

прошептал:

– Шеф... Какая приятная неожиданность...

Шеф? Оригинальное именование должности Высшего демона. А в том, что в классификации я не ошиблась, у меня даже сомнений не возникало. От стоявшего перед нами высокого и сногшибательно красивого мужчины прямо-таки веяло порочной силой, которая заставила мурашки промаршировать туда-сюда по моей спине еще несколько раз. Я передернулась от неприятного ощущения, и изумрудно-зеленые глаза демона с вертикальными зрачками словно нехотя взглянули на меня. Ощущение было еще то – будто кувалдой по голове ударило. Сила Высшего демона окатила меня палящим дыханием огненного ветра, содрав иллюзию маскировки, как шелуху, и крылья, блеснув сапфировым огнем, развернулись за моей спиной. Демон усмехнулся и, откинув с лица длинную прядь иссиня-черных волос, произнес своим гипнотизирующим голосом:

– Даже так? Прекраса, дорогая, ты притащила к нам ангела? И после этого будешь утверждать, что твоя вылазка не санкционирована нашими конкурентами? А ведь у нас есть договоренность...

Я качнула головой, стряхивая с себя наваждение колдовского голоса, и решила, что пора брать дело в свои руки.

– Во-первых, меня сюда никто не тащил. Я сама пришла. Во-вторых, я не ангел, поэтому плевать я хотела на все ваши договоренности. А в-третьих, у меня со стервой Валерианой личные счеты. Я и в обычном-то состоянии буйная, а сейчас попросту разнесу здесь к чертовой матери все, до чего дотянусь.

– Смелая... – насмешливо произнес демон, сложив руки на груди и демонстрируя великолепные мышцы под тонкой шелковой тканью. – Мне такие нравятся. А уж ангелы... Их так интересно совращать...

– Асмодей, – с легкой угрозой в голосе произнесла Прекраса, – не смей.

– А что такого? – развел руками ухмыляющийся демон, и жест этот почему-то напомнил мне саму Валериану. Я смотрела на его безупречное лицо, и внезапно до меня дошло...

– Так ты и есть Хранитель Валерианы?

– Термин другой, но суть уловила правильно, мой ангелочек.

От злости я заскрипела зубами и выдала:

– Теперь понятно, почему Валериана такая...

– Какая же? – ухмыльнулся демон. – Прекрасная? Жестокая? Могущественная?

– Стерва чокнутая! – честно ответила я. – По-моему, она была сумасшедшая, уже когда ты ее инициировал. А теперь совсем с нарезки слетела! Хотя какой учитель, такой и ученик. Если она твое творение, то мне жаль нечисть, живущую здесь, – вечность ходить под началом демона со сползшей крышей, да еще и с манией величия и сексуальной озабоченностью!

Асмодей потихоньку косел, видимо не был приучен к такому обращению, а Прекраса несколько раз дергала меня за рукав, пытаясь остановить поток оскорблений – но куда там... Я распалялась все больше и больше, а закончила, кажется, тем, что начала подбивать местную нечисть на революцию против Верховного демона, мотивируя тем, что подчиняться приказам старого извращенца ниже достоинства любого мыслящего существа.

Чертки уже одобрительно кивали, пытаясь даже аплодировать в особо эмоциональных местах. Похоже, в Адских Вратах назревает революция. Асмодей же, явно не ожидая из уст ангела речей, столь далеких от христианских канонов смирения и всепрощения, вышел из ступора и теперь уже с все более разгорающимся интересом прислушивался к словам, которые я толкала. Вокруг нас уже собралась приличная толпа, и мне пришлось взобраться на небольшой камень, как на трибуну...

– Свободный народ! Почему вы должны вечно бояться за свою жизнь, ведь вы шли в это измерение как раз для того, чтобы уйти от разгневанных церковников, ведьмаков и ангелов-истребителей. И что я вижу? Вы прозябаете в ожидании суровой кары за малейшие

проступки! Лидеры должны оберегать свой народ, защищать его и вести к лучшему, светлому будущему! А что вместо этого? Асмодей вас притесняет, заставляя подозревать всех и каждого, в том числе и самих себя! Долой авторитаризм, его и на небесах полно! Будущее Ада – за демократией!!!

Вопли толпы оглушали меня, да и Прекрасу, судя по всему, тоже. Смерть стояла рядом с Асмодеем и что-то активно ему втолковывала, то показывая на меня, то воодушевленно крутя пальцем у виска. А демон только удивленно косился в мою сторону. Идея пришла моментально, поэтому я завопила во всю глотку:

– Асмодее в лидеры!!!

Толпа, уже взвинченная до предела чувством собственной значимости, готова была последовать за любым моим призывом, поэтому предложение официально сделать из возлюбленного шефа народного избранника моментально нашло отклик в сердцах нечисти. Чертяки счастливо взвыли и ринулись к демону, намереваясь вознести его на пьедестал народной любви.

Асмодей, увидев счастливо прущую на него толпу, опал с лица, но было уже поздно – довольное население Адских Врат подхватило его и начало упоенно подбрасывать в воздух, скандируя: «Асмодее – в президентское кресло!», «Да здравствует демократия!» и прочую чепуху. Я сочла этот момент наилучшим, чтобы смыться, – раскрыла крылья, сделала несколько кругов над толпой, продолжая что-то вопить, и под шумок улетела подальше от митинга. То, что местное население вместе с шефом оправится еще не скоро, я не сомневалась – судя по довольной роже Асмодее, испытывать на себе столь горячую народную любовь для него явно в новинку, поэтому ломать такой кайф только ради того, чтобы отправиться ловить сумасшедшего полуангела, он не станет. Я довольно усмехнулась и спустилась на пол, поджидая Прекрасу.

Долго ждать не пришлось – Смерть очутилась рядом со мной буквально через минуту, и вид у нее был весьма и весьма озадаченный.

– Ну, Ллина... Много чего я видела, но сделать таким счастливым Высшего демона... Такое на моей практике впервые. Зная Асмодее не одну тысячу лет, я даже не представляла, что он умеет так смеяться!

– Великим диктаторам всегда не хватает горячей и искренней народной любви, – назидательно ответила я. – А если честно, то хорошо, что все так получилось. Ведь мы с тобой с Высшим демоном бы не справились, чтобы я там ни говорила. Нечисть за обожаемого шефа еще бы и вступилась. И остались бы от нас рожки да ножки...

– Так это был блеф? – пораженно переспросила Прекраса.

– Именно, – призналась я.

– Нет слов.

– И не надо... – Я смущенно улыбнулась и неторопливо пошла в глубь Адских Врат. – Честно говоря, надеюсь, что Асмодей нам хотя бы сегодня мешать не будет. Все-таки не каждый день тебя президентом избирают... Причем с таким единодушием...

Прекраса ничего не ответила, только пожала плечами и двинулась за мной. М-да, я могла себя поздравить – все-таки обычно оратор из меня, мягко говоря, никакой. Удивительно, что меня вообще слушать стали... Со своими новоприобретенными и еще толком не испытанными способностями я была похожа на макаку с гранатой, которая теребит кольцо...

Мы бродили по лабиринту Адских Врат уже второй час, не встретив ни одной живой души и дивясь сюрреалистическому пейзажу вокруг. Лично мне Адские Врата напомнили игрушечный замок, построенный из конструктора «Лего», который неразумное дитя засунуло в стиральную машину и случайно нажало на кнопку. Ломаными линиями, из которых состояли ниши порталов, сама пещера и сотни боковых ответвлений непонятного назначения, можно было привести в восторг любого художника-абстракциониста, а вот местный архитектор наверняка собрал бы вокруг себя целый консилиум выдающихся

психиатров со всего света. Плана сего плода горячечной фантазии неизвестного строителя у нас не было, поэтому пришлось продвигаться наобум. Уже намного позже на нас снизошла идея, что надо было прихватить с собой кого-нибудь из аборигенов, дабы не наматывать круги по бесконечным лабиринтам.

На исходе второго часа меня начало раздражать все – начиная от неровных потолков и заканчивая собственными крыльями, которые ощутимо оттягивали плечи. Наконец я остановилась и во весь голос потребовала отдыха. Прекраса неодобрительно покосилась на меня, но ничего не сказала. Она просто уселась на горячие камни пещеры и откинулась на отполированную до блеска каменную стену.

– У тебя есть хоть какие-нибудь соображения по поводу того, где искать твоих друзей? – спросила она.

– Ни одного, – отозвалась я. – По правде говоря, я даже не знаю, с чего начать.

– И что делать будем? – ехидно поинтересовалась Смерть.

– Черт его знает, – пожала плечами я.

– Какой, вон тот?

Я проследила за тонким пальцем Смерти и увидела, что в боковом ответвлении мелькнула чья-то хвостатая задница, облаченная в красные шаровары. Я вскочила, и к не успевшему даже пикнуть черту полетела магическая петля, спеленавшая бедолагу так же надежно, как если бы я самолично увязывала пленника в компактный сверток пятьюдесятью метрами добротной пеньковой веревки. Черт не устоял на ногах и рухнул, мелькнув в воздухе копытцами. Мы с Прекрасой неспешно, вразвалочку подошли к пленнику.

– Так-так, – ласково начала я. – И что ты здесь делаешь, малыш? Шпионишь?

– Не-е-ет! – закричал чертик, тот самый, что уже выступал перед нами в качестве парламентаря. – Я сам пошел!

– Зачем? – Прекраса под села поближе к побледневшему пленнику и как бы невзначай потянулась к нему ладонью, сквозь которую местами просвечивали чуть зеленоватые кости.

– Проводить вас! – взвыл чертик. – Мне шеф приказал.

– На фига ему это? – задумчиво спросила я. – Мы же вроде как по душу его воспитанницы пришли...

– Да плевать ему на эту Валериану! Между нами говоря, эта Путешественница уже всех здесь порядком достала своими выходками – то эксперименты дурацкие ставит, то верещит на нас, словно оголодавшая гарпия... Да еще и мнит себя Хозяйкой. Шеф уже сам подумывал, как бы ему от нее избавиться, а тут вы как нельзя кстати подвернулись.

– Короче, он хочет загрести жар нашими руками, – коротко резюмировала я.

– Не очень дипломатично, но в общем-то верно, – не стал спорить пленник. – Поскольку помогать вам Асмодею, в принципе, не положено, то он просил передать, что ограничится только проводником. Ничего приказывать населению Адских Врат он не будет, так что, если кто на вас нападет – выпутывайтесь сами. Я же сразу предупреждаю, что в случае чего буду в первую очередь спасать свою собственную задницу, так что особой помощи и от меня не ждите. Место покажу, даже проведу, но больше... Извините, я не воин.

– Что ж, по крайней мере, это честно. – Я щелкнула пальцами, освобождая горе-парламентаря. – Кстати, как звать-то тебя?

Черт потупился, но потом тихо, очень смущаясь, сказал:

– Шпик.

– Как? – Глаза у меня непроизвольно округлились, а с губ сорвался немного нервный смешок. – Что, серьезно?

– Ага... Все так и реагируют, когда слышат... Ну, не виноват же я, что папаша у меня страсть как детективы любил! Гораздо больше, чем мамулю. Вот и поиздевался над ребенком...

Шпик пустил слезу и утерся пушистой кисточкой длинного хвоста. Прекраса фыркнула, а я постаралась не обижать черта еще больше своим неприличным гоготом. Наконец мы успокоились, и я скомандовала:

– Ладно, веди уж.

Чертик щелкнул хвостом и скрылся в ближайшем боковом ответвлении. Мы с Прекрасой последовали за ним.

Это был абсолютно безбашенный поступок с нашей стороны – довериться такому засланному казачку, да еще и с говорящим именем, но извинить нас могла крайняя степень усталости и раздраженности. Лично мне хождение по слабо освещенным переходам Адских Врат напомнило шатание Фродо с Сэмом по Мордору в компании Голлума – та же подстава будет, чувствую это, зуб даю и месячную зарплату. Но сил ни на что больше не было. Хотелось выбраться отсюда любой ценой.

Шпик все время мелькал где-то впереди, причем зачастую забегая так далеко, что мы видели только отблеск его красновато-коричневой ауры. Ох, темнит он чего-то... Ну, не может все быть так гладко, да и от Асмодея такая неслыханная щедрость, как помощь, пусть и косвенная, выглядела весьма и весьма подозрительно. Верховные демоны ввиду своего бессмертия маются дурью почти с самого дня падения, так что придумывают разного рода развлечения, дабы не было так скучно. Отсюда вывод – нас поджидает какая-то особо изощренная гадость, от которой мы огребем кучу неприятностей, а Асмодей сядет где-нибудь в удобном кресле с бокалом красного вина тысячелетней выдержки и будет наблюдать бесплатное кино, где нам отводится главная роль. А вот чем это все обернется – никто не знает, даже сам Асмодей. Поэтому-то он и позволил нам тогда уйти, видимо, Валериана на подходе к своим апартаментам начудила нечто совсем из рук вон выходящее, вот наставник и интересуется практическим применением этого «нечто».

Последней мыслью я поделилась на ходу с Прекрасой, и та, сбавив шаг, пристально осмотрелась вокруг. Бирюзовые глаза наполнились призрачным светом и сосредоточенностью, словно Смерть заглядывала в самую суть вещей. Внезапно она нахмурилась и тотчас приняла свой «рабочий» облик. Я выхватила меч и, краем глаза заметив, что красные шаровары Шпики исчезли в ближайшей расщелине, поняла, что дело плохо.

Скала содрогнулась, словно что-то пробивало камень прямо под нашими ногами, а сверху посыпались мелкие камушки. Удары становились все сильнее, пол ходил ходуном, так что мне пришлось взлететь к потолку пещеры. Смерть неподвижно зависла рядом со мной, и вдруг тряска прекратилась.

– Не поняла... – удивленно протянула я. – Что за фигня была?

Прекраса только пожала плечами и медленно спланировала на пол...

Секунду стояла тишина, а потом камень треснул, и из образовавшейся дыры вылезло непонятное существо, больше всего похожее на сороконожку, увеличенную до размеров рейсового автобуса. Я влипла в потолок и честно попыталась притвориться элементом пещерного декора, но то ли актерского мастерства не хватило, то ли сияющий расплавленным золотом меч оказался слишком заметен, но сороконожка обрадовалась мне, как гуманитарной помощи, и сразу же кинулась выражать свою радость посредством улыбки в полторы тысячи зубов. Я взвизгнула и отклеилась от потолка, попутно запустив в нее шаровой молнией.

Молния отскочила от панциря мутанта, как от зеркала, пропахав в потолке пещеры приличную борозду и снеся несколько каменных сосулек, а тварь, явно воодушевившаяся идеей включить меня в сегодняшнее меню в качестве основного блюда, с невероятной для такой туши скоростью метнулась в мою сторону. Я не растерялась и скормила ей вместо себя приличный обломок скалы, оторванный от стены с помощью очередного зубодробильного заклинания. Камешек сороконожке пришелся явно не по вкусу – она обиженно рыкнула и принялась искать более сговорчивую добычу. Шпик, увидев, что к нему ползут пять с половиной тонн зубов и пищеварительного тракта, завизжал дурным голосом и попытался смыться, но ему явно не удавалось – скорость у мутанта была приличной, так что быть бы чертенку сжеванным, если бы Смерть не перебросила его и не запулила заклинанием прямо ко мне в руки. Я на бреющем полете подхватила истошно вопившего Шпики и сразу же

пообещала, что уроню его, если он не заткнется. Черт все понял и затих, а я смогла опять переключиться на поле боя.

Прекраса демонстрировала чудеса ловкости и искусство владения мечом и магией одновременно. Она как-то умудрялась всякий раз оказываться на расстоянии ладони от смертоносных зубов монстра, при этом не забывая угощать тварь мощными ударами длинного серебристо-голубого меча. Я носилась над ними так быстро, как могла, разъяря сороконожку еще сильнее и почти доводя до сердечного приступа черта, вцепившегося в меня мертвой хваткой. Наконец мы добились того, что тварь начала вслепую кидаться во все стороны, долбясь о стены и пол так, что только каменная крошка разлеталась веером, и вот тогда-то Смерть оправдала свою репутацию – ее полуметровый меч пронзил голову уродины, сороконожка взвыла и исчезла в дыре, из которой появилась. Я, тяжело дыша и хлопая крыльями, приземлилась и попыталась отцепить от себя Шпика, но пальцы чертенка мертвой хваткой вцепились в мое платье, так что отковырять его я сумела только с помощью Прекрасы. Шпик хлопнулся на пол и с ужасом покосился на зияющую в туннеле дыру, где скрылся поверженный монстр.

– Эй, ты меня слышишь? – Я несколько раз щелкнула пальцами перед остекленевшими глазами несчастного нашего проводника. Тот очнулся и медленно перевел взгляд на меня. – Покажи, куда идти, а там мы уж сами...

– Честно?

Он чуть не заплакал от счастья. Я глубоко вздохнула и кивнула. Черт слегка приободрился и ответил:

– Пройдете по этому коридору, свернете сначала в четвертый проход налево, потом во второй направо, а там по прямой до конца. Выйдете прямо в пещеру, в которой находятся апартаменты Валерианы. Там и должны быть ваши друзья...

– Уверен?

– Чтоб мне к той твари на обед попасть! – возмутился Шпик.

Странно, но в этот раз я ему поверила – после такого шока, да еще и соврать... Для этого надо быть Валерианой... Или мной.

Смерть махнула провожатому рукой:

– Вали отсюда.

Черт сорвался с места и исчез в темноте. Я рассеяно проводила его взглядом и обернулась к Прекрасе, которая уже успела сменить облик:

– Пошли отсюда. Надоела мне игра в бродилки.

Шпик не обманул. Мы действительно попали в многоярусную пещеру, подобную той, которую я видела в горе темных эльфов. Я обвела пещеру взглядом и заметила статую, стоящую прямо напротив входа.

Памятник был сделан из какого-то серебристо-голубого металла и представлял собой копию спящего дракона в натуральную величину. Я разглядывала его, дивясь точности пропорций и неведомому мастеру, который не упустил ни малейшей детали, отливая серебряного дракона так, что его можно было легко принять за настоящего. Подойдя к изваянию поближе, я легонько провела по сверкающей чешуе ладонью – да, действительно, всего лишь холодный, безжизненный металл.

– Красиво сделано, – вздохнула я. – Вот уж не думала, что у нашей Хозяйки есть чувство прекрасного.

– А его и нет... – пробормотала Прекраса, почему-то медленно отступая подальше. – Отойди от него!

– Что?

В этот момент холодный бок дракона дрогнул. Я побледнела и медленно, словно во сне, повернула голову.

Серебряный дракон пристально смотрел на меня ожившими рубинами глаз. И взгляд этот не сулил ничего хорошего...

От неожиданности я завизжала, и это меня спасло – дракон шарахнулся в сторону, как

от огня, ошарашенно моргая ярко-красными сверкающими глазами, едва сдерживаясь, чтобы не зажать лапами уши. Со стороны вообще было непонятно, кто кого испугался: то ли я дракона, то ли он меня. После этого я, захлопав крыльями, взлетела повыше, стремясь оказаться вне досягаемости драконьей лапы. Смерть глядела на все это, стоя у дальней стены, а я в свою очередь вопила, стараясь взять максимально высокую и противную ноту, дабы добавить ожившей статуе еще несколько неприятных ощущений:

– Прекраса! Найди моих друзей, пока я буду распиливать эту дрянь на металлолом. Когда вернешься, соберем обломки и прогуляем в каком-нибудь кабаке!

– Уверена?

– А что, есть идеи получше?

Смерть пожала плечами и телепортировалась в неизвестном направлении.

Я поднялась повыше, пытаюсь сообразить, с какой же стороны начать непосредственный распил статуи на составные части, когда дракон поднял чуть заостренную морду и – голову даю на отсечение – на ней мелькнуло смутно знакомое, донельзя ехидное выражение. На всякий случай я отлетела подальше, но серебряный дракон слегка прищурил правый глаз, словно прицеливаясь, и в меня тут же с ревом полетела струя бледно-фиолетового пламени! Я взвизгнула, сложила крылья и камнем бросилась вниз, заходя в крутое пике. Что ж, от первого заряда я благополучно ушла, но, для того чтобы спастись от второго, мне пришлось выставить перед собой водяной щит, который, к сожалению, не был рассчитан на драконье пламя, так что меня снесло к стене, по которой я плавно сползла на пол.

В голове гудели колокола, в левом ухе почему-то звенело, а спина ощущалась как один большой синяк. Я с трудом села и попыталась открыть глаза. С правым проблем не было, зато вот левый застопорился где-то на середине, словно намекал на то, что все остальное – исключительно за деньги. Но и одним глазом я хорошо видела донельзя довольную драконью морду, нависшую прямо надо мной. Все, хана телепузикам, отбегалась. Ой, голова-то как болит... Я провела ладонью по затылку и сразу же попала во что-то липкое. Все ясно, об стену я долбанулась просто замечательно – как раз дракону теплый завтрак будет...

– Ну-с-с-с-с? И что делать будем?

От громкого голоса пополам с шипением, раздавшегося над ухом, я так резко вскинула голову, что перед глазами поплыли круги.

– Ой...

Я прижала ладони к вискам, ожидая, когда пройдет головокружение, а заодно сообразив, что есть меня пока не собираются. Что ж, будем надеяться, что так пойдет и дальше. Я снова попробовала поднять голову и с удивлением обнаружила, что левый глаз у меня открылся полностью и в поле зрения нарисовалась ехидная драконья морда.

– Повторяю вопрос-с-с. Что мне с-с-с тобой делать?

– Съесть, – недовольно буркнула я, морщась от боли, пульсирующей в затылке.

– Ну, ес-с-сли ты так нас-с-стаиваешь... – Дракон разинул пасть, демонстрируя три сотни острейших клыков.

– Эй-эй, сдай назад, я шучу!

Серебряная тварь со звоном захлопнула челюсти и выжидательно уставилась на меня.

– А что тебе, собственно, от меня надо? – спросила я.

– От тебя лично ничего, – подумав, ответил дракон. – Но к Хозяйке я тебя пус-с-скать не с-с-стану.

– К Валериане, что ли?

Ожившая статуя отрывисто кивнула головой.

– Все понятно. Хорошо. Давай драться.

Дракон, едва услышав это, сначала закашлялся, пуская мне в лицо клубы дыма, а потом с воем распластался на каменном полу, восторженно долбя хвостом об стену. Я обрадовалась было, что его от моих слов хватил припадок, но потом поняла, что чудовище буквально

рыдает от смеха.

– И нечего смешного! – обозлилась я, подхромала к противнику и пнула его в бок носком сапога.

Дракон захохотал еще пуще и с воплем перевернулся на спину, продолжая ржать:

– Перес-с-стань, щекотно!

Я так и застыла с поднятой ногой. Мамочки, что я тут вообще делаю? Пинаю дракона, как будто это не он только что едва не размазал меня по стенке... Нет, то ли я с рождения на голову больная, то ли последние мозги на стене оставила, но дальше так жить нельзя. Я тихохонько, по стеночке, начала отходить от дракона, но длинный серебряный хвост, молнией мелькнувший в воздухе, преградил мне путь.

– Куда-то с-с-собралас-с-сь? – насмешливо прошипела серебряная тварь, но в глазах ее уже медленно разгоралась холодная ярость. – Я с-с-сказал, что мимо меня никто не пройдет. К тебе это тоже относ-с-ситс-с-ся. Пос-с-следний раз предлагаю уйти.

В ответ я выпрямилась и резким движением выхватила из ножен золотистый ангельский меч.

– С-с-сама напрос-с-силась. Я предупреждал.

С этими словами дракон выдохнул на меня полноценное пламя. Я едва успела выставить перед собою ангельский меч, но драконий огонь уже накрыл меня с головой. Меч вспыхнул, как звезда, и сплошной поток фиолетового пламени лишь опалил мои волосы и крылья. Я взмахнула мечом, и золотой свет разделил пламя, позволяя мне выскользнуть из огненной ловушки. В воздухе висела копоть, а мои золотистые волосы от жара завились бешеным перманентом и только что дыбом не стояли. Я запустила в беспокойную статую сгусток голубоватой энергии, которая, едва коснувшись дракона, моментально покрыла его полуметровым слоем льда. Но это его надолго не удержит, поэтому пора сматывать удочки и валить отсюда подобра-поздорову.

Лед почти моментально покрылся частой сетью трещин. Я вспорхнула повыше и напуганным воробьем заметалась между ярусами пещеры, пытаюсь угадать, в какое же из множества боковых ходов ретировалась Прекраса. В том, что времени на поиски у меня нет совсем, сомнений не было.

Треск льда и оглушающий вой разъяренного дракона добавили мне неслыханной прыти. Я ласточкой сиганула в ближайший узкий проход, в который дракон пролезть не мог, сложила крылья и понеслась прочь, стремясь оказаться подальше от ожившей статуи.

ОЖИВШЕЙ???

Мать твою, а как же эта сумасшедшая стерва умудрилась ее оживить?

От стукнувшей прямо в темечко догадки я споткнулась и морской звездой распласталась на полу. То-то мне дракон кого-то напоминал! Дан тоже, когда стрелял, шурил правый глаз – арбалет он всегда наводил левой рукой. Да и вряд ли в заглазнике у Валерианы было сейчас много других живых душ, Прекраса об этом знала бы... Ёлы-палы, неужели эта статуя – Иллидан?..

Громоподобный драконий рев заставил завершить на время мозговой штурм, а волосы, вставшие дыбом, убедили меня в том, что это не самое удачное место для рефлексии. Разбираться с душой Дана, вселившейся в спятившего серебряного дракона, буду потом – сначала надо остаться в живых, для чего придется здесь и сейчас быстро-быстро перебирать ногами, иначе от меня очень скоро останется только горстка пепла и черное пятно сажи на полу. Значительно ободренная такой мыслью, я помчалась к концу коридора так, словно стремилась заработать как минимум золотую олимпийскую медаль по бегу. Дракон, понимая, что добыча вознамерилась оставить его с носом, утробно заревел, и вслед мне покатился сплошной вал фиолетового огня...

Я вывалилась из коридора в небольшое помещение, и сразу же откатилась подальше от входа. Тут же из туннеля вырвался неслабый поток огня, заполнивший небольшую комнату жаром и спаливший сразу половину мебели и всего, что могло гореть. К счастью, гигантская духовка действовала от силы секунд пять, а потом все резко прекратилось. Я рискнула-таки

оторвать голову от спасительного пола и осторожно выглянула из-за слегка оплавившейся каменной стены. Увидев в дальнем конце туннеля злобно вспыхнувшие рубиновые глаза, я не смогла удержаться и помахала преследователю ладошкой. Дракон взвыл, однако достать меня он никак не мог. Зверюге оставалось только злобно шипеть и сыпать искрами, но на эти проявления его милого и доброго характера мне было глубоко начхать – сейчас меня гораздо больше волновали собственные проблемы.

Во-первых, надо сообразить, как мне выбраться из этой комнаты. Второго выхода, как я уже заметила, здесь не было, а тот, через который я сюда попала, неусыпно сторожил Дан, превратившийся в серебряную «статуэтку» со злобным характером и дурной привычкой жечь все, что движется. Можно было, конечно, телепортироваться, но, не зная хотя бы примерного места прибытия, предсказать, что со мной станет после этого, не смог бы никто. Мне совершенно не улыбалось оказаться впаянной в камень на молекулярном уровне.

Во-вторых, до сих пор неизвестно, сумела ли Прекраса найти моих соратников. Нет, в поисковых способностях Смерти я ничуть не сомневалась – она кого хочешь и из-под земли достанет, но меня беспокоило другое: мы должны выйти из Адских Врат, именно выйти, удрать отсюда, раскрыв портал в другой мир, не удастся. Так уж это измерение устроено. Из Галереи, кстати, тоже запросто не смоешься, только через одно из окон. То есть найти моих друзей мало, надо еще всем отсюда смыться, причем желательно при этом не привлекая излишнего внимания, а какая любопытная фауна тут водится, мы уже выяснили на собственном опыте... Расширять же свои познания в этой области мне не хотелось.

В-третьих, надо подумать, как водворить душу Дана на ее ПМЖ, то есть в прежнее тело. Ладно, этим пусть Смерть занимается – как-никак, это в какой-то мере связано с ее профессией.

И наконец, в-четвертых, проблема, которая все еще оставалась нерешенной – стервозная дамочка по имени Валериана, фамилии, уж извините, не знаю. Спинным мозгом чую, что разбираться с ней придется исключительно мне.

Серебряный дракон раздраженно порывивал у входа в туннель. В том, что он будет неусыпно следить за этим ходом, я даже не сомневалась, так что мысль незаметно проскользнуть мимо задремавшего чудища увяла, не успев толком разрастись. А потом я услышала, как кто-то робко скребется в мое сознание. Я расслабилась и стала слушать...

– Ллина, я нашла их.

– Как они?

– Откровенно говоря, плохо. Кажется, Валериана решила сорвать на них свою злость за то, что ей не достались ни меч, ни печать.

– Они в порядке?

– Если назвать порядком отсутствие переломов и других серьезных телесных повреждений – то да. Их попросту сильно избили. На вампирише все заживает намного лучше – по крайней мере, она может самостоятельно передвигаться, а вот эльфам досталось крепко. Одного приложили чем-то по затылку, но за него я не слишком волнуюсь – когда очнется, то сможет встать. А вот со вторым совсем плохо. То ли он чем-то Валериану довел, то ли у них еще личные счеты были – не знаю... В общем, его исхлестали так, что вся спина стала открытой раной. Боюсь, как бы заражения крови не было. Он уже вовсю бредит, мы с Ниитой его едва удерживаем, так что будет лучше, если ты поскорее появишься.

Я на миг отключилась и тихо застонала. Только этого нам не хватало...

– Ллина, ты еще здесь?

– Да. Прекраса, а ты сама им помочь не можешь?

– Прости, если бы могла, то давно помогла бы. Сама знаешь, что целительство – не моя специализация. У меня вроде как совсем наоборот...

– Да, да... знаю... извини. Как к вам попасть?

– Это комната пыток. Не знаю, как объяснить, сама случайно наткнулась. В общем, если ты сейчас находишься в той большой пещере... тогда взлетай к самому потолку, там

справа есть небольшое окошко. Отсчитываешь от него третий туннель налево, идешь по нему до самого конца, никуда не сворачивая, и ты у нас. Только поспеши, пожалуйста. Ништа говорит, что если ты не поторопишься, то Аннимо истечет кровью.

– Аннимо? Это его избили плетью?

– Так Ништа сказала.

– Черт! Прекраса, ты серебряного дракона помнишь?

– Еще как. Ты как, уже растопила его?

– Э-э-э... Видишь ли... В данный момент этот дракон перекрывает мне выход в пещеру.

– Так уничтожь его.

– Он и есть Дан.

– Что-о-о? В таком случае не трогай его, иначе я не смогу переправить душу в прежнее тело. Живая душа изымается из живого тела, в нашем случае – из живой статуи. Так что придется тебе оставить дракона в покое до тех пор, пока я не освобожусь.

Я прервала контакт, душевно выругалась и только после этого обратилась к Прекрасе снова.

– Дурдом на выезде... Ждите меня. Я постараюсь попасть к вам как можно скорее. Ни в коем случае не позволяй Аннимо пересечь Грань. Я знаю, что он не Путешественник, но я прошу тебя как друга. Дождитесь меня, ладно?

– Хорошо.

Контакт прервался, и я вернулась к реальности. Так, придется срочно что-то делать с Даном. Вернее, с драконом. Обдурить его во второй раз у меня вряд ли получится, может, попробовать поговорить? Ведь в нем все-таки находится душа Иллидана, быть может, он меня вспомнит...

«Ага, а сама-то ты хорошо помнишь тех, кого встречала в прошлой жизни?» – ехидно включился внутренний голос. Я тяжело вздохнула, но крыть было нечем. Но ведь душу Дана переселили насильно... Может, хоть какие-то отрывки воспоминаний остались? Ладно, в крайнем случае, придется прибегнуть к магии посильнее, хотя она плохо действует на драконов. Но небольшую фору это мне даст, а там видно будет.

Я решительно поднялась с пола и уже направилась было к туннелю, как в голову постучалась очередная мысль – что, если Дан не узнал меня только из-за обличия – с крыльями и длинными волосами? Я лихорадочно попыталась вспомнить наше знакомство. Ведь недаром говорят, что первое впечатление зачастую самое сильное. Я старательно шла на мозговой штурм в надежде отыскать в захламленных закромах моей памяти то самое воспоминание. К счастью, долго этого делать не пришлось – впервые попав в параллельный мир, я не сменила свою одежду на более подходящую, поэтому с эльфами встретила в джинсах и кроссовках...

Закрыв глаза, я преобразовывала свою одежду, стремясь стать похожей на себя прежнюю. Тогда я носила светло-голубую куртку с кучей молний, карманов и заклепок, расшитые стразами голубые джинсы, светлую футболку с надписью «Never have sex with your ex!» и белые найковские кроссовки. Крыльев у меня не было и в помине, а волосы были короче сантиметров на сорок и едва-едва прикрывали лопатки. Та-ак, одежду я с грехом пополам переделала, мимоходом вспомнив, как же это удобно – ходить в родных кроссовках, но волосы пришлось обрезать. Зеркала, а тем более ножниц у меня не нашлось, да и возиться времени не было, так что я попросту отхватила мечом половину длинной косы, а уж с помощью магии придала стрижке хоть какую-то форму, подравняв концы. Все, я готова. Слегка поворошив волосы, я добилась эффекта моей вечной встрепанности и, убрав челку с лица полузабытым жестом, вышла из комнаты.

Страшно не было – только боязнь не успеть к раненым друзьям. Тут же раздался шорох и предупреждающе шумный выдох. Статуя это или нет, но дракон меня почуял и уже готовился одарить струей пламени из персонального огнемета. Адреналин бушевал в моей крови, будто я выхлестала полбутылки водки, так что ноги слегка подгибались, а сердце

стучало у самого горла. Я уже почти подошла к выходу из туннеля, за которым начинался узкий каменный мост, ведущий к винтовой лестнице, пронизывающей всю пещеру от пола до потолка. Я шумно сглотнула и сделала еще шаг.

Секунду было тихо, а потом в небольшой туннель просунулась донельзя недовольная морда серебряного дракона с горящими алым огнем глазами. От неожиданности я влипла в стенку. Дракон уже раззявил пасть, явно намереваясь перекусить, но внезапно пристально уставился на меня рубиновым взглядом, в котором плескалось удивление.

— Так-так... И что же с-с-с тобой, несчастная, с-с-случилос-с-сь?

– Просто стала сама собой. Слушай, давай я сначала от стенки отлипну, выйду в пещеру и там поговорим.

— А не с-с-сбежишь с-с-снова?

– Обязательно сбегу, – призналась я, – но потом. А пока есть желание пообщаться.

– Ишь ты, с-с-самоуверенная какая. А что мне мешает с-с-съес-с-сть тебя прямо с-с-сейчас-с-с?

– Только то, что ты неживой, – честно ответила я.

– Глупос-с-сти, – отмахнулся дракон, но получилось это у него как-то неуверенно.

Я же, нахально обойдя драконью морду, выбралась на мост, где и уселась, пристально глядя в рубиновые глаза ожившей серебряной статуи и до сих пор до конца не веря, что это и есть Дан. Но если бы я ошиблась, то мой пепел уже кружился бы в воздухе, а дракон вернулся бы на боевой пост. Однако я еще жива, и это вселяет надежду. Поэтому я заглянула в глаза дракону и спросила его напрямую:

— Сколько ты служишь Валериане?

Такой простой вопрос сбил моего металлического собеседника с толку. Он задумчиво улегся на мосту, который затрещал под его тяжестью, и, положив голову на сложенные передние лапы, задумался. Надолго. Я уж решила было, что дракон уснул, но тот внезапно блеснул глазами и ответил:

– Я помню только самую пос-с-леднюю неделю с-с-воей жизни. Вс-с-е ос-с-стальное – как в тумане. Но Валериана с-с-казала, что это пос-с-следс-с-ствия наложенного на меня заклинания.

– Ага, – поддакнула я, – с учетом того, что на взрослых драконов ни одно заклинание не действует...

– Врешь, – злобно зашипел дракон.

– Ничуть, – упрямо настаивала я. – Это Валериана тебе лгала. Служишь ты ей всего ничего, а не много лет, как думаешь!

– Докажи!

– Легко. – Я встала и подошла к морде дракона. – Твои воспоминания длятся всего неделю, хотя по виду ты взрослый дракон. К твоему сведению, драконы никогда и ничего не забывают, и память у них феноменальная. Тебе не хочется ни пить, ни есть, ни спать. Ты даже дышишь только тогда, когда тебе надо выдохнуть пламя! А все потому, что ты – всего лишь ожившая СТАТУЯ, нравиться тебе это или нет!

Последние слова я уже выкрикивала, поэтому даже не удивилась, когда дракон с разъяренным рыком придавил меня к камням передней лапой. Слегка – потому, что я не стала походить на живописное пятно, а всего лишь примолкла. Тем временем дракон уже осерчился с явным намерением откусить мне голову. Я в панике закричала:

– Не надо, Дан!

Пасть замерла в полуметре от меня.

— Как ты меня назвала?

– Дан... Иллидан. Это твое имя. Из другой жизни. Валериана украла твою душу и поместила ее в серебряную статую дракона, чтобы ты охранял ее. Дан, пожалуйста, пропусти меня. Меня ждут Ниита... И Элланон. Может, ты их и не помнишь, но им очень нужна моя помощь. Я обещаю, что помогу тебе вернуться в прежнее тело, но сначала мне надо разобраться с Валерианой...

– Ты меня с-с-нова обманываешь...

– Нет. Дан, я даже могу пообещать тебе, что не стану убивать Валериану. Только если не будет иного выхода. Отпусти меня, пожалуйста. Друзья погибнут без моей помощи...

В рубиновых глазах дракона что-то дрогнуло, и серебряная когтистая лапа медленно разжалась.

Я воспрянула духом и продолжила:

– Дан, ты помнишь меня? Я Ллина... Ты мне еще песню старую пел... *Vania ni faniare karne anarore, Nan lurea nie uma ielo... Tiro, el eria e mor...* Как же там дальше?... *Ar eo valar...* Нет...

– *Ar eo nie, valar nin..* – автоматически поправил меня дракон и ошеломленно замолчал. В его глазах мелькнула тень узнавания. – Уходи отс-с-сюда.

– Дан...

– Уходи! – рявкнул он.

Я подскочила на месте и, решив оставить выяснение отношений на потом, побежала по лестнице к нужному туннелю. В конце концов, Иллидан мог и подождать, чего нельзя было сказать об Аннимо и Элланоне...

Кажется, я в очередной раз побила все рекорды скорости в беге по пересеченной местности. Мало того, что винтовую лестницу строили криворукие «мастера», про которых чаще всего говорят, что «в вашем спирту следов крови не обнаружено» – настолько ступеньки оказались неровными – так еще и перил не было, из-за чего подъем превратился в балансирование над пропастью. В итоге, когда я оказалась на нужном этаже, мне явно не доставало нескольких тысяч нервных клеток, которые, как всем известно, не восстанавливаются. Я была готова на полном серьезе разыскать Асмодея и подкинуть ему идею модернизировать помещение под стандартный офис – с телефонами, компьютерами и лифтом. Еще и с секретаршей, но это уже детали.

Туннель отыскался довольно быстро, а камера пыток – еще быстрее. Когда я на всех парах внесла туда свою полуобморочную тушку, моим глазам предстала душеспипательная картина – на коленях у Нииты в полной несознанке покоился Элланон, чье красивое лицо было разукрашено синяками и ссадинами, а сама вампирша, едва успевая стирать кровь, текущую из рассеченной брови, что-то тихо ему нашептывала. В дальнем углу комнаты на грубом подобии дощатого верстака лежал Аннимо Орве, чья спина уже покрылась коркой спекшейся крови. Светлые волосы эльфа растрепались, а по правому виску стекала тоненькая алая струйка. Прекраса застыла около Аннимо безжизненной статуей, и только слабый зеленоватый свет, льющийся из-под неплотно прикрытых век, говорил мне о том, что друг уже на Грани и сейчас Смерть удерживает его, не давая уйти на ту сторону. Я сдавленно застонала, Ниита встрепенулась и подняла голову.

– Ллина? – как-то неуверенно спросила она.

– Господи... Ниита... – Я ахнула при виде лица вампирши, которое всю расцветилось разнокалиберными синяками. – Что эти сволочи с вами сделали?

Она указала взглядом в сторону Аннимо.

– Потом. Ему совсем плохо. Сделай что-нибудь.

Я кивнула и подошла к безжизненно распластавшемуся эльфу.

Вблизи его рана выглядела еще хуже. Похоже, палачи не сняли с Аннимо одежду, поэтому разодранные куски ткани намертво приклеились к изуродованной спине. Все-таки есть положительные моменты в том, что эльф сейчас без сознания – придется оттирать рубашку от раны, причем как можно скорее – по своему опыту знаю, что долго Аннимо на Грани не пробалансирует: либо уйдет, либо вернется, но вернуться-то он может в самый неподходящий момент. Сзади послышался робкий голос вампирши:

– Как он?

– Плохо. Но выкарабкается.

С этими словами я материализовала в руках кувшин с теплой водой и щедро полила ею

спину эльфа. Смоченная ткань отделялась на удивление легко, так что с этим я справилась весьма быстро, а вот для того, чтобы промыть раны, мне понадобились еще два кувшина.

Когда я смыла кровь, то от вида рваных полос на спине эльфа у меня прошел мороз по коже. Наверное, это было ужасно больно... Господи, Аннимо... За что эта стерва тебя так? Я простерла ладони над изодранной почти до костей спиной друга, и моя сила моментально откликнулась, заставив пальцы сиять ярким золотистым светом, под которым ужасные длинные раны исчезали, как складки на ткани под горячим утюгом. Я уже почти закончила, когда до меня донесся голос Прекрасы:

- Ллина, он возвращается.
- Хорошо. Он уже практически здоров.
- Ты сейчас рядом с ним?
- Да.

Эльф дернулся и застонал. Я осторожно провела ладонью по его лицу, и глубокий порез на виске сомкнулся, оставив после себя едва заметный розовый шрам, который исчезнет через пару недель. Все. Я успела. Прекраса открыла глаза и с улыбкой посмотрела на меня:

- Задержалась ты как-то...
- Что, его уговаривать пришлось?
- Еще как. Но только не вернуться, а подождать немного. Сама знаешь, если бы он очнулся в момент, пока ты его лечила...

Я отошла от Аннимо, склонилась над Элланом, положила светящиеся ладони на его виски и тут же с удивлением уставилась на вампиршу. Ниита медленно покраснела и отвернулась, словно стесняясь своих синяков.

– Ниита, что они с тобой сделали? – дрогнувшим голосом спросила я, ожидая услышать самое худшее.

- Ничего... – В глазах вампирши блеснули слезы.
- Что?! – рыкнула я. – Если это то, о чем я подумала, то Адские Врата сегодня же прекратят свое существование!

Вместо ответа вампирша криво улыбнулась, и я вздрогнула, увидев вместо острых белоснежных клыков кровоточащие дырки.

– С-с-стерва, – прошипела я, убирая руки от уже зажившего лица Эллана и накладывая их поверх Ниитиных поврежденных челюстей. – Ничего, сейчас будет немножко больно, но потом все будет, как раньше, – затараторила я.

Вампирша почти сразу же сморщилась от боли, вспыхнувшей, когда полезли новые клыки, но мужественно все стерпела.

– Молодца, – улыбнулась я, отнимая ладони от исцеленной подруги. Ниита недоверчиво ощупала свое лицо, потом клацнула челюстями, проверяя новые зубы на прочность, и только после этого злое улыбнулась:

- Все, терпение мое кончилось.
- Улыбнулась я так, что Ниита от меня аж отпрянула.

– Откровенно говоря, у меня оно кончилось еще раньше, поэтому убивать Валериану буду я.

Тем временем наш наиболее пострадавший пациент пришел в себя и теперь с удивлением озирался по сторонам, явно не понимая, почему народу в комнате на две штуки больше, чем должно быть. Наконец эльф перестал пытаться сфокусировать зрение на дальних объектах и изумленно уставился на Прекрасу, которая смотрела на Аннимо подозрительно теплыми глазами. Их взгляды встретились, и я каким-то седьмым чувством поняла, что от объяснений, почему я выбрала Иллидана, а не его, можно будет уклониться – кажется, между Аннимо Орве и Прекрасой проскочила та самая пресловутая искра, которую так любят воспевать в стихах и слащавых дамских романах. Что ж, я никогда не наблюдала сего феномена со стороны, но теперь не сомневалась, что такое в этой жизни существует. Я негромко кашлянула, привлекая внимание уже о чем-то тихо рассуждавших «голубков», и те,

явно смутившись, одновременно повернулись ко мне.

– Извините, дамы и господа, – сказала я, – но мне весьма интересно, почему вас троих не охраняли? Ведь Валериана знала, что я за вами вернусь...

– Вообще-то она думала, что ты погибла. Собственно, как и все мы... – Словно смущаясь, сказал Аннимо. – Поэтому и оставила нас без охраны. Сама подумай – ну куда мы могли уйти? Без оружия, да еще избитые до потери пульса? К тому же там какой-то дракон на выходе маячит – мы бы по любому не прошли... – Он запнулся, а потом тихо добавил: – Ллина, ты должна знать...

– Что Дан погиб? – уточнила я.

Эльф опустил глаза и кивнул.

– Вообще-то я знаю. Только он не совсем умер...

Ответом на это заявление стали округлившиеся глаза. Общее мнение высказала Ниита:

– Ллина, я понимаю, что для тебя это очень тяжело, но я своими глазами видела, как Валериана чем-то запустила в Дана, после чего он рухнул замертво... Иллидан умер, и тебе лучше принять это...

– Ниита, – раздраженно прервала ее я, – вон рядом с Аннимо стоит Прекраса, а ведь между прочим у нее еще более оригинальная профессия, чем у меня. Она Смерть, поэтому ей лучше знать. Короче, опуская технические подробности, скажу вкратце: Валериана сперла душу Дана и запихнула ее, как носки в стиральную машину, в статую серебряного дракона. Дракон ожил, и теперь с ревом носится по нижним ярусам пещеры, злясь на себя, Валериану и всех вокруг, потому что я открыла ему правду.

– И он тебе поверил?

Я пожала плечами:

– А фиг его знает. По крайней мере, не съел меня, хотя и пытался. Более того – он пропустил меня к вам, так что есть надежда... – Поправив перевязь меча поверх джинсовки, я спросила: – Все могут идти быстро?

После минутного обдумывания на вопрос ответили утвердительно. Я глубоко вздохнула:

– Замечательно. Слушай мою команду: ноги в руки и чешите к выходу. Прекраса вас проводит.

– А ты? – Недоуменно спросил Элланон.

– Я остаюсь.

– Но...

– Никаких «но»! – жестко отрубил я. – У вас ни оружия, ни магии. Всех ваших сил вам хватит только на то, чтобы собрать манатки и свалить из этого весьма негостеприимного места. Поймите же наконец, что сейчас вы мне уже ничем не поможете.

Я подошла к слегка оторопевшим друзьями и взглянула каждому из них в глаза.

– Нельзя позволить, чтобы Валериана использовала вас в качестве щита. А такое непременно случится, если вы останетесь. Вы мне ничем не поможете, а вот сыграть на руку этой стерве – запросто. Пожалуйста, не обижайтесь на меня...

Я взглянула на насупившихся друзей, которые понимали правоту моих слов, но смириться с этим никак не могли, потом перевела взгляд на Прекрасу и увидела во взгляде Смерти искорку уважения. Она коротко кивнула мне, и я облегченно вздохнула. С Прекрасой мои друзья доберутся до безопасного места, в этом можно не сомневаться. Я подошла к Смерти и сжала ее ладонь.

– Я доверяю тебе самое дорогое, что у меня есть. Позаботься о них, ладно? И о Дане тоже...

– Что бы ни случилось с тобой, Ллина, они будут в безопасности. Все четверо. Обещаю тебе.

– Спасибо, Прекраса. Но я вернусь, чего бы мне это ни стоило, вернусь обязательно.

– Я буду ждать.

Мы улыбнулись друг другу – живое воплощение смерти и полуангел. Две живые души,

которых связало нечто большее, чем дружба или любовь. Такую привязанность можно ощутить только тогда, когда вместе проходишь через Грань. Или возвращаешься от нее.

Как бы то ни было, но с Прекрасой мы еще встретимся. Как минимум, однажды...

– Удачи, – еще раз улыбнулась я.

Смерть кивнула и первой направилась к выходу из комнаты пыток. За ней неуверенно, постоянно оглядываясь, двинулись остальные. Я постаралась улыбнуться как можно беспечнее, но на глаза наворачивались слезы. В конце концов, я пришла за тем, чтобы спасти их. Но почему-то все равно тяжело было видеть, как они уходят...

Когда друзья скрылись за поворотом, я превратила майку и джинсовку в ярко-голубой топ с открытой спиной и со вздохом облегчения сбросила чары, маскировавшие крылья, которые развернулись с едва слышным шелестом. Мне оставалось подождать, пока Валериана соизволит вернуться проведать пленников. С этой мыслью я наколдовала себе удобное кресло напротив входа и вальяжно в нем развалилась...

Ждать, кстати, пришлось недолго – Хозяйка, злая и взвинченная до невозможности, алым смерчем ворвалась в комнату пыток. Не увидев пленников, зато узрев меня собственной персоной, Валериана на какое-то время потеряла дар речи. Она растерянно переводила взгляд с моих сапфировых крыльев на золотистый меч. Пауза все затягивалась, я же, с наслаждением наблюдая за произведенным эффектом, сожалела только об одном – что так и не научилась красиво курить. Сейчас как нельзя к месту было бы неторопливо раскурить тонкую дамскую сигарету в мундштуке и, лениво пуская дым в лицо ошалевшей от удивления соперницы, глубокомысленно молчать на все ее потуги выдать мало-мальски оскорбительную речь. Поэтому пришлось ограничиться небрежным взглядом и плавным покачиванием ноги, закинутой на подлокотник кресла. Валериана краснела и бледнела, но сказать хоть что-нибудь, кроме маловразумительного набора восклицаний, не могла.

Я пару раз даже намереваясь подсказать нужные слова, но постоянно себя одергивала – надо же Хозяйке сообразить что-нибудь свое. Наконец язык у Валерианы оттаял, и на мою несчастную голову посыпался семиэтажный мат, который я с удовольствием выслушала, запоминая особо эмоциональные обороты и кивая в наиболее удачных, на мой взгляд, местах. Постепенно сквозь поток ругательств стали пробиваться более-менее печатные слова, и вот тогда я приготовилась слушать более внимательно.

– ...Что ты, стерва эдакая, с моим драконом сделала?

– А что такое? – вступила в диалог я, сделав кристально честные глаза.

– Как что? ЕГО ЖЕ НЕТ!

– А где он?

Я даже привстала от удивления. Интересно, куда Прекраса утащила серебряного дракона? Неужто просто перевербовала? Или уже перенесла душу Дана на законное место?..

– Нечисть зашуганная, по углам прячется, – продолжала противница, – дракона нет и в помине, а по Адским Вратам словно ураган прошелся!

– Да что вы говорите? Как интересно...

– Издеваешься? – взвыла Валериана и запустила в меня огненными шарами.

Я вскинула руку, накрывая себя защитным коконом, от которого пульсары благополучно отлетели, пропахав приличные дыры в каменных стенах. Валериана взвизгнула, а я нехорошо улыбнулась, поднимаясь с кресла и поудобней перехватывая меч. Хозяйка не растерялась и выудила из воздуха широкую изогнутую саблю, по черному лезвию которой пробежали красные блики.

– Похоже, мне придется убить тебя собственноручно. Хотя ты и приобрела себе крылья, но с силой, которую дал мне наставник, тебе все равно не справиться.

– Тебя погубит самоуверенность, – парировала я, поигрывая золотистым мечом и медленно подходя к Хозяйке.

– Стерва! – рыкнула Валериана, бросаясь в мою сторону.

Как у нее получилось оказаться так близко от меня – ума не приложу. То ли она действительно научилась управляться со временем, то ли использовала ускоряющее

заклинание – не знаю. Я успела ощутить только свист рассекаемого черным оружием воздуха, но мой меч уже самостоятельно рванулся в сторону, принимая на себя сокрушительный удар. Брызнули колючие искры, и лезвия разошлись с донельзя противным скрежетом. Я отскочила в сторону, уходя от Валерианы на относительно безопасное расстояние. Хозяйка автоматически повторила мое движение, так что теперь нас разделяло несколько метров относительно свободного пространства.

Я выставила ангельский клинок перед собой, и моя аура тотчас вспыхнула золотым огнем, окутав меня тонкой, но очень прочной пленкой – автономным вариантом сферы Высшей Защиты. Судя по тому, что точно такая же дымка, только бордовая, расплзлась по телу Валерианы, я сделала вывод, что Хозяйка тоже готова к серьезной схватке. В том, что из этой комнаты выйдет только одна из нас, сомнений не было. Поэтому, когда противница начала медленно и вдумчиво обходить меня, я поудобнее перехватила меч и постаралась двигаться так, чтобы быть ее зеркальным отражением.

В итоге, когда Валериана нанесла сложный обманный удар, вслед за которым последовал выпад снизу, я оказалась к этому готова. Наши клинки схлестнулись и заплесали двумя молниями. Скорость, с которой Валериана наносила удары, была настолько высокой, что если б не мои новоприобретенные способности и почти живой меч, то я просто была бы нашинкована в мелкий салат. Я отбила атаку и тотчас перешла в наступление, после которого в защите Валерианы образовались две немаленькие бреши, которые, к моему удивлению, затягиваться не спешили. Что ж, будем считать, что шанс у меня есть.

Хозяйка, видимо сообразив, что с помощью одного только меча меня хрен возьмешь, начала прибегать к грязным трюкам. Например, вырастила у меня под ногами гибкие щупальца, о которые я споткнулась, и тотчас выстрелила десятком зеленоватых молний. Молнии я отразила, щупальца распылила, а решила ответить призрачной паутиной, облепившей Валериану с головы до ног, и еще роем шаровых молний размером с шарик для пинг-понга, которые ощутимого вреда не причиняли, но жалились больно.

Моя соперница обозлилась еще больше и начала забрасывать меня разнокалиберными заклинаниями, начиная от банальных файерболов и заканчивая имитацией «инферно» в локальном масштабе. Я носилась по камере, едва успевая отражать их. Наконец Валериана немного выдохлась, и я сумела относительно спокойно вздохнуть – наступил небольшой перерыв. Хозяйка тяжело дышала, злобно сверкая вишневыми глазами. Я же с философским пофигизмом взидала на результаты проявления буйного характера оппонентки, благодаря которым относительно аккуратная комната превратилась в рубеж обороны на Курской дуге после танкового сражения – повсюду виднелись неровные, все еще дымящиеся дыры, в воздухе висел запах гари, а пепел от сгоревшего пыточного инвентаря черным снегом оседал на пол.

– Однако... – философски хмыкнула я, созерцая последствия нашего сражения, закончившегося с нулевым счетом. – Обстановочку не жалко?

Валериана ограничилась неприличным жестом и короткой ветвистой молнией, которая ушла в сторону. Я пристально посмотрела в злые глаза, и меня захлестнула холодная обида – за друзей, которых здесь пытали, потому что они не бросили меня в трудную минуту, за погибшего в чужом мире паладина, чей серебряный крест охлаждал мне кожу на груди, за искалеченные судьбы «светлых» миров...

– Шутки кончились, – мрачно сказала я.

Валериана хотела было привычно огрызнуться, но ангельский меч, неведь как проникший сквозь защиту Хозяйки и вспоровший алый шелк платья на груди стервы, заставил ее передумать. Вместо ответа она сделала ответный выпад, от которого моя защита мигнула и исчезла, а черный клинок срезал кончики перьев на левом крыле.

Я не растерялась, и вот уже защита Валерианы, тихо хрустнув, осыпалась крупными неровными осколками. Мы обе растратили почти всю магию, поэтому дальше сражаться пришлось, полагаясь исключительно на собственное мастерство. Клинки сходились снова и снова, выбивая искры и награждая нас обеих множеством мелких порезов... Наконец

Валериана, каким-то невероятным образом изогнувшись, выбила меч из моих рук, и тот, виновато блеснув, отлетел к дальней стене. Хозяйка ухмыльнулась и уже занесла клинок, чтобы пригвоздить меня к полу, как вдруг обновленная татуировка на моем левом запястье вспыхнула синим с золотыми огоньками светом, и я, повинаясь какому-то внутреннему призыву, ткнула сверкающей рукой ниже солнечного сплетения темной Путешественницы...

На мгновение мы обе застыли, а потом Валериана пронзительно закричала, запрокинув голову. Из ее груди потянулось черное облако, которое постепенно сгущалось вокруг моего запястья, словно поглощая золотистый свет. От крика Хозяйки звенело в ушах, но мне было не до этого. Валериана стала изменяться. Ее гранатовые волосы почти моментально потемнели, став каштановыми, закудрявились и выросли до середины спины. Рост уменьшился, а фигура стала более коренастой. Что произошло с лицом, я не видела, так как отросшие волосы скрыли его почти полностью...

Черное облако сгустилось вокруг моего левого кулака и медленно истаяло, а Валериана, выронив меч, закрыла лицо руками и, перестав кричать, плавно сползла на пол. Я удивленно смотрела то на нее, то на свою руку. Наконец, когда до меня дошло...

Каким-то образом я лишила Валериану силы, которая делала ее посланницей Тьмы, и теперь она стала той, кем была до инициации, – просто человеком. Тем, кого я никак не могла убить.

Я подобрала ангельский меч с пола и, убрав его в ножны, подошла к неподвижно застывшей у стены поверженной сопернице и только тогда поняла, что Валериана тихо плачет.

– Зачем? – Тихий, совсем не похожий на прежний голос Хозяйки, шепот резанул по сердцу. – Почему ты меня попросту не убила?

– Теперь ты человек – ответила я. – Такой же, какой была до инициации.

– Зачем? – Тонкий девичий голос звенел в приближающейся истерике. – Ты думаешь, я захочу жить такой? – С этими словами девушка, бывшая когда-то Валерианой, отняла ладони от лица.

Честно говоря, мне понадобилось все мое мужество, чтобы не вздрогнуть.

Лицо настоящей Валерианы оказалось покрыто множеством шрамов от ожогов. Правая сторона лица девушки была довольно красивой, чуть смугловатая кожа оттеняла теплый тон карих глаз, но вот левая половина представляла собой неровные рубцы блестящей ярко-розовой кожи, из-за которых уголок губ слегка приподнимался, создавая впечатление, что их хозяйка иронично усмехается.

Я ошарашено смотрела на Валериану, не зная, что и сказать, а глаза отмечали ранее не замеченные детали – кисти рук, испещренные пятнами от ожогов, ноги, покрытые застарелыми шрамами от плетей. Я снова перевела взгляд на лицо Валерианы и столкнулась с взглядом карих глаз, в которых кричала боль.

– Ну, как я тебе? Теперь ты довольна?

– Господи... – только и сумела прошептать я. – Что с тобой случилось?

– Инквизиция, вот что!

По изуродованному лицу потекли слезы, но девушка их словно не замечала. Она рассказывала о своей судьбе:

– Я родом из маленькой деревеньки. По всей моей стране шла охота на колдунов. Мне «посчастливилось» родиться именно тогда. Причем ведьмой, хотя, по правде говоря, никудышной – найти потерянную вещь, ну там, девкам погадать, подлечить кого... Дура была, не понимала, что скрываться нужно... – Валериана всхлипнула. – Я считала, что Бог дал мне этот дар, чтобы помогать людям... А когда через нашу деревню проходили инквизиторы, моя лучшая подруга сдала меня этим палачам в черных мантиях. Как впоследствии оказалось, из-за того, что была влюблена в моего жениха... На следующий день меня схватили, и никто, слышишь, никто не сказал ни слова в мою защиту. От меня отвернулись все – и семья, и друзья, и любимый. Все. Меня заперли в подвале. Инквизитор долго спрашивал, зачем я навела порчу на трех женщин, убила ребенка, где и когда

собираются наши шабаши. Я сначала не понимала, о чем он говорит. Тогда инквизитор приказал палачу распять меня, семнадцатилетнюю девчонку, на столе, после чего позвал какого-то ублюдка. Когда я, изнасилованная, охрипшая от криков, пришла в себя, инквизитор ровным и спокойным голосом сказал, что если сегодня же не получит моего признания, то завтра насильников будет двое. Послезавтра – трое. И так далее... Пока я буду упорствовать, меня будут насиловать... Тогда я подписала все бумаги, которые мне подсовывали, только бы поскорее умереть, потому что жить после того, что со мной сотворили, я не хотела... Жечь ведьму собралась вся деревня, и когда меня вели на костер, вслед неслись только вопли и проклятия... В тот миг я возненавидела их всех, возненавидела Бога, к которому обращалась и который меня не услышал. Когда костер зажгли, я воззвала к дьяволу. И он явился. Он дал мне силу, бессмертие, новое тело и возможность мстить... – Валериана опустила глаза к своим изувеченным рукам и тихо, как-то безжизненно добавила: – Тебе этого не понять. У тебя наверняка все было слишком хорошо, иначе бы ты не стала светлой Путешественницей... Ллина, убей меня, пожалуйста. Я не хочу жить ТАКОЙ, со своими воспоминаниями...

Я ошеломленно смотрела на избитую и сломленную жизнью девочку, и мне стало ее жаль. Настолько, что я захотела помочь. В сущности, она не виновата, что была такой стервой, ведь то, что ей пришлось пережить, постоянно напоминало о себе все триста лет... Мне хотелось стереть воспоминания о пережитом просто потому, что сейчас она была человеком. Я осторожно коснулась изуродованного лица и прошептала про себя молитву исцеления...

Золотой свет затеплился у меня в ладони и плавно перетек на лицо Валерианы, постепенно разливаясь по телу. Свет становился все ярче, и мне пришлось прикрыть глаза ладонью, а потом он внезапно погас, словно кто-то щелкнул выключателем. Я убрала ладони и изумленно уставилась на преображенную Валериану.

Шрамы исчезли, оставив после себя гладкую сияющую кожу, горькая складка в уголке губ тоже пропала, а когда девушка открыла огромные карие глаза, то я поняла, что прикосновение ангельской силы, дремлющей во мне, сделало почти невозможное – оно исцелило не только тело Валерианы, но и ее душу, начисто стерев и все воспоминания о кошмаре. Юная девушка, сидевшая передо мной, удивленно оглядела мрачноватый интерьер раздолбанной комнаты и тихо спросила:

– Извините, а как я здесь очутилась?

Я на миг замаялась, но потом, широко распахнув сапфировые крылья, ответила:

– Ты спишь, милая.

Та кивнула, соглашаясь с тем, что синекрылые ангелы встречаются только во сне, и вполне логично поинтересовалась:

– И что теперь?

– Тебе пора домой.

Я протянула руку, и Валериана, уцепившись за нее, поднялась с пола. Я ободряюще ей улыбнулась и сделала шаг к выходу, но... потянуло уже до тошноты знакомым запахом ванили, и перед нами возник донельзя довольный Асмодей собственной персоной. Верховный демон выглядел очень довольным, и это мне не понравилось. Я загородила собой Валериану и с вызовом спросила:

– Что-то потеряли?

– Вы просто великолепны, Ллина. – Асмодей аж светился от предвкушения какой-то очередной гадости. – А как вы решили проблему с моей воспитанницей... Снимаю перед вами шляпу. – Демон галантно поклонился, а в его зеленых глазах загорелся нехороший огонек. – Но есть одна проблемка...

– Выкладывайте все, товарищ Асмодей, и проваливайте с нашей дороги, – буркнула я.

Верховный демон ухмыльнулся:

– Вы же понимаете, что я не могу вас вот так запросто отпустить? Субординация будет нарушена, и все такое... – Он виновато развел руками. – Но я искренне восхищаюсь вами,

поэтому дарую ровно пять минут форы, после чего отдам приказ найти вас и привести ко мне.

– Сволочь ты, Асмодей.

– Должность обязывает, – обворожительно улыбнулся он, приглаживая длинные волосы. – Идите, Ллина. И постарайтесь не попасться моим подчиненным.

Я, пропустив вперед Валериану, аккуратно обошла Асмодея, слегка задев его правым крылом за шелк черной рубашки. Мы уже почти скрылись за поворотом, когда до меня долетел тихий шепот верховного демона:

– И все-таки я надеюсь на нашу встречу.

– Обойдешься, – мрачно пробормотала я, ускоряя шаг...

Пять минут, отпущенные нам, почти истекли, когда мы подбежали к выходу в многоярусную пещеру.

– Так, Валериана, я сейчас полечу. Ты ухватись за меня покрепче и закрой глаза, ладно?

Девушка покорно кивнула и обхватила меня за шею. Я обняла ее за талию и, раскрыв крылья, сиганула вниз.

Восторженный визг моей подопечной едва не оставил меня глухой на одно ухо, но я простеньким заклинанием временно лишила ее голоса, и лететь стало намного проще. В крутом пике я проскочила до самого дна пещеры и влетела в коридор, через который мы с Прекрасой сюда попали. В этот момент Асмодей и отдал команду. Как мне показалось, Адские Врата буквально ожили – коридоры наполнились воплями, воем и другими малоприятными звуками, издаваемыми нечистью. Валериана побледнела и вцепилась в меня с такой силой, что едва не задушила. Я с трудом вписалась в очередной поворот и попросила:

– Лера, ослабь хватку! Нам еще лететь и лететь.

Повторять подвиг Гастелло ни мне, ни ей не хотелось, девушка слегка расслабилась, поэтому в нужный туннель я влетела без проблем, но вот когда мы появились в основной пещере, ведущей к выходу из Адских Врат, мне пришлось спуститься на пол.

К этому времени слуги Адских Врат уже успели подготовить «делегацию» – сотни три нечисти всех форм и размеров перекрыли нам путь домой. Я с трудом отцепила от себя бледную Валериану и задвинула ее за спину уже привычным жестом, обнажая ангельский меч. Толпа слегка попятилась, но не разбежалась. Жаль, скольких бы проблем избежали...

Нечисть пошептала, и навстречу нам опять вытолкнули парламентаря. На это раз Шпик шел с гордо поднятой головой, видимо, окончательно перестал меня бояться. Чертик остановился в трех метрах и поклонился:

– Госпожа Ллина, я рад видеть вас в добром здравии.

Я величественно кивнула, не опуская меч и продолжая удерживать за спиной рвущуюся Леру.

– К сожалению, должен сообщить, что от нашего президента поступил приказ схватить вас, причем обязательно живыми. Поэтому обращаюсь с ни-жайшей просьбой – сдайтесь, а?

Последняя фраза заставила меня невольно хихикнуть, но я все же взяла себя в руки и ответила:

– Шпик, ты меня знаешь. А теперь подумай, какие у вас шансы уговорить сдать БЭЗ БОЯ меня, Путешественницу со стажем, а ныне ангела-воителя? Не смешите мои тапочки, ребята.

– Мы предложили. Простите, но нам придется захватить вас и вашу спутницу силой. Мы уважаем вас за то, что вы раскрыли нам глаза на неподобающий политический строй в Адских Вратах, но гражданский долг превыше всего.

– Понимаю. На войне как на войне.

Черт кивнул головой, отвесил мне еще один поклон и смешался с толпой. Нечисть обрадованно оскалила зубы и ринулась на нас.

Я взмахнула мечом и создала защитную высокую стену бледно-голубого огня, от которого нечисть шарахнулась, как тараканы от зажженной спички, после чего дернула

девушку за руку и побежала к едва заметному алому пятну портала, пройдя через который мы сможем оказаться дома.

– Лера, перебирай ногами, быстрее! Огненный круг долго не продержится.

Мы понеслись сквозь ряды нечисти, которая с воплями и рычанием разбегалась от ярко полыхающего огненного кольца, плившего за нами.

Господи Боже, как же медленно мы бежим! Портал почти не приближается, а огненное кольцо становится все уже! Я сцепила зубы и ускорила бег, таща за собой уже начавшую задыхаться Леру. По пятам неслась обозленная нечисть, и вида этой разношерстной клыкасто-когтистой толпы хватало, чтобы воодушевить нас на ускорение темпа... Спасительное кольцо сжималось с каждой минутой, погаснув в самый неподходящий момент – до вожаемого «окна» осталось каких-то жалких двести метров. Нечисть обрадованно взвыла, я остановилась и, тяжело дыша, подтолкнула Валериану к выходу.

– Девочка моя, слушай сюда, быстро и внимательно. Бежишь вон к тому красному пятну со всех ног и проходишь сквозь него. На той стороне увидишь моих друзей. Среди них должна быть девушка в коричневом плаще. Подойдешь к ней, расскажешь, кто ты, и она отправит тебя домой.

– А как же вы?

– Я сама справлюсь. Беги, тебя они не тронут, им я нужна только.

– Но....

Я взмахнула рукой, и Леру снесло воздушной волной по направлению к portalу. Девчонка все-таки поняла, что от нее требуется, и со всех ног понеслась к гостеприимно раскрытому portalу.

Нечисть рванула было за ней, но пляска голубого огня, веером разошедшаяся от ангельского меча, заставила преследователей передумать. Обитатели Адских Врат все-таки рискнули схватить меня. Я взмахнула свободной рукой, и полтора десятка мощных шаровых молний вырубili ближайших нападающих. Атака захлебнулась, вот тогда-то в ход пошли адские ВВС – двухметровые каменные горгульи, которые начали обстреливать меня камнями, так и норовя попасть по голове.

– Ой, мамочки... Что дется, что дется... – фальшиво запричитала я, сбивая летящие в меня глыбины миниатюрными пульсарами, так что вниз опадала только мелкая каменная крошка.

Но камни кончились, а горгульи остались. Да и нечисть продолжала напирать.

Краем глаза я увидела яркую вспышку со стороны портала – значит, Лера прошла. Теперь можно подумать и о том, как выбраться самой. Я взмахнула крыльями и взлетела под потолок, играя с догонялки с горгульями и между делом круша их лезвием ангельского меча, который рубил камень так же легко, как хороший нож – арбузы. Когда адские летуны перестали оглашать воздух своими воплями, упокоившись в виде обломков, я спланировала прямо к portalу...

Я уже почти влетела в его «окно», когда сверху упало что-то тяжелое, когтистое и зубастое, моментально располозовав мне спину и едва не сломав левое крыло. Под тяжестью этой туши я рухнула вниз, по счастью оказавшись при падении наверху. Тварь (а это был гибрид химеры и волколака), вцепилась когтями мне в плечо. Я заорала не своим голосом, пытаясь отцепить гадину, но меч выпал из моей прокушенной руки, так что пришлось действовать магией. От полноценного огненного шара в морду тварь взвыла, но рассыпаться пеплом не спешила. Однако боль все-таки заставила ее отцепиться от моей руки, и я рванулась к мечу.

Почти дотянувшись, но гибкая черная туша опять сбила меня с ног, впечатав в каменный пол. Левое крыло едва слышно хрустнуло и обессиленно повисло. Все-таки сломала, сволочь эдакая. Гибрид замахнулся когтистой лапой, намереваясь перервать мне горло, как вдруг в воздухе мелькнула серебряная молния причудливо изогнутого клинка, и голова твари, мелькая оскаленными клыками, слетела с шеи. Хлынувшая из обрубка кровь залепила мне глаза.

Я вскрикнула, но кто-то резким рывком выдернул меня из-под трупа волколака и, забросив на плечо, куда-то потащил. Я пыталась открыть глаза, но не могла. Правая рука не слушалась, тогда я вскинула левую, призывая меч, и, как только пылающая рукоять обожгла мою ладонь, замахнулась, чтобы ударить неведомого похитителя, как вдруг я почувствовала, что мы проходим сквозь портал. Значит, это свои! Я расслабилась и сразу же почувствовала, как сильно болит тело – и разодранная спина, и сломанное крыло... Сознание плавно покинуло меня, последнее, что я слышала, был звон меча, выпавшего из ослабевших пальцев на мраморный пол...

У-у-у. Как же мне плохо. Спина жутко болела, как и все тело, а общее состояние оценивалось как «лучше бы я умер вчера». Голова раскалывалась. Мамочки, отчего же? Ведь точно помню – по ней меня в этот раз не били. Я медленно досчитала про себя до пяти и попыталась открыть глаза.

К счастью, сознание не стало выпендриваться, так что у меня получилось не только оглядеться, но даже приподнять голову с подушки. Оказывается, я лежала на животе на широкой кровати, причем обстановка подозрительно напоминала комнату, оставленную в Галерее. Выходит, Прекраса как-то связалась с моим Хранителем и тот раскрыл портал сюда. Отлично... Я попыталась пошевелиться. К моему удивлению, у меня это получилось. Спина, судя по всему, начала заживать, наверняка Голос постарался, правая рука слушалась, хоть и с трудом, а сломанное крыло уже заросло настолько, что я даже сумела подтянуть его поближе и аккуратно сложить.

– Арсени-и-ий! – неуверенно позвала я.

Хранитель появился почти моментально, глядя на меня своими немного печальными голубыми глазами. Ангел уселся рядом и ласково положил прохладную ладонь мне на лоб.

– Как ты, Ллина?

– Нормально. – Я попыталась улыбнуться. – Спина ноет, крыло слегка дергает, но в целом терпимо...

– Крыло подергивает... – тихо повторил ангел. – Ллина, ты понимаешь, что, став полуангелом, перестала быть Путешественницей?

– Думаю, что да. Меня теперь выгонят?

– Нет, что ты. – Хранитель ласково улыбнулся. – Напротив, я попросил вышестоящее руководство, чтобы тебе разрешили остаться в Галерее в качестве помощника.

– Твоего или нового Путешественника?

– И то и другое. Я-то в отличие от тебя не имею права покидать Галерею, но ты сможешь отправляться вместе с Путешественником на задания и, в случае чего, вытаскивать его из критических ситуаций. Конечно, решать тебе, но если захочешь остаться...

– Конечно, хочу! – Я села на кровати и порывисто обняла ангела. – Арсений, ты ведь моя семья. Я никуда не уйду... У меня к тебе только один вопрос.

– Да?

– Можно ли мне будет как-то наладить и личную жизнь?

Хранитель покраснел, но все-таки ответил:

– В этом плане ты абсолютно свободна. Мы ж не звери какие, все понимаем.

– Отлично! – Я улыбнулась и кое-как сползла с кровати. – А следующий вопрос на засыпку: где мои друзья?

– Живы и здоровы, – улыбнулся Арсений. – Тебя ждут. Они сейчас на кухне, мне пришлось ее слегка расширить, чтобы все нормально уместились.

– Тогда я пошла?

– Если чувствуешь себя нормально, то вперед.

– Спасибо. – Я подмигнула ангелу и медленно, путаясь в длинном белом балахоне с прорезями на спине, вышла из комнаты.

Галерея встретила меня привычным зелено-голубым светом. Теперь, когда Валериана перестала быть Хозяйкой, ее слуги исчезли из «светлых» миров, так что новому Путешественнику достанется рутинная работа – шлифовка шероховатостей... Я довольно

улыбнулась и неторопливо побрела к двери кухни, за которой царил подозрительная тишина. Интересно, они что, уже поминки справляют?

Я осторожно приоткрыла стеклянную дверь, и тихие голоса за ней сразу же умолкли, а потом на пороге появился Дан. Живой и невредимый эльф смотрел на меня своими теплыми глазами цвета черного жемчуга, словно пытаюсь разобрать, я это стою или всего лишь мой призрак. Я протянула ему дрожащую руку, и Иллидан прикоснулся к ней аккуратно, боясь причинить боль, а потом сгреб меня в охапку, заставив тихо пискнуть от неожиданности, и зарылся лицом в мои значительно укоротившиеся волосы.

– Ллина... – И столько нежности было в его голосе, что я расплакалась от счастья.

Вот он, живой, здоровый и ничуть не изменился – Прекраса сдержала свое слово и вернула его мне.

– Дан... Все хорошо, честное слово. Теперь все будет замечательно...

Эльф, все еще обнимая меня, сделал шаг назад, и я увидела, что за столом сидят мои друзья, довольные и счастливые.

Ниита положила голову на плечо Элланона, и в глазах улыбающейся вампирши стояли слезы. Тролль, как ни в чем не бывало, отсалютовал мне бокалом, продолжал уничтожать продовольственные запасы, а Аннимо с Прекрасой смотрели на меня одинаково счастливыми глазами, словно с них разом свалилась тяжкая ноша. Я вздохнула и, откинувшись на грудь Дана, прикрыла глаза. Наконец-то все устаканилось, и теперь можно спокойно продолжать жить. Эльф наклонился к моему уху и тихо шепнул:

– Арсений сообщил, что уже нашел нового Путешественника?

– Да что ты? – вскинулась я. – А почему он мне ничего не говорил?

– Это сюрприз.

С этими словами остроухий интриган слегка сдвинул рукав черной рубашки, и на его левом запястье я увидела светлую татуировку Путешественника...

Мой возмущенно-радостный вопль разорвал тишину Галереи:

– ПРЕДУПРЕЖДАТЬ ЖЕ НАДО!!!

Ответом был радостный смех моих друзей и крепкий поцелуй Дана...

ЭПИЛОГ

– Арсений, в который раз тебя спрашиваю, ГДЕ МОЙ РЕБЕНОК???

Я обозленной тигрицей металась по Зеркальной галерее, и от моих сапфировых крыльев во все стороны разлетались синие искры. Ангел скромно прилип к потолку, стараясь не вякать без дела и при этом пытаюсь меня успокоить.

Не-ет, я так не могу! Я-то, конечно, понимаю, что наследник полуангела и Путешественника от рождения обладает определенными способностями, но вот так просто облапошить Хранителя и самовольно смыться в другой мир... Найду этого мелкого террориста – отшлепаю! Нет, сначала поцелую, но потом непременно отшлепаю.

– Ллиночка, ну не беспокойся ты так. Иллидан уже отправился его искать. К счастью, я знаю, в какой мир твой сын смылся, так что скоро он будет дома...

Вот блин, мне прямо легче оттого, что Арсений знает, куда сбежало это чадо. Пацану всего десять лет, а он уже в одиночку по мирам шастает... С ума сойти можно.

И кто же знал, что у нашего с Даном отпрыска объявятся такие способности! В пять месяцев уже левитировал игрушками! В два года случайно взлетел к потолку сам, а в шесть лет играл с папочкой в казаки-разбойники, строя весьма оригинальные и очень качественные иллюзии. Теперь у него проявилась еще и способность шастать между мирами... Дан говорит, что это он унаследовал от меня, на что я обычно отвечаю, что характер у нашего сына явно в отца, так что пусть не возникает... Господи, в третий раз уже сбегает! Ведь точно влипнет в какую-нибудь историю, а нам с Даном его вытаскивать придется...

Я обессиленно уселась на пол и уткнулась в ладони. Арсений, радуясь, что гроза прошла стороной, спланировал, уселся рядом и успокаивающе погладил меня по голове.

– Ллина, поверь моему опыту, все у твоего мальчишки хорошо. Дан его найдет, в крайнем случае, Прекраса обещала за ним присматривать, так что все будет в порядке.

– Да знаю я, знаю. Но все равно волнуюсь. Он, кроме иллюзий и левитации, еще ничего не умеет!

Ангел тяжело вздохнул, но все же рискнул по-братски приобнять меня за плечи.

– Ллиночка, не дергайся...

Я уже открыла рот, дабы высказать Голосу все, что я думаю о своей взбалмошной семейке, но тут прямо передо мной полыхнуло зеленым светом окно портала и из него выбежал сначала мой сын, а за ним неторопливой грациозной походкой вышел Дан.

– Мама!!!

Я подхватила своего маленького разбойника на руки и слегка шлепнула по затылку.

– Сколько раз тебе повторять, не ходи по другим мирам без сопровождения! Ох, чую, огребу я когда-нибудь с тобой проблем выше крыши!

– Так я не один!

Сын уставился на меня невинными глазами цвета черного жемчуга, точь-в-точь такими же, как у отца. Я в очередной раз поразилась тому, как они похожи – от меня, судя по всему, мальчишка унаследовал только несносный характер.

– Я с тетей Прекрасой был.

– Ну, это еще куда ни шло, – облегченно вздохнула я, опуская сына на пол и обнимая подошедшего ко мне Дана.

– Не дергайся, я тебе уже сто раз говорил, что у нас великолепный ребенок. – Муж легонько чмокнул меня в ухо и прошептал: – Кстати, как ты смотришь на то, чтобы завести еще одного?

– Еще одного разбойника? – Я шутливо щелкнула Дана по носу и тотчас подарила утешительный поцелуй. – Мне вас двоих хватает под завязку!

– Пусть это будет девочка...

– Ладно, – улыбнулась я, – иди уложи нашего искателя приключений спать и потом поговорим.

Дан многозначительно подмигнул и, подхватив сына под мышку, потащил его в сторону спальни. Я влюбленно посмотрела в их сторону, и на моем лице сама собой расплылась довольная улыбка.

Я была абсолютно счастливым человеком!

Но вот насчет проблем в ближайшем будущем я не ошиблась...